Научно-практический журнал

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

№ 4
2021

ISSN 2079-0295

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 4 (48) 2021
Выходитежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX
Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(Распоряжение Минобрнауки РФ от 28.12.2018 № 90-р)
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Учредитель и издатель:
Автономная некоммерческая организация
«Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права»
Сайт издателя: www.niiapsp.ru;e-mail: nii.pravo@gmail.com
Сайт журнала: www.vzlaw.ru;e-mail: vzlaw@yandex.ru
Подписано в печать 25.12.2021. Формат 70×100 1/16.Объем 17.1875п. л. Тираж 1000 экз.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании, являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2021

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Андреев Владимир Константинович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (РГУП), заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Стус Нина Владимировна, д. ю. н., профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», заслуженный юрист РФ.

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турлуковский Ярослав Владимирович, доктор права, профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления.

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Вавилин Евгений Валерьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», судья Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке.

Дзидзоев Руслан Мухарбекович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».Почетный работник сферы образования РФ.

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., директор Центра нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

Морозов Сергей Юрьевич, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет».

Параскевова Светлана Андреевна, д. ю. н., профессор, судья Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда в отставке.

Рузанова Валентина Дмитриевна, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарскийнациональный исследовательский университет имени академика С. П. Королева».

Серова Ольга Александровна, д. ю. н., профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет».

Тужилова-Орданская Елена Марковна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

Харитонова Юлия Сергеевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Чеговадзе Людмила Алексеевна, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, докторюридическихнаук, профессор.

Editor-in-Chief

Vladimir Pavlovich Kamyshansky, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Director of the ANO "Research Institute of Current Problems of Modern Law", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honoured Scientist of Kuban.

Deputy editor-in-chief

Rudenko Evgenia Yurievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Editorial board

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honored Scientist of the RF, Honored Scientist of Kuban.

Andreev Vladimir Konstantinovich, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department at the Russian State University of Law and Justice (RGUP), Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

Belykh Vladimir Sergeyevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Ural State University of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Gubin Evgeny Parfiryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at Moscow State University named after M.Y. Lomonosov. Professor, Head of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Didenko Anatoly Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Private Law Department at the Caspian Public University (Kazakhstan).

Kuznetsova Olga Anatolievna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Perm State National Research University".

Stus Nina Vladimirovna, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

Philippov Pyotr Martynovich, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department at the Astrakhan State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Malko Alexander Vasilievich, Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation.

Murtazakulov Jamshed Saidalievich, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department of the Tajik National University (Tajikistan).

Popondopulo Vladimir Fedorovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Commercial Law Department of the Saint Petersburg State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation.

Turlukovsky Yaroslav Vladimirovich, Doctor of Law, Professor at the Institute of Civil Law, Head of the Center for Law Studies in Eastern Europe and Central Asia, Faculty of Law and Government, University of Warsaw (Warsaw, Poland).

Tsybulenko Zinoviy Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Editorial board

Anisimov Alexei Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Volgograd Institute of Management.

Barkov Alexey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Vavilin Evgeny Valerievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law of Saratov State Law Academy, retired judge at the Court of Arbitration of the Russian Federation.

Dzidzoev Ruslan Mukharbekovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at Kuban State University.

Dolinskaya Vladimira Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University.

Emelkina Irina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor of the Law Department of the Private Law Disciplines of the National Research University Higher School of Economics.

Inshakova Agnesa Olegovna, Doctor of Law, Professor, Head of Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law, Volgograd State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Kurmanalieva Asel Abylkanovna, Candidate of Juridical Sciences, Director of the Center for Rule-Making and Rule of Law under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.

Molchanov Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure at the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

Morozov Sergey Yurievich, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ulyanovsk State University".

Paraskevova Svetlana Andreevna, Doctor of Law, Professor, retired Judge of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal.

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law at Samara National Research University named after Academic S. P. Korolev.

Serova Olga Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pskov State University".

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Civil Law Department of the Institute of Law of Bashkir State University, Professor of the Civil Law Department of Astrakhan State University.

Haritonova Yulia Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Pre-business Law Department at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Chegovadze Lyudmila Alekseevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.I. V. Ya. Kikotya.

Содержание

Колонка главного редактора

Камышанский В. П. Запрет майнинга и оборота криптовалюты в России: проблемы и тенденции…. 12

Актуальные проблемы современного права

Камышанский В. П., Стыценко Р. А. Возмещение убытков при ухудшении качества земельных участков сельскохозяйственного назначения 20
Филиппов П. М. О возмещении ущерба, причинённого преступлением, на предварительном следствии…. 35
Ибрагимов К. Х. Механизм правового регулирования: возможно ли его применение (на примере экологического и земельного права)?..... 43
Новикова С. В., Жукова П. С. Актуальные вопросы толкования гражданско-правовых норм 65
Процевский В. А. Реализация гражданских норм-принципов в сфере конституционной экономики..... 75
Шеховцова А. С. Злоупотребление правом субъектов предпринимательской деятельности на примере возбуждения процедуры банкротства должника….. 86

Трибуна молодого ученого

Афанасьева Т. Ю. Эволюция правового регулирования приобретения права собственности..... 97
Галкин В. И. Подходы к определению категории «конфликта интересов» в праве и в отношениях собственности..... 104
Ежова Е. А. Защита исторической правды в российском законодательстве через реализацию прав «детей войны»..... 117
Куликов А. В. Правовое регулирование субординированных инструментов в банковской деятельности 124

Сапега В. А., Яшнова С. Г. К вопросу о понятии транспортного средства в российском законодательстве.....137
Трофимова Г. А. Лишение родительских прав: правовая природа санкции и ее основания 152
Соколова Д. О. Астрент как гражданско-правовая категория 169
Онасенко Александр Александрович О соотношении понятий «жилище» и «жилое помещение» в российском публичном и частном праве, в практике Европейского Суда по Правам Человека.....178
Ряполова К. И. Процедура международного усыновления (удочерения).....189
Пустовалова О. О. К вопросу о правовом статусе и ответственности арбитражного управляющего..195
Голубец Л. С. О некоторых проблемах высшего образования в России с позиции обучающегося.....205
Стыценко Р. А. Сельский туризм в России: перспективы развития правового регулирования 215
Чикин А. А. Абсолютные залоговые правоотношения в структуре гражданско-правовой конструкции залога224

Рецензии. Критика

Камышанский В. П. Рецензия на монографию Голоскокова Л. В. «Пятая колонна как социальный, правовой и криминальный феномен». – М.: Русайнс, 2021. – 282 с. ISBN 978-5-4365-8734-9 238

Contents

Column of the chief editor

Kamyshansky V. P. Prohibition of mining and cryptocy currency trafficing in Russia: problems and trends 12

Actual problems of modern law

Kamyshansky V. P., Stytsenko R. A. Compensation for losses due to deterioration of agricultural land 20
Filippov P. M. About the compensation for damage caused by a crime during the pre-trial investigation 35
Ibragimov K. H. Regulatory mechanism: is it possible to apply it (using the example of environmental and land law)?.....43
Novikova S. V., Zhukova P. S. Current issues of interpretation of civil law norms 65
Protsevskiy V. A. Implementation of civil norms-principles in the constitutional economy 75
Shekhovtsova A. S. Abuse of the right of business entities as exemplified by the initiation of bankruptcy proceedings against a debtor 86

Tribune of a young scientist

Afanasyeva T. Y. The evolution of the legal framework for the acquisition of property rights 97
Galkin V. I. Approaches to defining the category "conflict of interest" in the law and in the property relationst 104
Ezhova E. A. Protection of historical truth in russian law through the realization of the rights of children of war 117
Kulikov A. V. Legal regulation of subordinated instruments in banking 124
Sapega V. A., Yashnova S. G. On the concept of a vehicle in russian legislation 137

Trofimova G. A. Deprivation of parental rights: the legal nature of the sanction and its grounds 152
Sokolova D. O. Astrent as a civil law category 169
Onasenko A. A. About the correlation between the notions of "dwelling" and "living accommodation" in russian public and private law, in the jurisprudence of the European Court of Human Rights 178
Ryapolova K. I. International adoption procedure 189
Pustovalova O. O. About the legal status and liability of trustee in insolvency 195
Golubets L. S. About some problems in higher education in Russia from the viewpoint of the student 205
Stytsenko R. A. Rural tourism in Russia: prospects for legal regulation 215
Chikin A. A. Absolute pledge relations in the structure of the civil law structure of pledge 224

Reviews. Criticism

Kamyshansky V. P. Review of L. V. Goloskokov's monograph "The fifth column as a social, legal and criminal phenomenon". – M.: Rusains, 2021. – 282 s. ISBN 978-5-4365-8734-9..... 238

Колонка главного редактора

УДК 347.1
ББК 67.404.02

Камышанский Владимир Павлович
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
директор Научно-исследовательского института
актуальных проблем современного права (Россия)

ЗАПРЕТ МАЙНИНГА И ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

PROHIBITION OF MINING AND CRYPTOCY CURRENCY TRAFFICING IN RUSSIA: PROBLEMS AND TRENDS

В декабре 2021 г. стало известно, что Центральный Банк Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) хочет запретить криптовалюты на территории страны. ЦБ РФ рекомендует ввести следующие запреты: на производство криптовалют (майнинг), их обращение и обмен на рубли и другую реальную валюту. Кроме того, российским банкам предлагают запретить инвестировать в виртуальные биржи, а физическим лицам при покупках – пользоваться криптовалютой в качестве средств платежа. За несоблюдение указанных ограничений предложено установить административную и уголовную ответственность.

В конце 2021 г. Эльвира Набиуллина выступила против использования российской финансовой инфраструктуры для сделок с криптовалютами: «Криптовалюты несут большие риски для розничных инвесторов из-за высокой волатильности и использования в незаконной деятельности, поэтому мы не можем приветствовать вложения в такого рода активы»[1]. Согласно одним источникам, глава Центробанка России Э. Набиуллина якобы согласилась запретить криптовалюты в нашей стране под влиянием Федеральной службы безопасности с целью исключения возможности пожертвований для нежелательных организаций и СМИ-иноагентов. Так, в 2020 г. «Штабы Навального»[2] получили 648 биткоинов – по курсу, когда они поступили на кошелек, сумма была эквивалентна 3,3 миллиона долларов, о чем информировал медиахолдинг «РБК» со ссылкой на обозревателя блокчейна[3].

Существует и другая версия такой инициативы ЦБ РФ, на основании которой становится понятым, что дискуссия о будущем криптовалют в России связана не столько с экономикой, сколько с политикой, в частности обострением отношений Москвы с Западом[4]. Перед финансовыми властями поставлена четкая задача: в условиях вероятной эскалации на Украине пресечь или минимизировать вывод средств из страны. Сила криптовалют в их анонимности. В условиях конфликта с Западом запланировано свести к минимуму возможность элиты создавать запасные аэродромы. Поскольку вывод денег в мире осуществляется в криптосфере, ЦБ РФ пришел к выводу о том, что нужно внести существенные законодательные ограничения в этой сфере.

Запрет криптовалют на территории России нанесет удар не только по «серой» экономике страны, но и по российской элите.

---

[1] ЦБ предложил запретить оборот и майнинг криптовалют в России // Rbc.ru. 2021. 20 января. URL: https://www.rbc.ru/finances/20/01/2022/61e911ed9a79476db721c0a7? (дата обращения: 28.12.2021).

[2] Запрещенная в России экстремистская организация, признанная иностранным агентом.

[3] «Штабы Навального» собрали $3,3 млн в Bitcoin за 4 года // Rbc.ru. 2020. 20 июля. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/5f158ea99a794728298fce21 (дата обращения: 28.12.2021).

[4] *Седова А.* Путин ударит криптовалютой по рукам олигархам // Свободная пресса. 2021. 27 января. URL: https://svpressa.ru/economy/article/323355/ (дата обращения: 28.12.2021).

Он может привести к обратному эффекту, в том числе вызвать к ним повышенный интерес или вывод капитала за пределы нашего государства. Россия уже начала прощаться с криптовалютой. После публикации доклада ЦБ РФ неизвестный вывел с крупнейшей действующей российской криптобиржи *Binance* 6,5 млрд рублей[1]. Запрет криптовалюты в России можно сравнить с запретом в нашей стране доллара. Если бы это произошло, то доллар остался бы не менее желанным для россиян, что привело бы к возрождению «черного рынка» обмена валют.

ЦБ РФ предлагает запретить оборот и майнинг криптовалют в России, а регулятор – ввести ответственность за эти действия, а также за использование криптовалют для платежей. В криптовалюте ЦБ РФ видит риски для курса рубля, настойчиво убеждая ввести запрет на выпуск, обращение и обмен криптовалют, а также на организацию этих операций на территории России.

Следует отметить, что ЦБ РФ последовательно выступал против легализации криптовалют в российском государстве. Такую позицию он обосновывал тем, что выпуск, обращение и обмен криптовалют на территории России характеризуется высокой волатильностью. В связи с этим деятельность в данной сфере влечет за собой высокие риски.

В июне 2021 г. глава Центробанка Э. Набиуллина в Государственной Думе России подтвердила свое отрицательное отношение к использованию криптовалют для расчетов внутри страны. По ее мнению, криптовалюта представляет собой денежный суррогат, который нежелательно использовать для расчетов внутри государства. При этом глава ЦБ РФ утверждает, что нельзя путать криптовалюты и цифровой рубль, поскольку последний – цифровая форма национальной валюты, обеспеченной Центробанком.

В сентябре 2021 г. первый заместитель председателя ЦБ РФ Сергей Швецов на форуме «Банки России – XXI век» раскритиковал данный вид активов. Он сообщил, что регулятор обсуждает поправки в законодательство, которые расширят запрет на использование криптовалют, а также введут административную и уголовную ответственность за нарушение ограничений. Кроме того, заместитель председателя отметил, что

[1] Россия начала прощание с криптой. URL: https://t.me/breakingmash/30696 (дата обращения: 28.12.2021).

ЦБ начинает работать с банками, чтобы они тормозили платежи в адрес криптобирж. По словам С. Швецова, это позволит избежать эмоциональных покупок криптовалюты россиянами.

Рынок криптовалюты очень сложно ограничивать на национальном уровне, поскольку он характеризуется как транснациональный. ЦБ РФ планирует законодательно утвердить правила обращения криптовалют, по которым российский бизнес и граждане будут иметь только право покупать и хранить цифровые активы, но не через отечественную финансовую инфраструктуру или посредников.

В настоящее время, по некоторым оценкам, в России существует около 17 млн людей, имеющих криптокошельки. Большинство из них – молодые люди, причем не только жители крупных городов. Общий объем криптовалют, которым владеют россияне, оценивается в 7 трлн руб. (или 92 млрд долларов), что составляет приблизительно треть годового государственного бюджета России. Как видим, цена вопроса велика по сравнению с теми рисками, которые могут привести к финансированию иностранных агентов в России. Это означает, что рассматриваемый вопрос требует очень взвешенного подхода, и исключительно запретительными методами можно получить обратный эффект, который повлечет за собой обострения социальной напряженности и снижение экономической эффективности.

Нельзя не признать, что, наряду с высокими рисками, в исследуемой сфере Россия обладает и определенными конкурентными преимуществами. С учетом профицита и относительной дешевизны электроэнергии в нашей стране, наличия подготовленных кадров и относительно мягкое законодательство в этой сфере майнинг может быть выгодным видом деятельности. Речь идет о производстве криптовалюты за счет мощностей компьютерного оборудования. В мире криптовалют центробанков нет. Единственным способом добычи криптовалюты является майнинг, построенный на решении компьютерами математических задач. Тем самым компьютеры генерируют новые блоки блокчейна.

Майнинг самой популярной криптовалюты – биткоина – в настоящее время невозможен без специального дорогого оборудования. Бизнес майнера заключается в переработке большого количества электрической энергии в обмен на получение биткоина. В 2021 г. Россия вошла в тройку лидеров по

объему хешрейта (вычислительных мощностей). Доля России в добыче криптовалют составила 11,23 процента против США (35,4 процента) и Казахстана (18,1 процента). В 2021 г. Китай запретил майнинг и торговлю криптовалютами на территории страны. Народный банк Китая в сентябре заявил, что криптовалюты не должны циркулировать на рынках наравне с традиционными валютами и что иностранным биржам запрещено предоставлять услуги материковым инвесторам. После этого 14 крупнейших майнинговых компаний в мире за несколько месяцев вывезли из КНР более двух миллионов компьютеров, в том числе в Россию и Казахстан. Видимо не случайно в Иркутске потребление электрической энергии в прошлом году выросло на 160 процентов при плановом показателе 2,8 процента.

С одной стороны, речь идет о высокотехнологичной индустрии, которую было бы неверным запрещать в нашей стране и предлагать развиваться майнингу за пределами РФ. С другой – добыча криптовалюты представляет собой существенную угрозу для развития реальных секторов мировой экономики и климата Земли, поскольку огромный объем электричества, потребляемый при добыче биткоинов, влечет за собой рост потребления углеводородного сырья и углеродного следа. При этом в результате деятельности майнеров общество не получает дополнительного прироста материальных благ.

В настоящее время вопросы выпуска и обращения криптовалют в России законодательно не урегулированы. Это означает, что криптообменники, криптобиржи, P2P-платформы, иные операторы криптовалютного рынка находятся вне правового поля. Вместе с тем Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» запрещает использование цифровых валют в качестве средства платежа на территории РФ.

По сути, криптовалюта – это параллельная валюта, выпуск которой никем не контролируется и не обеспечивается реальными материальными ценностями. Данное обстоятельство не может не сказаться негативно на денежном обращении. Биткоины отвлекают на себя средства с банковских депозитов, фондового рынка вместо инвестирования в отрасли реального сектора экономики. Недостаток денежных средств в реальном секторе экономики может повлечь за собой дополнительную денежную эмиссию, что негативно скажется на уровне инфляции. Кроме того, использование криптовалют создает благоприятные условия для осуществления теневых финансовых

операций, в том числе финансирования незаконной деятельности.

Как нам представляется, законодательный запрет майнинга и оборота криптовалюты в России не решит проблему, поскольку обороты криптовалюты и вовлеченность людей в исследуемую сферу деятельности достигли значительных размеров. В майнинге в нашей стране сегодня много заинтересованных лиц, денег и договорённостей, и запрет криптовалют может вызвать негативную реакцию у миллионов граждан. Поэтому решение о запрете такой деятельности должны принимать с учетом множества факторов социального политического и экономического характера, а не исключительно на основании заявлений и рекомендаций ЦБ РФ.

Наряду с негативными сторонами майнинга нельзя отрицать, что цивилизованное применение криптовалют может способствовать привлечению иностранных инвестиций в эту сферу деятельности, развитию различных проектов цифровой экономики, в том числе современных финансовых технологий. Появление запретов уведет рынок криптовалюты в «серую» зону. Как показывает исторический опыт эволюции российской экономики, ни один запрет не приводил к прекращению развития объективно обусловленных отношений в сфере экономики. Они уходили в тень или меняли юрисдикцию, но продолжали существовать. Особенность майнинга заключается в том, что майнерам практически невозможно уйти в тень с учетом того, что деятельность майнеров можно легко отследить по значительному объему потребления электроэнергии и специфическому протоколу связи *stratum + tcp*. Им придется покинуть территорию РФ.

Переезд майнинговых ферм в новую юрисдикцию скажется на доходах данной сферы деятельности. Кроме того, это негативно отразится и на блокчейн-сети, поскольку их мощность временно снизится из-за отключения и переезда значительных объемов майнеров в другие регионы. Указанные обстоятельства могут сказаться и на курсе криптовалюты.

Полагаем, полный запрет и полная свобода развития майнинга в России несут в себе большие риски и возможные экономические издержки. Поэтому поиск приемлемого решения должен проявляться в выработке компромиссного решения, в контексте которого следует продумать механизм контроля со стороны государства за оборотом криптовалюты и разрешением

майнинга не на всей территории России, а в регионах, где существует избыток дешевой электрической энергии (например, в Иркутске, Красноярске, Карелии, где профицит электрической энергии обусловлен наличием большой мощности местных гидроэлектростанций и закрытием целого ряда энергоемких промышленных объектов в результате проведения неразумной приватизации). Целесообразно рассмотреть вопрос на государственном уровне о необходимости предоставления возможности гражданам РФ покупать и продавать криптовалюты только на нескольких зарегистрированных биржах.

Проблемы правового регулирования отношений майнинга и рынка криптовалют в последние годы стали предметом углубленного изучения российской юридической науки[1]. Активно нарабатывается доктринальная основа для развития современного гражданского законодательства в сфере правового регулирования выпуска, хранения, обмена, покупки и продажи криптовалюты с учетом накопленного зарубежного опыта. Это позволит, минуя запреты, через разрешения, дозволения и правовые ограничения сбалансировать такую новую сферу общественных отношений и придать ей динамичность в развитии.

[1] См., напр.: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. С. 10; Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты: монография / под общ. ред. М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. С. 114; Ефимова Л. Г. Криптовалюта как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17.

Раздел

Актуальные проблемы современного права

УДК 349.41
ББК 67.404.219.4

В. П. Камышанский
заведующий кафедрой
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук,
профессор
vpkam@rambler.ru

Р. А. Стыценко
магистрант
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
roma98-7@bk.ru

ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ ПРИ УХУДШЕНИИ КАЧЕСТВА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

COMPENSATION FOR LOSSES DUE TO DETERIORATION OF AGRICULTURAL LAND

Одним из главных источников обеспечения жизни и процветания любого государства являются принадлежащие ему земельные ресурсы. Земельные участки сельскохозяйственного назначения выступают в качестве основного средства производства сельскохозяйственной продукции и обеспечения продовольственной безопасности страны. Возмещение убытков, вызванных ухудшением качества земельных

участков вследствие их ненадлежащей эксплуатации представляет собой одно из наиболее сложных и недостаточно исследованных правовых явлений в российской цивилистике. В статье содержится анализ нормативно-правовой основы регулирования отношений, возникающих в связи с возмещением убытков, вызванных ухудшением качества земельных участков сельскохозяйственного назначения, а также рассмотрена современная судебная практика определения размера ущерба и возможности его возмещения.

Ключевые слова: возмещение убытков, земли сельскохозяйственного назначения, оценка качества, правовое регулирование, рекультивация, право собственности, ухудшение качества.

One of the main sources of livelihood and prosperity of any state is its land resources. Agricultural land is the main source of agricultural production and food security of the country. Compensation of losses caused by deterioration of land plots due to their inappropriate exploitation is one of the most complicated and insufficiently studied legal phenomena in Russian civilistics. The article contains an analysis of the legal framework for the regulation of relations arising in connection with compensation for damages caused by deterioration of the quality of agricultural land, and also considers modern judicial practice of determining the amount of damage and the possibility of its compensation.

Keywords: compensation, agricultural land, quality assessment, legal regulation, reclamation, ownership, degradation.

Земли сельскохозяйственного назначения исторически всегда имели особую экономическую и социальную значимость в России. По мере сокращения земель сельскохозяйственного назначения в расчете на одного жителя страны проблемы сохранения плодородия земель и иных качественных характеристик этого основного средства производства в сфере сельского хозяйства продолжает сохранять свою актуальность. С целью устойчивого развития агропромышленного комплекса на основе расширения фонда земель сельскохозяйственного назначения, а также восстановления мелиоративного комплекса Правительством Российской Федерации (РФ) утверждена[1] государственная программа вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного

[1] О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 731 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 21. Ст. 3583.

назначения и развития мелиоративного комплекса на период с 2022 по 2031 г.

Значимый вклад в изучение проблем правового режима недвижимого имущества, в том числе земельных участков сельскохозяйственного назначения, внесли В. К. Андреев, А. П. Анисимов, М. И. Брагинский, Ю. Г. Жариков, П. В. Крашенинников, О. М. Козырь, В. А. Лапач, Е. А. Суханов и др. Вопросы оптимизации гражданско-правового режима земельных участков сельскохозяйственного назначения на современном этапе подробно исследованы в следующих диссертациях на соискание ученой степени кандидата юридических наук: «Принудительное прекращение прав на земельные участки: теория и практика правового регулирования» (Е. А. Гринь), «Правовое обеспечение надлежащего использования земель сельскохозяйственного назначения» (А. А. Соколова), «Охрана земли в системе принципов земельного права» (А. С. Тютюник).

Существуют различные подходы к определению сущности ущерба окружающей среде и мер ответственности в правовых системах США и Западной Европы. В США «при снижении качественных показателей состояния сельскохозяйственных земель применяются экономические санкции по возмещению средств на восстановление нарушенного уровня почвенного плодородия»[1]. В Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза 2004/35/ЕС «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий» от 21 апреля 2004 г.[2] экологический ущерб определяется как ущерб (вред) охраняемым биологическим видам и естественной среде обитания, водным объектам и почве, если их загрязнение представляет угрозу для здоровья человека.

Применительно к землям сельскохозяйственного назначения законодательством РФ установлено правовое регулирование отношений по обеспечению целевого использования, плодородия

[1] *Янбухтин Н. Р.* Зарубежный опыт правового регулирования использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 1 (77). С. 153.

[2] Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий: директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2004/35/ЕС // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/2570148/ (дата обращения: 20.11.2021).

земель сельскохозяйственного назначения, предотвращение деградации, загрязнения, захламления, нарушения земель, других негативных (вредных) воздействий хозяйственной деятельности. Эти нормативные требования получили закрепление в Земельном кодексе Российской Федерации (далее – ЗК РФ) от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ[1], Федеральном законе «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ[2], Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ[3], других нормативных правовых актах РФ и субъектов РФ. Так, ст. 13 ЗК РФ охрана земель представляет собой деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц, направленную на сохранение земли как важнейшего компонента окружающей среды и природного ресурса.

Вопросы, связанные с установлением ограничений права собственности, в частности на земельные участки сельскохозяйственного назначения, в том числе в интересах будущих поколений, неоднократно являлись предметом научных дискуссий. Свобода усмотрения собственников земельных участков при осуществлении правомочия пользования существенно ограничена с учетом особенностей этого объекта и социальной значимости. Собственники земельных участков и иных объектов недвижимого имущества существенно стеснены в их пользовании, что обеспечивается также деятельностью органов надзора и посредством выдачи различного рода разрешений административными органами[4]. В своей диссертации «Пределы и ограничения права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения: гражданско-правовой аспект» С.В. Камышанская обоснованно предлагает закрепить на законодательном уровне целостную

[1] Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

[2] О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения: федер. закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 29. Ст. 3399.

[3] Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

[4] *Камышанский В. П.* Право собственности: пределы и ограничения. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2000. С. 153.

систему пределов и ограничений права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения, учитывая их социальную значимость для достижения определенных целей[1]. В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»[2] указано, что нахождение земельного участка в собственности лица, деятельность которого привела к загрязнению или иной порче земельного участка, само по себе не может служить основанием для освобождения этого лица от обязанности привести земельный участок в первоначальное состояние и возместить вред, причиненный окружающей среде. Возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями, производится ее собственником или арендатором, если он является виновником события или если такое лицо не установлено.

В целях охраны земель собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков обязаны проводить мероприятия по:

– воспроизводству плодородия земель сельскохозяйственного назначения;

– защите земель от водной и ветровой эрозии, селей, подтопления, заболачивания, вторичного засоления, иссушения, уплотнения, загрязнения химическими веществами, в том числе радиоактивными, иными веществами и микроорганизмами, загрязнения отходами производства и потребления и другого негативного воздействия;

– защите сельскохозяйственных угодий от зарастания деревьями и кустарниками, сорными растениями, сохранению достигнутого уровня мелиорации.

Ущерб, причиненный земельным участкам сельскохозяйственного назначения, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в соответствии с нормами земельного и гражданского права. Ю. Г. Жариков обращает внимание на то обстоятельство, что возмещение убытков на практике часто смешивается с компенсацией потерпевшего лица при изъятии у

[1] *Камышанская С. В.* Пределы и ограничения права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 12.

[2] О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

него земельного участка. Однако возмещение убытков, согласно ст. 15 Гражданского кодекса (ГК) РФ, подразумевает полное покрытие причиненного ущерба, в том числе и упущенной выгоды, тогда как компенсация может быть неполной, частичной. Возмещение убытков предполагается безотлагательным и более категоричным, предусматривает наличие объективно возникшей потери (ущерб имуществу, неполученный доход, вред объекту природы)[1].

Проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде, были предметом научных исследований многих ученых. Анализ складывающейся правоприменительной практики норм гражданского, земельного законодательства и законодательства в сфере охраны окружающей среды позволил выявить ряд проблем. Они заключаются в том, что нет четкого законодательного закрепления понятия правонарушения в сфере охраны окружающей среды и сохранения природных объектов, не утвержден порядок взыскания ущерба, отсутствует единый подход в правоприменительной практике при вынесении решений о взыскании ущерба. В частности, в своей диссертации Соколова А.А. обращает внимание на имеющиеся правовые пробелы законодательства, «если процедура выявления фактов допущенных земельных правонарушений не основан на конкретных правовых нормах, акт проведенной проверки не может являться доказательством ненадлежащего использования земель сельскохозяйственного назначения, а, следовательно, не может быть положен в основу привлечения к административной, либо гражданско-правовой ответственности»[2].

Обязанность возмещения ущерба земельным участкам сельскохозяйственного назначения установлена в следующих нормативно-правовых актах, регулирующих земельные правоотношения. Подпунктом 2 п. 1 ст. 57 ЗК РФ определено, что возмещению в полном объеме подлежат убытки (в том числе упущенная выгода), причиненные в том числе ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц. Статьей 76 ЗК РФ предусмотрено, что юридические лица, граждане обязаны

[1] *Жариков Ю. Г.* Возмещение убытков и упущенной выгоды в земельных правоотношениях // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 91.

[2] *Соколова А. А.* Правовое обеспечение надлежащего использования земель сельскохозяйственного назначения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 145-146.

возместить в полном объеме вред, причиненный в результате совершения ими земельных правонарушений. В соответствии со ст. 62 ЗК РФ убытки, в частности упущенная выгода, причиненные нарушением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, подлежат возмещению в полном объеме в порядке, предусмотренном гражданским законодательством. Статьей 29 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» установлено, что нарушение законодательства РФ в области обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Чаще всего судами рассматриваются требования о возмещении убытков, причиненных порчей земель, независимо от того, каким способом совершено это правонарушение: в результате нарушения правил снятия и хранения плодородного слоя почвы либо нарушения правил обращения с пестицидами и агрохимикатами или иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами, отходами производства и потребления. Виновные лица привлечены к административной ответственности по ст. 8.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Привлечение лица к административной ответственности не служит подтверждением вины при предъявлении гражданского иска о взыскании ущерба за нарушение плодородия земель сельскохозяйственного назначения. Данный вывод подтверждается анализом судебной практики[1]. Определение наличия убытков, причинно-следственной связи между неправомерным действием и возникновением убытков осложнено отсутствием правового регулирования механизма взыскания ущерба за причинение вреда плодородию земель сельскохозяйственного назначения. В ст. 1 Федерального закона «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» дано определение

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 апреля 2018 г. № Ф05-4712/2018 по делу № А40-107819/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=dxHZuvSuEpVVUzX9&cacheid=42CF7AFA13ACF49F496E936C987D89A4&mode=splus&base=AMS&n=291514#uXlZuvSA1Kg3pQy71 (дата обращения: 20.11.2021).

плодородия как способности почвы удовлетворять потребность сельскохозяйственных культурных растений в питательных веществах, воздухе, воде, тепле, биологической и физико-химической среде, обеспечивать урожай сельскохозяйственных культурных растений.

Из этого следует, что обязательным признаком причинения вреда плодородию земель сельскохозяйственного назначения является не только негативное воздействие на нее, но и наличие последствий в виде деградации естественных экологических систем и истощение природных ресурсов. Факт наличия вреда не выступает в качестве основания для взыскания ущерба с лица, причинившего вред плодородию земельного участка. Необходимо доказать с помощью экспертизы, анализов проб земли, специалистов в соответствующей области, иными способами устойчивый негативный вред, который впоследствии отразился на объеме и качестве выращиваемой сельскохозяйственной продукции.

Между тем в судебной практике, и на это обращает внимание в своей диссертации Тютюнник Э. А., «контрольно-надзорные органы, обращаясь в суд с исками о возмещении вреда земле, проводя исчисление по определенным Методикам, не обращают достаточного внимания на соразмерность причиненного вреда наступившим последствиям, не всегда выезжают на место для проверки исполнения правонарушителями вынесенного ими предписания или постановления, что в итоге негативно сказывается на организации деятельности контролирующих органов в вопросе сохранения земли»[1].

Согласно п. 7 постановления Пленума Верховного суда РФ № 49, исходя из смысла ст. 1064 ГК РФ, ст. 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды», лицом, которое обращается с требованием о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, должны быть предоставлены доказательства, подтверждающие наличие вреда, обосновывающие с разумной степенью достоверности его размер и причинно-следственную связь между действиями (бездействием) ответчика и причиненным вредом. Таким образом, для взыскания компенсации вреда за нарушение плодородного слоя земель

[1] *Тютюник А. Э.* Охрана земли в системе принципов земельного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 181.

сельскохозяйственного назначения необходимо установить факт невозможности выращивания сельскохозяйственных культур, отвечающих установленным требованиям по качеству, или иные необратимые последствия. Отметим, что Е. А. Гринь в своей диссертационной работе обосновала необходимость разработки на законодательном уровне правил рационального использования земельных участков, в которых требуется сформулировать, закрепить и наполнить конкретным содержанием понятия «грубое нарушение правил землепользования», «существенное снижение плодородия земель», «значительное ухудшение экологической обстановки»[1].

Часто виновные действия выражаются в загрязнении земельного участка нефтью, нефтепродуктами, химикатами, уничтожении плодородного слоя почвы. Для расчета убытков в этом случае используется Методика исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды, утвержденная приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 8 июля 2010 г. № 238[2] (далее – Методика). Данным документом предусмотрено исчисление в стоимостной форме размера вреда, причиненного почвам вследствие их загрязнения посредством поступления загрязняющих веществ или смеси таких веществ; несанкционированного размещения отходов производства и потребления; порчи почв в результате самовольного (незаконного) перекрытия поверхности почв, а также почвенного профиля искусственными покрытиями и (или) линейными объектами. В Методике содержится формула. По этой формуле для расчета убытков учитывается площадь участка, на котором выявлено правонарушение, степень и глубина загрязнения. При возмещении убытков нередко возникают споры о размере возмещения, вызванные тем, что лица, совершившие правонарушение, добровольно выполнили мероприятия по восстановлению земельного участка.

Так, Управление Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Саратовской области обратилось в

[1] *Гринь Е. А.* Принудительное прекращение прав на земельные участки: теория и практика правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 7.

[2] Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды: приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 8 июля 2010 г. № 238 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 40.

Арбитражный суд Саратовской области с исковым заявлением к ООО «ВАМ-Рико» с просьбой обязать ответчика провести рекультивацию части нарушенного земельного участка, восстановить нарушенное состояние окружающей среды, возникшее в результате перекрытия плодородного слоя земли отходами производства (щебень, асфальтная крошка), и взыскать сумму причиненного вреда. ООО «ВАМ-Рико» осуществляло строительство дороги, чем причинило вред почве как объекту окружающей среды. Решением Арбитражного суда Саратовской области от 26 декабря 2019 г. по делу № А57-8748/2019 требования истца признаны обоснованными, с ООО «ВАМ-Рико» взыскивается уточненная судом сумма в возмещение вреда, причиненного почве как объекту охраны окружающей среды, и указанному ООО подлежит разработать проект рекультивации нарушенных земель. В итоге суды трех инстанций признали ООО «ВАМ-Рико» виновным в причинении вреда почвам, возложили на него гражданскую ответственность в виде возмещения вреда в денежной форме и устранения последствий посредством выполнения работ по рекультивации почв.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 29 декабря 2020 г. № 306-ЭС20-16219 по делу № А57-8748/2019 решение Арбитражного суда Саратовской области от 26 декабря 2019 г., дополнительное решение Арбитражного суда Саратовской области от 24 января 2020 г., постановления Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 марта 2020 г. и 20 марта 2020 г., постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 3 июля 2020 г. по указанному делу отменены, дело направлено на новое рассмотрение. В соответствии с ч. 1 ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды» возмещение вреда, причиненного окружающей среде, может быть произведено как в денежной форме посредством взыскания суммы убытков, так и в виде выполнения мероприятий по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды.

Ссылаясь на собственную практику, Верховный суд РФ пояснил, что целью ответственности за причинение вреда окружающей среде является обеспечение компенсации, восстановления ее нарушенного состояния. В связи с этим истец вправе выбрать способы, предусмотренные ст. 1082 ГК РФ, ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Суд с учетом обстоятельств по делу, оценивая в каждом случае

эффективность таких способов, обязан применить тот способ возмещения вреда, который наиболее соответствует этим целям. Определение способа возмещения вреда – в натуре или денежном выражении – зависит прежде всего от возможности его возмещения в натуре, целесообразности оперативно принимаемых мер, их эффективности для восстановления нарушенного состояния окружающей среды. При отсутствии таких обстоятельств суд вправе избрать способ защиты в виде компенсации вреда в денежном выражении (взыскание убытков).

Согласно пунктам 13 и 17 постановления Пленума Верховного суда № 49 возмещение вреда может осуществляться посредством взыскания причиненных убытков и (или) путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды. Если восстановление состояния окружающей среды, существовавшее до причинения вреда, в результате проведения восстановительных работ возможно лишь частично (в том числе при наличии невосполнимых и (или) трудновосполнимых экологических потерь), возмещение вреда в соответствующей оставшейся части осуществляется в денежной форме.

Следует признать ошибочной практику судов, если они, в нарушение установленных норм, применяют к причинителю вреда двойную меру ответственности в виде возмещения вреда посредством взыскания причиненных убытков и возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды, обязав последнего разработать проект рекультивации нарушенных земель, провести рекультивацию нарушенных земель и по ее окончании предоставить управлению документацию, подтверждающую фактическое проведение перечисленных работ.

Во многих судебных актах указывают, что проведение только одной рекультивации не является способом полного возмещения экологического вреда, это – лишь средство устранения препятствий к воссозданию экологической системы[1].

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Монолит и К» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 77 и пунктом 1 статьи 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды: определение Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2016 г. № 225-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09022016-n-225-o/ (дата обращения: 20.11.2021).

Суды ссылаются на Основные положения о рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы, утвержденные Приказом Минприроды РФ № 525, Роскомзема № 67 от 22 декабря 1995 г.[1] Понятие рекультивации содержится и в п. 5 ст. 13 ЗК РФ, представляющее собой широкое по содержанию определение. Однако оно не позволяет разграничить понятия, соотношение рекультивации земель и возмещение вреда окружающей среде. Различное толкование судами понятия рекультивации земель приводит к формированию неоднородной правоприменительной практики.

При рассмотрении в суде спора, связанного с возмещением убытков, причиненных снятием плодородного слоя земли при производстве работ по добыче песчано-гравийной смеси без разрешения на их проведение и в отсутствие проекта рекультивации нарушенных земель, судами удовлетворены в полном объеме заявленные исковые требования о возмещении убытков в денежной форме и отказано в удовлетворении требования о понуждении ответчика привести нарушенную часть земельного участка в состояние, пригодное для дальнейшего использования в соответствии с целевым назначением, поскольку указанная обязанность ответчиком уже исполнена. Лицом, совершившим правонарушение, представлены все необходимые документы, свидетельствующие о выполнении работ по восстановлению земельного участка в соответствии с планом его рекультивации. Актом приемки-передачи рекультивированных земель подтверждено, что все работы выполнены, земельный участок пригоден для использования в сельском хозяйстве в качестве сельскохозяйственных угодий. Истец не представил доказательств обратного. Однако суд указывает, что действия ответчика привели к утрате природных свойств плодородного слоя, чем причинен вред окружающей среде, и выполнение им действий по рекультивации земельного участка во исполнение

[1] Об утверждении Основных положений о рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы: приказ Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, Комитета РФ по земельным ресурсам и землеустройству от 22 декабря 1995 г. № 525/67 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1996. № 4.

проекта рекультивации нарушенных земель следует считать фактическим признанием им факта ее порчи[1].

Анализ правоприменительной практики позволяет заключить, что споры о возмещении убытков в связи с причинением вреда земельным участкам сельскохозяйственного назначения возникают часто и являются предметом разрешения в судах различного уровня. Наблюдается разные подходы к толкованию правовых норм, регламентирующих порядок возмещения вреда земельным участкам. Данное обстоятельство приводит к выводу о необходимости уточнения на законодательном уровне сущности, соотношения понятий рекультивации земель и возмещения вреда, причиненных окружающей среде. Это обеспечит формирование единообразной правоприменительной практики при разрешении споров, связанных с требованиями о восстановлении плодородия земельных участков сельскохозяйственного назначения.

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» требуется приведение к единому пониманию термина «вред окружающей среде», поскольку в п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» определение вреда окружающей среде не раскрывает всех возможных критериев вреда («негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов»), которые могут быть причинены окружающей среде. Существует основание полагать, что только при загрязнении вызывается негативное изменение окружающей среды. Вместе с тем в п. 1 ст. 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» понятие «вред окружающей среде» дано в более расширенном виде, как «вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного

[1] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 июля 2016 г. № 17АП-6882/2016-АК по делу № А50П-762/2015, оставлено в силе постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 11 ноября 2016 г. № Ф09-9643/16 по делу № А50П-762/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=us3quvSWULYXD34e&cacheid=0F358842A6FDF7181B36EE123209276E&mode=splus&base=RAPS017&n=151610#Re8quvSS2J1NtVJ22 (дата обращения: 20.11.2021).

нарушения законодательства в области охраны окружающей среды».

С целью обеспечения единого подхода к требованиям о возмещении причиненного вреда окружающей среде необходимо принятие законодательной нормы, обеспечивающей выполнение требований п. 2.1 ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды». В Протоколе от 2 ноября 2018 г. № 31-МО Минэкономразвития России, которым утвержден План проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов на 2019 год[1], говорится о том, что п. 2.1 ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды» предусмотрено принятие порядка учета понесенных лицом, причинившим вред окружающей среде, затрат по его устранению такого вреда, и необходимость его разработки. По прошествии времени вопрос об учете затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды нормативно по-прежнему не урегулирован. Вследствие изложенного возникают необоснованные требования со стороны надзорных органов исполнительной власти о возмещении причиненного вреда окружающей среде как в натуре, путем проведения рекультивационных и восстановительных работ, так и дополнительным возмещением вреда денежными средствами. Это, в свою очередь, влечет двойное возмещение вреда окружающей среде, противоречит нормам действующего законодательства, а также возлагает на природопользователей необоснованные дополнительные финансовые затраты.

Статьей 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды» не установлено преимущество денежной или натуральной формы возмещения вреда окружающей среде. Компенсация вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется добровольно либо по решению суда, в том числе и арбитражного. Полагаем, что по аналогии с земельным законодательством (согласно п. 5 ст. 13 ЗК РФ в первую очередь обязанность возлагается на лиц, деятельность которых привела к

[1] План проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов на 2019 год: утв. протоколом Минэкономразвития России от 2 ноября 2018 г. № 31-МО // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318115/ (дата обращения: 20.11.2021).

ухудшению качества земель, в том числе в результате их загрязнения, нарушения почвенного слоя) необходимо обеспечить рекультивацию. Можно применить это преимущественное обязательство и в ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды». С эколого-правовой точки зрения именно натуральная форма возмещения вреда, причиненного земельным участкам сельскохозяйственного назначения и окружающей среде в целом, является первоочередной, так как земли сельскохозяйственного назначение – это стратегический ресурс государства.

Библиографический список

1. *Гринь Е. А.* Принудительное прекращение прав на земельные участки: теория и практика правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 27 с.

2. *Жариков Ю. Г.* Возмещение убытков и упущенной выгоды в земельных правоотношениях // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 91–98.

3. *Камышанская С. В.* Пределы и ограничения права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 26 с.

4. *Камышанский В. П.* Право собственности: пределы и ограничения. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 303 с.

5. *Соколова А. А.* Правовое обеспечение надлежащего использования земель сельскохозяйственного назначения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 27 с.

6. *Тютюник А. Э.* Охрана земли в системе принципов земельного права»: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 211 с.

7. *Янбухтин Н. Р.* Зарубежный опыт правового регулирования использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 1 (77). С. 153–155.

УДК 342; 340.5; 347
ББК 67.404.219.4

П. М. Филиппов
профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД РФ,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист России,
почетный работник высшего
профессионального образования Российской Федерации
filippov1937@yandex.ru

О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

ABOUT THE COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY A CRIME DURING THE PRE-TRIAL INVESTIGATION

В статье дан анализ ряда норм гражданского права и процесса, норм уголовного права и процесса, связанных с регулированием отношений по восстановлению прав потерпевших в результате противоправных действий. Доказано, что задача по восстановлению имущественных и иных прав потерпевших в российском законодательстве должна быть на первом месте в практической деятельности всех правоохранительных и иных органов государства по отношению к наказанию правонарушителя. Автор предлагает расширить полномочия следователя и дознавателя в этой сфере деятельности, а полномочия суда в аспекте надзора за деятельностью следователя по

применению мер, обеспечивающих и гарантирующих реальное возмещение материального ущерба, изменить. Такие изменения, согласно авторской позиции, повысят оперативность действий и самостоятельность следователя, его ответственность в указанных отношениях. Автором предложены также изменения и толкования норм права, убыстрения прохождения согласования действий по инстанциям.

Ключевые слова: имущественные права, возмещение ущерба, потерпевший, полномочия следователя, надзор суда, надзор прокуратуры, предварительное следствие.

The article analyses a number of norms of civil law and procedure, norms of criminal law and procedure related to the regulation of relations to restore the rights of victims as a result of unlawful actions. It is proved that the task of restoration of property and other rights of victims in the Russian legislation should be in the first place in the practical activities of all law enforcement and other state bodies in relation to punishment of the offender. The author proposes to expand the powers of the investigator and inquirer in this area of activity and to change the powers of the court in the aspect of supervision over the activities of the investigator in applying measures that ensure and guarantee real compensation for material damage. Such changes, according to the author's position, will increase the speed of action and independence of the investigator and his responsibility in these relations. The author also proposes changes and interpretation of the rules of law, speeding up the approval of actions by instances.

Keywords: property rights, compensation for damages, victim, powers of the investigator, court supervision, supervision of the prosecutor's office, pre-trial investigation.

Целью настоящего исследования является попытка показать возможности повышения качества работы в рассматриваемой сфере путем изменения процессуального законодательства России, в частности Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и Гражданского кодекса (ГК) РФ, а также выявления проблем их толкования и правильного применения. В процессе работы нами использован метод системного подхода к изучению правовых понятий, сравнительного правового анализа и синтеза.

Защита прав и свобод человека и гражданина в современном мире должна быть реальной. Данная проблема особенно остро стоит перед правоохранительными органами. Возмещение вреда и восстановление иных прав потерпевших от преступных посягательств оставляет желать лучшего.

В соответствии с Конституцией РФ (ст. 35) право собственности охраняется законом, никто не может быть лишен

своего имущества иначе как по решению суда. Если имущество изъято у собственника без его согласия и без решения суда, то всегда возникает вопрос о возврате этого имущества и восстановлении прав собственника в полном объеме. Если вред причинен действиями, содержащими признаки общественной опасности, то есть преступлением, восстановление прав пострадавших производится в порядке уголовного процесса. Такое регулирование отношений, связанных с возмещением ущерба, вполне соответствует назначению уголовного судопроизводства.

Статья 6 УПК РФ на первое место ставит защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Поэтому все действия правоохранительных органов при получении сообщения о преступлении в первую очередь должны быть направлены на выявление вреда, причиненного пострадавшим, принятие мер по его восстановлению и отысканию лиц, совершивших такие деяния. В этой связи полагаем, что и при оценке деятельности правоохранительных органов, суда на первое место необходимо ставить критерий о количестве пострадавших, получивших возмещение ущерба от преступлений, на второе – критерий о количестве лиц, осужденных за преступления.

В ч. 3 ст. 42 УПК РФ при перечислении прав потерпевшего категорично указано, что ему обеспечено возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде. Суть изложенного очевидна: государственные органы дознания, следствия и суда обязаны обеспечивать возмещение такого вреда. Часть 4 этой статьи гласит, что потерпевший вправе предъявлять иск о компенсации морального вреда в денежном выражении, размер которого определяет суд.

Требования о возмещении имущественного ущерба и компенсации морального вреда, заявленные в рамках уголовного дела, подпадают под режим регулирования уголовным процессуальным правом и не загромождают дело, не являются второстепенными. Данное положение подтверждается ст. 73 УПК РФ, в которой изложены обстоятельства, входящие в предмет доказывания в уголовном судопроизводстве. Кроме события преступления, виновности лица в совершении преступления, речь идет о характере и размере вреда, причиненного преступлением.

Потерпевший вправе представлять доказательства, но основная обязанность по доказыванию предписана органам дознания и следствия. И это оправдано. Под характером вреда понимается вид вреда (имущественный, физический или моральный) и способ его причинения (например, с использованием оружия и т. д.), показывающий степень опасности совершенного деяния. Характер вреда включен и в сферу общественных отношений (отношений собственности, охраны жизни и здоровья, трудовых отношений, отношений, связанных с управлением и осуществлением правосудия, безопасностью государства и др.), которые нарушены преступным деянием.

Следовательно, правильное понимание и добросовестное исполнение обязанности по доказыванию характера вреда способствует правильной квалификации преступления и, соответственно, быстрому разрешению гражданского иска. Доказывание размера вреда также влияет на квалификацию преступления и одновременно ускоряет восстановление прав пострадавших от преступлений. Если размер вреда определен как особо крупный, то и преступление становится особо опасным. Если размер ущерба, предъявленный обвиняемому, не доказан, то суд часто оставляет гражданский иск без рассмотрения, и размер ущерба будет установлен в порядке гражданского производства. Обязанность доказывания суммы ущерба переходит к пострадавшему от преступления. Причинитель вреда, уже осужденный, может находиться в местах лишения свободы и в суд явиться не может. Начинается волокита. От этого страдает и приговор по уголовному делу, поскольку недоказанность суммы вреда вызывает сомнение в справедливости приговора, а государство не обеспечило возмещение вреда.

Полагаем целесообразным обратить внимание и на такой аспект, влияющий на объем возмещения вреда потерпевшему, как его поведение. Среди обстоятельств, смягчающих наказание, ст. 61 Уголовного кодекса (УК) РФ предусматривает противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления. Статья 73 УПК РФ предусматривает доказывание обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, но в ней не говорится о доказывании обстоятельств, характеризующих личность потерпевшего. Следовательно, противоправность и аморальность поведения потерпевшего будет доказывать обвиняемый. В ст. 73 УПК РФ речь идет о доказывании обстоятельств, смягчающих наказание.

При этом о личности обвиняемого говорится в отдельном пункте, а личности потерпевшего по не вполне понятным причинам отдельный пункт не посвящен.

Среди обстоятельств, смягчающих наказание, указано «добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, и иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему». В материалах уголовного дела должны быть представлены сведения о согласии или об отказе обвиняемого от добровольного возмещения ущерба и заглаживания вреда, причины отказа. Если размер ущерба не доказан и в действительности не возмещен, то экономическую выгоду получает преступник. Такое положение, на наш взгляд, нежелательно.

Еще одной причиной, затрудняющей быстрое и реальное возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, является сложность и громоздкость порядка принятия решения о наложении ареста на имущество лица, совершившего преступление. По ранее действовавшему УПК РСФСР следователь самостоятельно решал данный вопрос, выносил постановление о наложении ареста на имущество и производил опись имущества в целях обеспечения возможного заявления гражданского иска в уголовном деле. И это делали на первоначальных этапах расследования с целью сохранения имущества до окончания следствия. Сегодня следователь должен получить согласие начальника следственного органа, прокурора и направить ходатайство в суд для получения судебного постановления о проведении следственного действия. Статьей 165 УПК РФ установлен срок рассмотрения такого ходатайства судом: 24 часа с момента поступления этого ходатайства. В отношении начальника следственного органа и прокурора срок для согласования не установлен. Думается, данный порядок не обеспечивает надлежащего исполнения принципа тайны следствия и не способствует быстроте решения такого действия, как наложение ареста на имущество. Следователь должен тратить время на хождение по кабинетам начальников, а не совершать другие необходимые действия.

Кроме того, УПК РФ требует решения суда при избрании меры пресечения – содержания под стражей, производства обыска. Затем именно суд и выносит приговор по этому делу. Вышестоящие суды рассматривают жалобы по всем ранее

вынесенным судебным решениям в ходе предварительного следствия. Складывается впечатление, что предварительное следствие частично как будто подчинено суду (судебному департаменту) и осуществляет надзор за следствием как прокурор. Изложенный процессуальный порядок не уменьшает бюрократической волокиты – хождения по кабинетам для различных согласований при проведении следствия, а наоборот, увеличивает его. Может быть, необходимо вернуться к прежнему порядку проведения следственных действий и дать большую самостоятельность следователю, прокурору? В этом случае суд будет не разрешать, а проверять законность и обоснованность действий следователя и прокурора. Кроме того, такие полномочия суда не охвачены понятием правосудия, смысл которого заключается в том, что правосудие представляет собой открытое гласное разбирательство с участием всех заинтересованных лиц при обеспечении состязательности сторон. Согласно ст. 118 Конституции РФ правосудие осуществляется только судом, выход за пределы правосудия, по нашему мнению, недопустим. Сегодня с учетом действующего УПК РФ за следователем установлен тройной надзор: начальник следственного отделения, прокурор и суд. Полагаем, такое положение является излишне громоздким.

Вопрос о наложении ареста на имущество лица, причинившего вред, приобрел еще большее значение в связи с тем, что в качестве меры наказания предусмотрена конфискация имущества. Статья 104.1 УК РФ включает в себя 52 состава преступления, по которым имущество может быть принудительно изъято в доход государства. По всем этим статьям УК РФ при проведении следствия необходимо решать вопросы о наложении ареста на имущество обвиняемых. Данные действия желательно проводить как можно быстрее, без лишней бюрократии. Введение указанных санкций требуется и в связи с тем, чтобы совершение преступлений было экономически невыгодным для преступников.

Ввиду этого уместно рассмотреть и ст. 37 УПК РФ, в которой перечислены права прокурора в уголовном процессе. Среди полномочий прокурора отсутствует право на предъявление гражданского иска в уголовном деле как в интересах государства, так и в интересах потерпевшего. Полагаем, что прокурору следует предоставить такое право, например, если потерпевший обращается с данной просьбой к прокурору с учетом своего возраста, болезни и т. д. Если потерпевший отказывается от предъявления иска в уголовном деле, то следователь и прокурор

должны выяснять мотивы отказа, нет ли угрозы или шантажа по отношению к потерпевшему. Если потерпевший отказался от предъявления иска или обвиняемый признался в том, что имущество добыто преступным путем, а потерпевший не известен, то по настоящему УПК РФ имущество остается у обвиняемого и его нельзя истребовать. Кому это выгодно? Обвиняемому. И это надо считать несправедливостью. Согласно УПК РСФСР такое имущество взыскивали в доход государства, не оставляя у преступника.

В связи с этим можно утверждать, что и действующий ГК РФ не предусматривает взыскания в доход государства неосновательного обогащения, если потерпевший не требует такого возврата (глава 60 ГК РФ). В ГК РСФСР было предусмотрено взыскание в доход государства имущества, приобретенного неосновательно, если собственник не требовал возврата этого имущества. Такое имущество желательно направлять в общественные фонды, например, для лечения тяжелобольных детей с редкими заболеваниями.

Считаем возможным остановиться и на вопросе о равенстве сторон в уголовном процессе – обвиняемого и потерпевшего. В ст. 173 УПК РФ, устанавливающей порядок допроса обвиняемого после предъявления обвинения, указано, что в начале допроса следователь выясняет у обвиняемого, признает ли он себя виновным, желает ли дать показания по существу предъявленного обвинения. В случае отказа обвиняемого от дачи показаний следователь делает соответствующую запись в протоколе его допроса. Повторный допрос обвиняемого по этому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе может быть проведен только по просьбе обвиняемого. Тем самым действующий УПК РФ оберегает обвиняемого от повторных допросов.

В отношении потерпевшего ст. 78 УПК РФ предусмотрено, что он может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о своих взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым. В этой статье нет запретов на повторные допросы потерпевшего. И на практике потерпевших очень часто вызывают на допросы, иногда до тех пор, пока он не откажется от своего заявления. Полагаем, такое неравенство относительно повторных допросов потерпевшего и обвиняемого необходимо устранить. Целесообразно разрешить следователю допрашивать

обвиняемого по всем обстоятельствам, входящим в предмет доказывания, столько раз, сколько это потребуется для выяснения истины и устранения противоречий в деле.

В результате проведенного исследования становится очевидным, что изменение формулировок ряда норм материального и процессуального законодательства РФ значительно расширит возможности органов предварительного следствия, дознания и прокуратуры в решении задач по восстановлению имущественных прав потерпевших и одновременно освободит судей от деятельности, не свойственной правосудию. Нами четко изложены проблемы, возникающие при прохождении согласования по совершению процессуальных и следственных действий, направленных на обеспечение реального возмещения материального ущерба.

УДК 340.34.01
ББК 67.0

К. Х. Ибрагимов
профессор кафедры
гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета,
доктор сельскохозяйственных наук,
кандидат юридических наук
7800467@mail.ru

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА)?

REGULATORY MECHANISM: IS IT POSSIBLE TO APPLY IT (USING THE EXAMPLE OF ENVIRONMENTAL AND LAND LAW)?

В статье обоснована мысль о том, что действующий механизм правового регулирования общественных экологических отношений за почти 20 лет функционирования (после принятия в России Федерального закона «Об охране окружающей среды») не выдержал испытание временем. Автором приведены доводы в пользу того, что термин «механизм правового регулирования» не имеет право на существование. Проанализированы мнения различных ученых-юристов относительно данного вопроса. Установлено, что этот «механизм» занимает даже подчиненное положение в сравнении с понятием «правовое отношение»,

поскольку «механизм возникновения и реализации» правового отношения – это только часть конструкции правового отношения. Постулировано, что о взаимной адаптации правовых средств друг к другу, подразумеваемой английским определением слова «механизм», в едином механизме правового регулирования не может быть и речи, поскольку все они находятся в жестком антагонизме и проявляют себя лишь вменением под властной волей принуждающего государства. То, что не учитывается приведенный факт, считается в настоящей статье главным посылом в ошибочном «изобретении» термина «механизм правового регулирования». Автор предлагает аналогичным образом поставить вопрос и о целесообразности использования понятия «механизм правового регулирования». При этом аргументировано утверждение о том, что все задачи правового регулирования общественных отношений успешно решались советским государством и до появления исследуемого понятия, с использованием таких простых правовых средств, как нормы права, составляющие фундамент интеллигибельного термина «механизм правового регулирования».

Ключевые слова: правовая реальность, механизм правового регулирования, земельное право, экологическое право, правовые средства, вменение, догматизм.

The article substantiates the idea that the current mechanism of legal regulation of social ecological relations for almost 20 years of functioning (after the adoption of the Federal Law "On environmental protection" in Russia) has not stood the test of time. The author gives arguments in favor of the fact that the term "mechanism of legal regulation" has no right to exist. The opinions of various legal scholars on this issue are analysed. It has been established that the "mechanism" takes even a subordinate position in comparison with the concept of "legal relation", as the "mechanism of formation and implementation" of a legal relation is only a part of a legal relation construction. It is postulated that the mutual adaptation of legal means to each other, implied by the English definition of the word "mechanism", is out of the question in the single mechanism of legal regulation, since they are all in rigid antagonism and manifest themselves only by imputation under the coercive will of the state. The fact that this fact is not taken into account is considered as the main premise of the erroneous "invention" of the term "regulatory mechanism" in this article. The author proposes to similarly raise the issue of the appropriateness of using the concept of "regulatory mechanism". It is argued that all the tasks of legal regulation of social relations were successfully solved by the Soviet state before the emergence of the concept under study, using such simple legal means as norms of law, which constitute the foundation of the intelligent term "mechanism of legal regulation".

Keywords: legal reality, legal regulation mechanism, land law, environmental law, legal means, imputation, dogmatism.

Действующий механизм правового регулирования общественных экологических отношений за почти 20 лет функционирования (после принятия Федерального закона «Об охране окружающей среды») не выдержал испытание временем. Это подтверждается тем, что систематически нарушается гарантированное Конституцией Российской Федерации (РФ) право граждан на благоприятную окружающую среду, мало кто в России сохраняет природу и окружающую среду, редко кто бережно относится к природным богатствам. Частые лесные пожары в России не оставляют шансов на выживание биологического разнообразия, отравляют атмосферный воздух продуктами горения древесины и диких животных, способствуют ускорению процесса потепления климата и негативным последствиям его проявления. Неслучайно 14 августа 2021 г. Президент РФ В. В. Путин назвал абсолютно беспрецедентным масштаб природных бедствий в регионах[1].

Это нарушает экологические интересы настоящего и будущих поколений россиян, подрывает основы устойчивого развития страны, подтачивает естественную базу обеспечения благоприятной жизни и деятельности народов, проживающих на территории России. Вопросы правового регулирования экологического благополучия россиян в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», не только не решены, но и в ряде сфер экологии приобрели необратимый характер. Отсутствие эффективного механизма правового регулирования экологических правоотношений отчасти является следствием недостаточности императива и системности в правовых основах государственной политики в области охраны окружающей среды. Это не обеспечивает сбалансированного решения социально-экономических задач, сохранения благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и достижения целей экологической безопасности населения. Следовательно, сегодня особенно необходима разработка доктрины эффективного механизма правового регулирования экологических правоотношений.

[1] Путин назвал абсолютно беспрецедентным масштаб природных бедствий в регионах // Коммерсантъ. 2021. 14 августа. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4945791 (дата обращения: 20.10.2021).

Вместе с тем в юридической литературе исследуемой проблеме не уделено должного внимания. В частности, единичные работы посвящены исключительно некоторым аспектам механизма правового регулирования общественных отношений, не связанных с экологией. Справедливости ради необходимо отметить близкую по тематике диссертационную работу И. Н. Жочкиной[1]. Название темы исследования говорит о том, что данная работа посвящена исключительно вопросам экологического управления и только на уровне отдельных регионов. Ряд аспектов теории механизма правового регулирования в гражданском праве рассмотрены В. П. Камышанским[2].

Что же означает термин «механизм правового регулирования»? В «Юридической энциклопедии» отдельно он не рассмотрен, и лишь в разделе «Правовое регулирование» дана небольшая справка: «Механизм правового регулирования соответствующих общественных отношений – это единая система правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения. Данный механизм включает такие элементы, как правовые нормы, правовые отношения, правовая ответственность, правовое сознание, юридические факты и акты применения права, акты реализации прав и обязанностей и другие элементы»[3].

Итак, указанный механизм включает в себя все признаки, которые характеризуют понятие «правовые отношения». По мнению Ю. И. Гревцова, к признакам, обобщающим понятия «механизм правового регулирования» и «правовые отношения», относятся следующие: «а) правовое отношение –особый вид социальных отношений в обществе, механизм возникновения и реализации которого подчиняется общим закономерностям установления и осуществления социального отношения; б) его сторонами могут быть только лица, обладающие качествами субъекта права; в) содержанием правового отношения выступает

[1] *Жочкина И. Н.* Региональное государственное экологическое управление: концепция современного механизма правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2015. 28 С. 11.

[2] *Камышанский В. П.* Пределы и ограничения права собственности. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2000. С. 87.

[3] Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 1997. С. 253.

взаимодействие его сторон; г) только в рамках правоотношения происходит использование или защита субъективных прав, свобод, исполнение юридических обязанностей; д) в современном обществе правовые отношения – один из основных легитимных путей достижения человеком цели, интересов в рамках правопорядка и законности; е) правовые отношения, в отличие от иных социальных отношений, характеризуются тесной связью с юридическим нормативом»[1]. Согласно признаку «а», оказывается, что понятие «механизм» даже занимает подчиненное положение в сравнении с понятием «правовое отношение», поскольку «механизм возникновения и реализации» правового отношения – это лишь часть конструкции правового отношения.

Отсюда можно заключить, что изначально термин «механизм правового регулирования» введен Н. Г. Александровым[2] в 1961 г. без наличия на то веских юридических оснований. С. С. Алексеев[3] дал ему некоторое развитие, причем с осторожностью, видимо, предвидя появление разоблачительных работ, подобных нашему исследованию. Под механизмом правового регулирования он понимал взятую в единстве совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения. Вполне вероятным представляется, что С. С. Алексеев под правовыми средствами имел в виду их расширительный контекст, такой, как у А. В. Малько, утверждающего, что «рядом с термином “правовые средства” вполне можно поставить термины “правовые явления”, “правовые феномены”, “правовые факторы”, “правовые условия” и т. п., которые могут считаться взаимозаменяемыми»[4].

Действительно, С. С. Алексеев не являлся сторонником догматического подхода к правовым средствам и был противником их «обособления в особое подразделение тех или

[1] *Гревцов Ю. И.* Правовые отношения // Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 2 / под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2001. С. 404.

[2] *Александров Н. Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. С. 87; *Алексеев С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 3.

[3] *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 61.

[4] Проблемы теории государства и права: учебное пособие / под ред. М. Н. Марченко. М.: Юристъ, 2001. С. 358.

иных элементов правовой действительности», видел их «в строго определенном ракурсе – их функционального предназначения, их роли как инструментов оптимального решения социальных задач»[1]. Другими словами, С. С. Алексеев не мог считать термин «правовые средства», хотя бы в их совокупном выражении, основой механизма правового регулирования всех правоотношений. Далее в статье нами будет установлено, что современные юристы пытаются увидеть в механизме правового регулирования «обособление правовых средств в особое подразделение», что нельзя считать верным.

А. В. Мильков, председатель Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда, на основе проведенного анализа определений понятия «правовые средства», предлагаемых сегодня в юридической литературе, сделал вывод о том, «что все они приводят или к расширяющимся формулировкам с введением все новых и новых слов с неопределенным (расплывчатым) смыслом, или к логическим кругам, что в конечном итоге может привести к присвоению понятию “правовые средства” статуса “неопределимого” и поставить вопрос о целесообразности его использования»[2].

Из этого следует, что поскольку именно правовые средства составляют основу термина «механизм правового регулирования» и, в свою очередь, характеризуются «неопределенным (расплывчатым) смыслом», аналогичным образом логично «поставить вопрос о целесообразности использования» термина «механизм правового регулирования». Тем более что в своем едином порыве некоторые правоведы стали использовать данный термин повсеместно, где требуется и где не требуется, не имея ясного о нем представления. Например, в юридической литературе предлагают целые ветви юридических механизмов: механизм правового регулирования, механизм правового воздействия, механизм реализации права, механизм процессуального регулирования и т. д.[3] Ряд авторов продолжают этот перечень понятиями «механизм формирования правомерного поведения», «механизм правового регулирования»,

[1] *Алексеев С. С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 16.

[2] *Мильков А. В.* К определению понятия «правовые средства» // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 115.

[3] *Беляева Г. С.* К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. 2015. № 3 (87). С. 306.

«юридический механизм управления», «правовой механизм»[1], «механизм правотворчества»[2]. А. Е. Скачкова отрицает наличие специального механизма правового регулирования. Вместо него, по ее мнению, «есть единый общий механизм правового регулирования, специфика определенной (согласно объекту регулирования) сферы общественных отношений, это его наполнение, где особенность заключается в степени долженствования и дозволенности, в пределах компетенции субъектов публичного правотворчества»[3].

Учитывая, что во времени и пространстве правовое регулирование представляет собой динамический процесс, причем каждой стадии этого процесса свойственна своя совокупность правовых средств, то можно предположить, какое бескрайнее множество новых «правовых механизмов» нужно будет придумать и поименовать. Это же абсурдно! И абсурд такого рода широко распространен в диссертационных исследованиях. Так, А. А. Абрамова пишет: «Суть категории “механизм правового регулирования” видится в обозначении сложного, целостного в своих функциональных проявлениях объекта, пребывающего в состоянии непрерывного движения. Понятие “механизм правового регулирования” необходимо рассматривать прежде всего сквозь призму его динамики, а не статики»[4]. М. Ю. Щербинину в эффективном гибком правовом механизме рационального использования природных ресурсов видится решение следующих сложных задач:

«1) будет ограничивать объемы извлечения природных ресурсов;

2) установит экономические рычаги, регулирующие деятельность по использованию природных ресурсов и восстановлению природно-ресурсной базы;

[1] *Никитин Д. А., Козаченко Б. П., Агаджанян А. В.* К вопросу о соотношении механизма правового регулирования и механизма процессуально-правового регулирования // Теория государства и права. 2019. № 2 (14). С. 74.

[2] *Абрамова А. А.* Эффективность механизма правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 7.

[3] *Скачкова А. Е.* Механизм правового регулирования как теоретико-правовой аспект и вектор научного исследования // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 2 (11). С. 36.

[4] *Абрамова А. А.* Указ. соч. С. 8.

3) будет регламентировать технологическое антропогенное воздействие на природную среду»[1].

Все эти сложные задачи правового регулирования общественных отношений успешно решали в советском государстве и до появления термина «механизм правового регулирования», с использованием таких простых правовых средств, как нормы права, составляющие фундамент интеллигибельного термина «механизм правового регулирования». Как справедливо утверждает А. И. Бобылев, «с точки зрения архитектоники механизма правового регулирования норма права является его отправным элементом, который определяет его основу, направление правового поведения в реальных общественных отношениях»[2]. На самодостаточность нормы права для полноценного регулирования правовых отношений без нужды в понятии «механизм правового регулирования» обращает внимание в своей работе А. В Коструба: «Норма права создает юридическую возможность возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Она указывает на те условия, обстоятельства (факты), при наличии которых правовые связи приходят в движение. Правовая норма направляет каждое правоотношение, признавая те или иные юридические факты как основание его движения, включая возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений»[3].

Участившиеся в последнее время факты бессистемного применения понятия «механизм правового регулирования» следует помножить на такие неизбежные издержки его главного правового средства – правовых норм, как их неопределенность. Нормы права регулируют лишь те или иные правовые отношения в ограниченных пределами интересах социума, а также рамками пространства и времени, на регулирование которых они ориентированы. Норма права, например, не может распространять свою нормативную силу на жизненные

[1] *Щербинин М. Ю.* К вопросу формирования эффективного правового механизма рационального использования природных ресурсов // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2005. № 1. С. 283.

[2] *Бобылев А. И.* Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 108.

[3] *Коструба А. В.* Поливариативность структуры нормативного элемента в механизме правового регулирования гражданских отношений: теоретический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7. С. 23.

обстоятельства, которые возникнут в будущем. В этом видится определенная ценность правовой нормы, поскольку субъекты права, уверенные в этом недостатке нормы права, будут самостоятельно выбирать схемы своего будущего поведения в соответствии с действующим законодательством.

Ученые-юристы должны признать, что существенным основанием отказа от термина «механизм правового регулирования» служит отсутствие его определений как во всех зарубежных юридических словарях, так и в большинстве российских авторитетных юридических энциклопедий. Из ученых-юристов постсоветских стран идею о механизме правового регулирования поддержали только украинцы: О. В. Дзера, Н. С. Кузнецова, Р. А. Майданик (2010); А. П. Гетман, В. И. Борисова (2012); А. Б. Гриняк (2012); А. В. Кострyба (2014); О. О. Отраднова (2014); С. О. Погребный (2009); С. О. Сарновская (2008); С. Слипченко (2013); В. Л. Яроцкий (2013) и др. При этом С. О. Сарновская делает многообещающее заявление о том, что изучение механизма правового регулирования в динамике сулит данной теории дальнейшее развитие[1].

Единственным ученым, подвергшим обоснованной критике понятие «механизм правового регулирования» с момента его появления в 1961 г., стала Л. О. Корчевна. В своей статье «К критике понятия механизма правового регулирования» она с философских позиций Канта и Гегеля раскрыла всю несостоятельность существования исследуемого термина. В частности, Л. О. Корчевна справедливо отмечает: «В условиях гуманитаризации теоретических знаний о государстве и праве правомерность этого (механизма правового регулирования. – *Прим. авт.*) вызывает сомнения. …Известно, что советская наука отождествлялась с естественными науками вообще, вследствие чего правоведение находилось в одном ряду с естествознанием. Такое понимание было ориентировано на причинно-механическую картину мира. …Самым существенным недостатком … является ее неспособность понять смысловую целостность правовой реальности вследствие игнорирования целостной (телесно-душевно-духовной) структуры лица как

[1] *Сарновьска С. О.* Фундаментальні основи механізму правового регулювання URL: http://www.law.nau.edu.ua/images/Nauka/Naukovij_jurnal/2007/statji_n2_3_2007/Sarnovska_53.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

носителя этой реальности. …Непревзойденным образцом гуманистического (а не механистического) осмысления государства и права является учение И. Канта и Г. Гегеля. …Итак, понятие механизма правового регулирования, как и механизма государства, является естественным следствием причинно-механической картины мира. Все механистические понятия находят в этой картине обоснование и оправдание. Онтологическая революция в науке и связанная с ней гуманитаризация теоретических знаний, включая и знания о государстве и праве, опровергают механистический подход в праве-познании как упрощенный, а значит, и недостаточный. Интеллигибельный элемент в функционировании правовой системы не подвластен каузальной детерминации и поэтому не познается с помощью механистических понятий»[1].

Изложенная точка зрения представляется нам верной и не нуждающейся в дополнениях. Однако предвидим упорство несогласия, неуёмность, которые проявятся у некоторых ортодоксальных сторонников механистического права после выхода в свет настоящей статьи. Их не вразумит и то, что выдающиеся западные ученые-юристы Ф. Савиньи, Р. Иеринг, Дж. Кент, М. Йозеф, Р. Дворкин, Дж. Ролз, Г. Харт, О. Холмс, Р. Паунд, А. Сэмюэл, Г. Кельзен, И. Кант, Д. Бедерман, Л. Герман, Р. Рорти, Р. Нозик, М. Крихбаум, Р. Зиммерман, Ф. Каласссо, М. Беломо, Р. Доминго, П. Косчакер, Д. Иббетсон, П. Гросси, Ф. Виакер[2] и многие другие в своих научных трудах не смогли уделить внимание термину «механизм правового регулирования», поскольку в этом не было необходимости, отсутствовал побудительный мотив.

Но в зарубежных словарях романских и германских языков дано определение слова «механизм». Так, в Оксфордский словарь английского языка трактует его как систему взаимно адаптированных частей, работающих вместе в машине или как в машине. В целом же у данного слова множество иных формулировок. Нами приведена наиболее близкая теме настоящего исследования. Слово «механизм» входит в число 3 000

[1] *Корчевна Л. О.* Указ. соч. С. 117.

[2] *Domingo R.* The Revival of Roman Law and the European Legal Tradition. London, New York: Routledge, 2018. P. 21.

слов, наиболее употребляемых в английском языке[1]. В Толковых словарях русского языка слово «механизм» определено как «совокупность подвижно соединенных частей, совершающих под действием приложенных сил заданные движения; устройство машины, прибора, аппарата и т. п.». Видимо, именно в таком смысле понятие «механизм правового регулирования» и воспринято его автором Н. Г. Александровым. В этом случае у составных частей механизма нет адаптации друг к другу, а наблюдается только механическое их присовокупление. Ни о какой взаимной адаптации правовых средств друг к другу в едином механизме правового регулирования не может быть и речи, поскольку все они находятся в жестком антагонизме и проявляют себя лишь вменением под властной волей принуждающего государства.

А. В. Поляков и Е. В. Тимошина подтверждают эту мысль: «Субъект права оказывается вне такого механизма правового регулирования, который “запускается” волей законодателя»[2]. Дальнейшее стремление этих авторов оправдать механизм правового регулирования в российском праве является, на наш взгляд, неуместным, если не сказать несообразным: «Такое представление о праве как о простой механической системе, начинающей действовать под влиянием внешнего импульса (воли законодателя), характерно для классического правоведения с его механическим подходом». Нельзя согласиться и с их утверждением о том, что механизм правового регулирования – это «простая механическая система», поскольку любой механизм не предполагает вмешательства в его внутреннюю структуру человека, будь он даже законодателем.

А. Гриняк и М. Пленюк также сетуют на недостатки механизма правового регулирования: «…Вышесказанное свидетельствует об отсутствии единого подхода к толкованию “механизма правового регулирования” и его компонентов (элементов). Таким образом, предлагаемые учеными различные определения понятия “механизм правового регулирования” – это чисто подмена, игра с правовыми понятиями. …Механизм

[1] Mechanism // Slovar-vocab.com. URL: https://slovar-vocab.com/english/concise-oxford-dictionary/mechanism-6763318.html (дата обращения: 20.10.2021).

[2] *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права: учебник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 274.

правового регулирования понимается не только как совокупность правовых норм, но и других социальных регуляторов, среди которых обычаи торговли, традиции, нормы морали, регулирующие договорные отношения. Однако данная модель механизма правового регулирования представляется неполной, поскольку установление договорных обязательств будет происходить в силу юридических фактов»[1].

Хотя термин «механизм правового регулирования» получил некоторое распространение в юридической литературе, его теоретико-правовая основа настолько зыбка, что далеко не каждый ученый-юрист осмелится выбрать данный «феномен» в качестве темы диссертационного исследования. Так, А. А. Абрамова в своей диссертации пишет: «К сожалению, исследования данной проблематики практически не проводились. В научной литературе категории "механизм правового регулирования" незаслуженно уделено недостаточное внимание, исследованы лишь отдельные его стадии. Специалисты, разрабатывавшие тему правовой эффективности, ограничивались осмыслением эффективности отдельного элемента механизма правового регулирования, такого как норма права, либо эффективностью стадии правоприменения»[2].

Другими словами, иные исследователи из понятия «механизм правового регулирования» изучали лишь нормы права, которые и составляют основу указанного понятия. При этом возникает вопрос о том, зачем использовать термин «механизм правового регулирования», не являющийся самодостаточным. В таком контексте следует согласиться и с мнением В. В. Ковалевой: «К сожалению, в настоящий момент внимание к данной правовой категории (механизму правового регулирования. – *Прим. авт.*) уделяется в основном в учебной литературе. Недостаточно монографических и диссертационных исследований, научных публикаций, в которых непосредственно рассматривается юридическая природа механизма правового регулирования (как можно «рассматривать юридическую природу» того, чего не существует. – *Прим. авт.*). Следует

[1] *Гриняк А., Пленюк М.* Механизм регулирования частноправовых договорных отношений в гражданском праве // О правовых, этических и нормативных вопросах. 2018. Т. 21. Вып. 1. URL: https://www.abacademies.org/articles/regulation-mechanism-of-private-legal-contracting-relations-in-civil-law-7854.html (дата обращения: 20.10.2021).

[2] *Абрамова А. А.* Указ. соч. С. 3.

отметить, что значительное число работ связано с исследованием отдельных правовых явлений в механизме правового регулирования. Анализ учебной и научной литературы позволяет прийти к выводу об отсутствии единства мнений относительно понятия механизма правового регулирования»[1].

К аналогичному выводу приходит и Р. Т. Мухаев: «Относительная новизна понятия механизма правового регулирования не закрепила за ним достаточно строгого содержания, и в юридической науке существуют различные точки зрения на данную проблему, которые зависят от понимания целей правового регулирования»[2].

Ситуация, связанная с использованием термина «механизм правового регулирования» в российском праве, говорит о том, что ученые-юристы не должны слепо воспринимать ту или иную «инновацию», даже если она исходит от таких выдающихся ученых, как Н. Г. Александров и С. С. Алексеев. Магическая сила их слова для современных ученых-юристов настолько велика, что никто из них не осмеливается сказать правду о механизме правового регулирования как о несостоятельном и искусственном изобретении, а всячески пытается возвеличить эту бесперспективную идею. Например, В. Б. Исаков отмечает: «Механизм правового регулирования есть технологическая схема, зная которую юрист может представить себе, какие этапы пройдет процесс воплощения нормы права в жизнь, какие остановки и сбои могут произойти в этом процессе, а значит – в состоянии предложить научно обоснованный план повышения эффективности правового регулирования за счет укрепления его основных звеньев»[3].

В. В. Ковалевой «представляется, что механизм правового регулирования – это система специально-юридических средств, организованных последовательным образом, направленных на регулирование общественных отношений определенного вида. Именно такое определение механизма правового регулирования позволит: во-первых, использовать его для определения эффективности права, то есть механизм правового

[1] *Ковалева В. В.* Основные подходы к понятию механизма правового регулирования в современной юридической литературе // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2 (7). С. 25.

[2] *Мухаев Р. Т.* Теория государства и права. М.: Приор, 2002. С. 137.

[3] *Исаков В. Б.* Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. С. 266.

регулирования будет объектом правового мониторинга; во-вторых, усовершенствовать механизм правового регулирования как в процессе создания его идеальной модели, так и в реальном его действии»[1]. Для А. А. Абрамовой также правовая система России «клином сошлась» именно на механизме правового регулирования: «Существовавший до настоящего времени механизм правового регулирования оказался не готов выдержать обвал негативных процессов переходного периода и сохранить должный уровень защиты естественных прав человека, обеспечить устойчивое функционирование всех правовых институтов. В связи с этим теоретическая разработка концепции эффективного механизма правового регулирования и реальное ее воплощение в практической деятельности составляют одну из первоочередных задач. От ее решения зависит ответ на многие другие правовые вопросы, в частности связанные с ростом правосознания, правовой культуры, соблюдением режима законности, поиском оптимальных источников права и совершенствованием его содержания»[2]. И этот перечень неоправданных восхвалений в отношении механизма правового регулирования можно продолжать.

Однако невозможно пройти мимо хвалебных высказываний Г. С. Беляевой и Е. В. Бутовой относительно рассматриваемого механизма как апогея и квинтэссенции юридической мысли их единомышленников о значимости указанного понятия: «Системный характер механизма административно-правового регулирования проявляется в том, что последний, будучи инструментом (хотя и комплексным, но все же инструментом. – *Прим. авт.*) в системе правового регулирования, сам является системным образованием, состоящим из подсистем, характеризующихся целостностью, целесообразностью, логичностью, сочетаемостью и т.д. …Следует также обратить внимание на наличие в общем наборе правовых средств, относимых к структуре механизма административно-правового регулирования, особых юридических феноменов, а именно правовых принципов … и правовых гарантий. …Они, с нашей точки зрения, обеспечивают стабильность и надежность

[1] *Ковалева В. В.* Указ. соч. С. 26.
[2] *Абрамова А. А.* Указ. соч. С. 4.

правовых механизмов, обеспечивают в их рамках эффективность правового регулирования»[1].

Указанные авторы в своем так называемом панегирике механизму правового регулирования, вероятно, забыли о том, что правовые принципы и правовые гарантии являются самостоятельными правовыми средствами и обеспечивают устойчивость правового регулирования вне каких-либо правовых механизмов, что предусмотрено в законодательстве и обосновано в теории права. Более того, очевидным становится, что авторы неправильно разграничивают понятия «комплексный» и «системный». И, наконец, не вполне понятно, в каких случаях авторами обнаружены «подсистемы» в «системе» механизма правового регулирования, причем «характеризующиеся целостностью, целесообразностью, логичностью, сочетаемостью». В качестве примера они могли привести хотя бы одну «подсистему» такого механизма. На это мы акцентируем внимание потому, что, по меткому замечанию Ю. Г. Арзамасова, «механизм правового регулирования сам является частью правового регулирования»[2]. Зачем же в этом случае нам нужен термин «механизм правового регулирования»?

Свой «достойный вклад» в теорию развития анализируемого термина внесли В. П. Беляев и С. Ю. Чапчиков. Они убеждены в следующем: «В сфере национальной безопасности специфика механизма правового регулирования заключается в том, что для его запуска необходима целая система юридических фактов (фактический состав), где один из них должен быть обязательно решающим»[3]. Но сколько бы они впоследствии не возвеличивали «решающий юридический факт», ни одного его примера найти в статье указанных исследователей, как и в статьях их сторонников, нам не удалось.

На термин «механизм правового регулирования» юристы настолько часто сегодня обращают внимание, что в их научных

[1] *Беляева Г. С., Бутова Е. В.* К вопросу о понятии и сущности механизма административно-правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2016. № 10 (106). С. 821–822.

[2] *Арзамасов Ю. Г.* Ведомственный нормотворческий процесс в Российской Федерации: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. С. 7.

[3] *Беляев В. П., Чапчиков С. Ю.* Механизм в праве как основа механизма правового регулирования национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 6 (73). С. 88.

статьях он приводится один раз – в названии статьи[1], хотя из года в год увеличивается число противников использования указанного термина в науке права. Например, В. Х. Нехайчик, ссылаясь на труды правоведов[2], пишет: «Отвечая на вопрос "Зачем?" нами создается (осознается) система исследования нашего объекта – МАПР (механизм административно-правового регулирования. – *Прим. авт.*), мы обосновываем это той неудовлетворенностью, изложенной нами ранее по поводу того, что используемая конструкция механизма правового и административно-правового регулирования не охватывает в полном объеме того правового и административно-правового воздействия, которое осуществляется фактически. Это вытекает прежде всего из анализа той правовой функциональной направленности государственно-правового воздействия, о которой пишут как специалисты общей теории права, так и отраслевики – специалисты в области административного права»[3].

В науке права России, как ни в одной иной области знаний, к сожалению, господствует примат непреложности взглядов (настоящих или мнимых) правоведов-знаменитостей. Инакомыслящему ученому-юристу при них «не светят» защита диссертации, публикация в престижных журналах, выступление на юридических форумах, ссылки на его труды других юристов. Если даже он окажется на форуме, от него будут шарахаться в сторону (что в условиях пандемии даже хорошо! – *Прим. авт.*), дабы этого не заметил «корифей-знаменитость».

---

[1] См., например: *Пронина Е. Н., Ланцова Е. О.* Толкование норм права как неотъемлемый элемент механизма правового регулирования: сущность и проблемы // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 10 (10). С. 53; *Белов Д. Д.* Качество правовых норм как один из критериев эффективности механизма правового регулирования // Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества: сборник материалов II Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 124.

[2] *Радько Т. Н.* Теория функций права: монография. М.: Проспект, 2015. 272 с.; *Сулейменов М.* Право как система. М.: Статут, 2016. 360 с.; *Мицкевич Л. А.* Функции государственного управления // Очерки теории административного права: современное наполнение: монография. М.: Проспект, 2015. 158 с.; *Тарасенко В. Г.* Вопрос о правовом определении функций // Постулаты права. М.: Городец, 2009. 116 с.

[3] *Нехайчик В. К.* Роль и значение системного подхода в исследованиях механизма административно-правового воздействия // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 44.

Принятие на веру без каких-либо доказательств «учений корифеев», без учета конкретных обстоятельств, места и времени, на основе слепого подчинения мыслям того или иного авторитета в науке права, наносит колоссальный вред развитию правовой наук. Более того, это подрывает демократические основы государства, грубо попирает творческие права и свободы перспективных молодых ученых.

Словосочетание «школа ученого-юриста» в науке права, к сожалению, становится ретроградным, консервативным, даже реакционным выражением, о чем мы писали ранее, в 2007 г.[1] Причина сложившейся ситуации заключается в том, что с середины XIX в. некоторые правоведы, оказывая воздействие на развитие законодательства и поддержание в стране правопорядка, незаслуженно занимают привилегированное положение в «придворной среде» и до настоящего времени. Следовательно, органам публичной власти неприлично ущемлять их «научные интересы», если они и вредны для общества и государства. Конечно, было бы в высшей степени неправильно характеризовать негативно всех руководителей юридических научных школ. Но речь идет об укоренившейся вредной тенденции у некоторых из них навязывать свои архаичные стереотипы знаний молодым ученым-юристам.

Со времени выхода в свет монографии С. С. Алексеева[2] до издания последующих произведений на аналогичную тему прошло почти 40 лет. Видимо, ученые-юристы долго присматривались к тому, какой будет реакция на эту сомнительную идею. Но, начиная с 2000 г., публикуется целый ряд монографий и учебных пособий с указанием термина «механизм правового регулирования»[3], данной теме посвящён

[1] *Ибрагимов К. Х.* Синергетика и земельные отношения в земельном праве и агрономии // Аграрное и земельное право. 2007. № 11 (35). С. 95.

[2] Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

[3] См., например: *Субочев В. В.* Законные интересы в механизме правового регулирования: монография. М.: Юристъ, 2007. 187 с.; *Матиящук С. В.* Плата за жилье. Механизм правового регулирования. М.: Юстицинформ, 2009. 93 с.; *Шундиков К. В.* Механизм правового регулирования: учебное пособие. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2001. 102 с.; *Крамской И. С.* Механизм правового регулирования. Белгород: БелЮИ МВД России, 2011. 67 с.; *Сиземова О. Б.* Механизм правового регулирования межбанковских расчетов: монография. М.: Проспект, 2016. 111 с.; *Фомичева О. А.* Механизм правового регулирования федеративных отношений: монография. М.: Флинта, 2017. 109 с.

специальный научный форум: «Механизм правового регулирования: история и современность» (Екатеринбург, 2019).

Справедливости ради следует отметить, что объем таких монографий не превышает 200 страниц, как и у родоначальника идеи о механизме правового регулирования С. С. Алексеева. Причина неясна: то ли не о чем больше писать, то ли неприлично перед выдающимся правоведом. Сегодня ученым уже стало тесно в рамках «общей теории механизма правового регулирования», поэтому они приступили к анализу его частных проявлений. Например, С. Ю. Суменков посвятил свою работу исключениям в механизме правового регулирования, В. В. Лучков – юридической ответственности в механизме правового регулирования, С. А. Сидоров – механизму правового регулирования в системе социального контроля, Е. А. Овчарова – административному принуждению в механизме правового регулирования налогообложения и т. д.[1]

К сожалению, термин «механизм правового регулирования» начинает получать коннотацию и в решениях судов различных инстанций. Как правило, применяют выражение «суд исходил из того, что отсутствие механизма правового регулирования таких-то общественных отношений…» вместо того, чтобы использовать словосочетание «отсутствие необходимых правовых средств…». Разница состоит в том, что в трудах правоведов анализ механизма правового регулирования проводится с учетом его внутренних характеристик, а в судах анализ такого механизма осуществляется с учетом его внешних проявлений. Однако их общая забота сводится к следующему: работа и правоведа, и судьи замыкается не на какой-то правовой норме, не на совокупности правовых норм, а на правовой системе в целом.

[1] *Суменков С. Ю.* Исключения в механизме правового регулирования: монография. М.: МУ имени С. Ю. Витте, 2019. 134 с; *Лучков В. В.* Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: монография. Тольятти: Волж. ун-т имиени В. Н. Татищева, 2014. 167 с.; *Сидоров С. А.* Механизм правового регулирования в системе социального контроля: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 223 с.; *Овчарова Е. А.* Эффективность административного принуждения в механизме правового регулирования налогообложения: монография. М.: Зерцало-М, 2020. 100 с.

Библиографический список

1. Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 23 с.

2. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. 271 с.

3. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.

4. Механизм правового регулирования: история и современность. V Алексеевские чтения: сборник тр. конф. Екатеринбург: Уральский гос. юридический ун-т, 2019. 292 с.

5. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

6. Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19.

7. Арзамасов Ю. Г. Ведомственный нормотворческий процесс в Российской Федерации: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. 144 с.

8. Белов Д. Д. Качество правовых норм как один из критериев эффективности механизма правового регулирования // Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества: сборник материалов II Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 124–128.

9. Беляев В. П., Чапчиков С. Ю. Механизм в праве как основа механизма правового регулирования национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 6 (73). С. 88–91.

10. Беляева Г. С. К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. 2015. № 3 (87). С. 306–312.

11. Беляева Г. С., Бутова Е. В. К вопросу о понятии и сущности механизма административно-правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2016. № 10 (106). С. 816–823.

12. Бобылев А. И. Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 104–109.

13. Гревцов Ю. И. Правовые отношения // Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 2 / под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2001. С. 400–414.

14. Гриняк А., Пленюк М. Механизм регулирования частноправовых договорных отношений в гражданском праве // О правовых, этических и нормативных вопросах. 2018. Т. 21. Вып. 1. URL: https://www.abacademies.org/articles/regulation-mechanism-of-private-legal-contracting-relations-in-civil-law-7854.html (дата обращения: 20.10.2021).

15. Жочкина И. Н. Региональное государственное экологическое управление: концепция современного механизма правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2015. 28 с.

16. Ибрагимов К. Х. Синергетика и земельные отношения в земельном праве и агрономии // Аграрное и земельное право. 2007. № 11 (35). С. 95–100.

17. Исаков В. Б. Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. С. 255–266.

18. Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2000. 219 с.

19. Ковалева В. В. Основные подходы к понятию механизма правового регулирования в современной юридической литературе // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2 (7). С. 22–28.

20. Корчевна Л. О. К критике понятия механизма правового регулирования // Закон Украины. 2003. № 1 (1). С. 116–120.

21. Коструба А. В. Поливариативность структуры нормативного элемента в механизме правового регулирования гражданских отношений: теоретический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7. С. 23–31.

22. Крамской И. С. Механизм правового регулирования. Белгород: БелЮИ МВД России, 2011. 67 с.

23. Лучков В. В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: монография. Тольятти: Волж. ун-т имени В. Н. Татищева, 2014. 167 с.

24. Матиящук С. В. Плата за жилье. Механизм правового регулирования. М.: Юстицинформ, 2009. 93 с.

25. Мильков А. В. К определению понятия «правовые средства» // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 113–115.

26. Мицкевич Л. А. Функции государственного управления // Очерки теории административного права: современное наполнение: монография. М.: Проспект, 2015. С. 158–169.

27. Мухаев Р. Т. Теория государства и права. М.: Приор, 2002. 437 с.

28. Нехайчик В. К. Роль и значение системного подхода в исследованиях механизма административно-правового воздействия // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 44–55.

29. Никитин Д. А., Козаченко Б. П., Агаджанян А. В. К вопросу о соотношении механизма правового регулирования и механизма процессуально-правового регулирования // Теория государства и права. 2019. № 2 (14). С. 74–78.

30. Овчарова Е. А. Эффективность административного принуждения в механизме правового регулирования налогообложения: монография. М.: Зерцало-М, 2020. 100 с.

31. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 474 с.

32. Проблемы теории государства и права: учебное пособие / под ред. М. Н. Марченко. М.: Юристъ, 2001. 656 с.

33. Пронина Е. Н., Ланцова Е. О. Толкование норм права как неотъемлемый элемент механизма правового регулирования: сущность и проблемы // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 10 (10). С. 53–56.

34. Путин назвал абсолютно беспрецедентным масштаб природных бедствий в регионах // Коммерсантъ. 2021. 14 августа. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4945791 (дата обращения: 20.10.2021).

35. *Радько Т. Н.* Теория функций права: монография. М.: Проспект, 2015. 272 с.

36. *Сарновьска С. О.* Фундаментальні основи механізму правового регулювання URL: http://www.law.nau.edu.ua/images/Nauka/Naukovij_jurnal/2007/statji_n2_3_2007/Sarnovska_53.pdf (дата обращения: 10.101.2021).

37. Сидоров С. А. Механизм правового регулирования в системе социального контроля: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 223 с.

38. Сиземова О. Б. Механизм правового регулирования межбанковских расчетов: монография. М.: Проспект, 2016. 111 с.

39. Скачкова А. Е. Механизм правового регулирования как теоретико-правовой аспект и вектор научного исследования //

Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 2 (11). С. 35–42.

40. Субочев В. В. Законные интересы в механизме правового регулирования: монография. М.: Юристъ, 2007. 187 с.

41. Сулейменов М. Право как система. М.: Статут, 2016. 360 с.

42. Суменков С. Ю. Исключения в механизме правового регулирования: монография. М.: МУ имени С. Ю. Витте, 2019. 134 с.

43. Тарасенко В. Г. Вопрос о правовом определении функций // Постулаты права. М.: Городец, 2009. 132 с.

44. Фомичева О. А. Механизм правового регулирования федеративных отношений: монография. М.: Флинта, 2017. 179 с.

45. Шундиков К. В. Механизм правового регулирования: учебное пособие. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2001. 102 с.

46. Щербинин М. Ю. К вопросу формирования эффективного правового механизма рационального использования природных ресурсов // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2005. № 1. С. 282–284.

47. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 1997. 525 с.

48. Domingo R. The Revival of Roman Law and the European Legal Tradition. London, New York: Routledge, 2018. 312 p.

49. Mechanism // Slovar-vocab.com. URL: https://slovar-vocab.com/english/concise-oxford-dictionary/mechanism-6763318.html (дата обращения: 20.10.2021).

УДК 347.1
ББК 67.404

С. В. Новикова
доцент кафедры
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук
svnovikova2207@gmail.com

П. С. Жукова
бакалавр
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
polina-zhukova-01@inbox.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ

CURRENT ISSUES OF INTERPRETATION OF CIVIL LAW NORMS

В статье исследована процедура толкования правовых норм как необходимая стадия их практического применения. Проанализированы мнения ученых относительно понятия процедуры толкования гражданско-правовых норм, ее содержания и предназначения. Рассмотрены некоторые проблемы, связанные с применением практики Верховного суда РФ по вопросам толкования правовых норм, его роли в обеспечении единообразия правоприменения, а также по вопросам взаимодействия норм законодательства и судебной практики. Авторами сделан вывод о многообразии способов толкования гражданско-правовых норм права, а также о необходимости толкования специально уполномоченными органами и компетентными лицами.

Ключевые слова: интерпретация, норма права, гражданско-правовые нормы, способ толкования, стадия, правотворчество, правоприменение.

The article examines the procedure of interpretation of legal norms as a necessary stage of their practical application. Scientists' opinions on the concept of the procedure of interpretation of civil law norms, its content and purpose are analysed. Some problems connected with application of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation on the issues of legal norms interpretation, its role in providing uniformity of law enforcement as well as on interaction of legislative norms and court practice were considered. The authors conclude that there is a variety of ways to interpret civil law norms and the need for interpretation by specially authorized bodies and competent persons.

Keywords: interpretation, legal norm, civil law norms, method of interpretation, stage, law-making, law-enforcement.

Толкование норм права – это необходимый элемент реализации правоприменительного процесса, поскольку нельзя применить норму права, не поняв ее точного содержания и сущности. Толкование норм права обязательно при вынесении решения по делу, а также при правовой квалификации общественных отношений.

Вопросы толкования норм права подробно освещены в научной литературе. В последнее время этим вопросам стали уделять еще больше внимания с подачи выдающегося современного ученого В. Г. Ротаня. Под его руководством создан уникальный монографический труд, посвященный вопросам толкования[1].

Термин «толкование» исследователи понимают неоднозначно. Так, С. И. Вильнянский, А. П. Денисов считают, что толкование – это понимание смысла правовой нормы. М. С. Ткаченко, С. А. Голунский полагают, что толкование норм права – разъяснение их содержания. П. Е. Недбайло, Н. Г. Александров придерживаются мнения о том, что толкование – это механизм истолкования и изучения смысла правовых норм.

По нашему мнению, третья точка зрения наиболее полно отражает смысл и назначение толкования норм права. Именно в процессе толкования, применяя механизмы истолкования правовых норм, представляется возможным уяснение смысла и содержания правовой нормы, разъяснение ее третьим лицам. Это объясняется тем, что для разъяснения сущности нормы права в первую очередь необходимо его уяснение. Следовательно, толкование гражданско-правовой нормы включает в себя два элемента, а именно: уяснение сущности нормы права и разъяснение ее содержания. Таким образом, толкование правовых норм допустимо рассматривать как механизм, протекающий у человека в форме внутренних интеллектуальных процессов: уяснение нормы, которое выражено в форме юридического совета или интерпретационного акта.

В юридической литературе существует еще одна точка зрения, высказанная А. Ф. Черданцевым. Согласно его позиции, толкование норм права – это результат мыслительного процесса,

[1] *Камышанский В. П., Руденко Е. Ю.* Рецензия на монографию Ротаня В. Г., Сонина О. Е., Чертковой Ю. В. «Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права)». Симферополь, 2019. 792 с. // Власть Закона. 2020. № 3 (43). С. 159.

выраженный в грамматических предложениях, в которых раскрывается понятие и содержание толкуемых норм[1]. Примером может служить толкование, находящееся в комментируемом кодексе, где после каждой статьи или раздела дано разъяснение; а также в постановлениях Пленума Верховного суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ, Конституционного суда РФ.

В процессе толкования происходит конкретизация смысла и предписания правовой нормы. Именно поэтому уяснение назначения правой нормы должно быть следствием ее толкования. Например, Конституционный суд РФ на основании ч. 5 ст. 125 Конституции РФ в своих актах неоднократно указывал на смысл правовых норм Конституции РФ и законодательных актов, проверяя их на конституционность.

Важно отметить, что толкование всегда вторично, а норма первична, и это относится к большинству случаев. Толкующее норму права лицо выступает как «обслуживающее». Однако известны исключения, если разъяснение правовой нормы нечеткое, но содержит новые идеи, имеющие настолько значимую юридическую ценность, что в конечном счете устанавливается как правило, в том числе воплощается в правовой норме. В качестве примера Т. Н. Радько приводит решения Конституционного суда РФ по разъяснению несовершенных правовых норм Конституции РФ и федеральных законов[2]. Толкование правовой нормы может быть грамматическим, логическим, систематическим и историческим.

Грамматическое толкование означает, что понимание нормы происходит благодаря общим грамматическим правилам. При логическом толковании используются общепринятые правила и доказательства логики, при систематическом – уяснение смысла нормы осуществляется путем ее сравнения с другими нормами, выявления общего и особенного в иных нормах по одному и тому же вопросу. Историческое толкование основано на изучении истории принятия нормы с учетом ее изменения и сопоставления в момент толкования с действующими нормами по одному и тому же вопросу.

В качестве примера приведем процесс толкования нормы страхового права РФ, что нашло отражение в определении

[1] Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2002. С. 473.

[2] *Радько Т. Н.* Теория государства и права. М.: Юнити, 2004. С. 10.

Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 5 апреля 2016 г. № 38-КГ16-1. Указанное определение основано на применении механизмов исторического и систематического толкования, поскольку рассмотрены вопросы о том, подлежит ли применению в Российской Федерации Указ Президиума Верховного совета СССР от 2 октября 1981 г.; следует ли неукоснительно соблюдать правила о страховании имущества граждан. Судебная коллегия отметила, что данный Указ после введения части второй Гражданского кодекса (ГК) РФ не может применяться как противоречащий главе 48 ГК РФ.

Судебная практика и доктрина разработали несколько общепринятых принципов толкования, способствующих на практике точному пониманию и применению правовых норм. Выделим наиболее значимые из них: последующий законодательный акт отменяет ранее изданный, специальные нормы преобладают над общими нормами, специальные нормы не подлежат широкому толкованию, а если планируемое понимание правовой нормы ведет к заметно нелогичному выводу, такое понимание нормы нельзя считать верным. Исходя из этих принципов различают буквальное, ограничительное и расширительное толкование.

В современном законодательстве неизбежны пробелы. Законодатель не всегда успевает за образованием и развитием общественных отношений. Однако даже в таких случаях права и обязанности сторон должны быть урегулированы, а возникший между ними спор (конфликт) разрешен качественно компетентными органами. Для устранения или минимизации указанных случаев существует институт аналогии закона и аналогии права. В соответствии со ст. 6 ГК РФ, если отношения полностью не урегулированы законом, то к ним применяется гражданское законодательство, регулирующее аналогичные отношения (аналогия закона). В случаях, если недопустимо использование аналогии закона, права и обязанности сторон регулируются посредством аналогии права, с учетом принципа справедливости[1].

В качестве основного элемента гражданского права выступает гражданско-правовая норма. Сложно представить

[1] *Канашевский В. А.* Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 233.

совершенствование системы гражданского права без анализа и научного осмысления его норм. Поэтому, безусловно, происходит научное осмысление правовых норм, их описание. Однако это – лишь часть процесса толкования. По мнению Д. И. Степанова, с мнением которого мы согласны, для большей части исследователей в области гражданского права наиважнейшей целью является разрешение определенных практических вопросов, установка, отыскание и освещение конкретных казуистических ситуаций либо обнаружение смысла и содержания норм действующего позитивного права[1]. С данным утверждением согласен Н. Л. Бондаренко[2].

Обратим внимание на то, что юридический позитивизм служит началом и цивилистических исследований на современном этапе. Так, В. В. Васильев, изучая нормы гражданского права, утверждает, что «гражданско-правовая норма представляет собой идущее от государственного аппарата или санкционированное им правило поведения или базовое правовое предписание, обладающее обязательным или относительным характером»[3]. Вместе с тем автор отмечает «дискуссионный характер вопроса о возможности подтверждения определения гражданско-правовой нормы сугубо с помощью понятий “правило регулирования” и “правило поведения”».

Главная задача толкования – необходимость смоделировать именно те идеи, цели, которые соединял с данной правовой нормой ее создатель. Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс современного толкования правовых норм является умственной деятельностью субъекта права, применяющего правовую норму. Это служит неотъемлемым элементом правоприменительной деятельности, содействует наиболее достоверному уяснению смысла правовой нормы, вложенного в

[1] *Степанов Д. И.* Вопросы методологии цивилистической доктрины // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. / под ред. О. Ю. Шилохвоста. М.: НОРМА, 2003. Вып. 6. С. 1–2.

[2] *Бондаренко Н. Л.* Некоторые проблемы современной белорусской цивилистики // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 94.

[3] *Васильев В. В.* Гражданско-правовая норма как фундаментальный элемент системной структуры гражданского права // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 5.

нее законодателем, дает возможность разрешить возникший спор о праве на основе конкретной нормы права.

В процессе толкования умственная деятельность человека направлена на понимание истинного смысла правовой нормы, вложенного в нее законодательными органами с помощью научной методологии толкования. Кроме того, процесс толкования в определенных случаях направлен на разъяснения сущности правовой нормы иным участникам гражданских правоотношений.

Обратимся к практике толкования гражданско-правовых норм. Согласно ч. 2 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ основаниями для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений являются новые обстоятельства, возникшие после принятия судебного постановления и имеющие существенное значение для правильного разрешения дела. К таким обстоятельствам, согласно п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, относятся определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного суда РФ или постановлении Президиума Верховного суда РФ практики применения правовой нормы, если в таком постановлении содержится указание на то, что сформулированная в нем правовая позиция имеет обратную силу применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами.

На современном этапе развития гражданского права существует много проблемных вопросов, связанных с толкованием правовых норм, которые нельзя решить без практики Верховного суда РФ. Т. К. Примак и Г. В. Казаков выделяют две главные проблемы в правовом толковании[1]. Во-первых, толкование гражданско-правовых норм – сложный и противоречивый процесс, который не может реализовываться без учета политической и экономической ситуации в стране. Более того, за судебной практикой практически закреплен статус источника права, что вызвано не столько юридической обязательностью судебных решений, сколько уяснением их как эталона правильного толкования и применения гражданского законодательства. Во-вторых, суды по-разному толкуют гражданско-правовые нормы не только в границах, например,

[1] *Примак Т. К., Казакова Г. В., Орлова К. А.* Проблемы толкования правовых норм в деятельности судебных органов // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2014. № 9. С. 41.

отдельных субъектов РФ, но даже в рамках одного суда. Это дает возможность говорить о разнообразном применении принципа законности в пределах общего правового механизма. Устранить данную проблему представляется возможным с помощью толкования норм права благодаря обобщению судебной практики. Это не только целесообразно с точки зрения единообразного толкования, но и с точки зрения формирования прогрессивной судебной системы и, как следствие, правовой.

Как справедливо полагает П. А. Гук, «целостность процессуальных норм, учреждающих полномочия инстанций Верховного Суда Российской Федерации, обращает внимание на их творческий характер в образовании правовых принципов толкования гражданско-правовой нормы в процессе проверки судебных нормативно-правовых актов нижестоящих инстанций»[1]. Действительно, постановления Пленума Верховного суда РФ являются интерпретационными, правотворческими, включают в себя легальный акт официального судебного толкования, имеют детализированный характер, а также цель применения законов РФ и судом.

Толкование правовой нормы представляет собой процесс, свод приемов, способов преодоления возникших у судьи трудностей при изучении выбранной им в процессе правоприменительной деятельности нормы права, регулирующей, по его мнению, спорные правоотношения. В процессе правоприменения и толкования могут возникнуть сложности в понимании смысла нормы права, области ее действия. Фактически нет ни одной нормы права, которая могла бы дать абсолютную ясность для каждого правоприменителя относительно каждого случая.

Обратимся к правоприменительной практике. Государственное учреждение предъявило иск к Открытому акционерному обществу (ОАО) о взыскании с него в том числе пени в соответствии с п. 8 ст. 16 Закона РФ «О государственном материальном резерве» за необеспеченность количественной сохранности материальных ценностей государственного резерва. Суд первой инстанции принял решение об уменьшении размера подлежащей взысканию с ОАО неустойки, применив к спорным правоотношениям норму ст. 333 ГК РФ, аргументируя ее

[1] *Гук П. А.* Судебное толкование норм права // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 72.

применение тем, что между участниками процесса возникли гражданско-правовые отношения по хранению ценностей мобилизационного резерва. Однако Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа отменил данное решение и взыскал с ОАО пеню в полном размере, ссылаясь на следующее: суд первой инстанции неправильно определил спорные правоотношения как гражданско-правовые и применил к ним гражданско-правовую норму ст. 333 ГК РФ. В этом примере суд определял отраслевую принадлежность двух норм права: п. 8 ст. 16 Закона РФ «О государственном материальном резерве», в соответствии с которым с ответчика взыскана неустойка, и ст. 333 ГК РФ, на основании которой суд первой инстанции уменьшил ее размер.

Следует учитывать и проблему недостатка теоретических, методологических основ толкований, в том числе судебных. Так, В. Г. Ротань указывает, что «наличие потребности в кардинальных изменениях правотолковательной деятельности, которая будет осуществлена с помощью перехода от интуитивного к рационального толкованию нормативно-правовых актов, а также развитию профессиональной подготовки юристов, приведет ученых к мнению создать учебную дисциплину об основах толкования правовых актов»[1]. Нельзя не согласиться с автором. Необходимость создания учебной дисциплины об основах толкования правовых актов давно назрела. В ряде высших учебных заведений такую дисциплину преподают в рамках программ магистратуры. Полагаем, что эта дисциплина должна стать одной из базовых в рамках программ бакалавриата.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к следующим выводам. Процедура применения гражданско-правовых норм связана с необходимостью понимания их истинного смысла, вложенного законодателем. Это невозможно без учета общественных, политических и экономических реалий, в которых принята норма. Кроме того, учитывая оценочность ряда категорий, используемых в норме права, приходится

[1] *Ротань В. Г.* Переход от интуитивного к рациональному толкованию актов гражданского законодательства как основное условие совершенствования правоприменения // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 39.

анализировать их при помощи толковых словарей, сопоставляя их с иными нормами права. Уяснение действительного смысла правовых норм невозможно без грамматического толкования.

Толкование гражданско-правовых норм – это волевая умственная деятельность правоприменителя по уяснению истинного содержания гражданско-правовых норм в связи с их нацеленностью на практическое применение и, возможно, усовершенствование. Судебное толкование в качестве разновидности толкования можно определить и как интеллектуальную, и как творческую работу судьи, основанную на его правосознании и уяснении воли законодателя с дальнейшим закреплением результата данной мыслительной деятельности в судебном акте. Суды не только толкуют правовые нормы, но и осуществляют правотворчество. Практика Верховного суда РФ давно воспринимается как один из источников российского права, практика нижестоящих судов часто служит примером для других судов, которые выносят решения на основании ранее вынесенных решений по аналогичным делам. Назрела необходимость преподавания теоретических основ правотолковательного процесса в высших учебных заведениях.

Библиографический список

1. *Бондаренко Н. Л.* Некоторые проблемы современной белорусской цивилистики // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 94–101.

2. Васильев В. В. Гражданско-правовая норма как фундаментальный элемент системной структуры гражданского права // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 5–52.

3. Гук П. А. Судебное толкование норм права // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 72–78.

4. Камышанский В. П., Руденко Е. Ю. Рецензия на монографию Ротаня В. Г., Сонина О. Е., Чертковой Ю. В. «Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права)». Симферополь, 2019. 792 с. // Власть Закона. 2020. № 3 (43). С. 158–168.

5. Канашевский В. А. Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений

в Российской Федерации // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 233–241.

6. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2002. 528 с.

7. Примак Т. К., Казакова Г. В., Орлова К. А. Проблемы толкования правовых норм в деятельности судебных органов // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2014. № 9. С. 35–43.

8. Радько Т. Н. Теория государства и права. М.: Юнити, 2004. 576 с.

9. Ротань В. Г. Переход от интуитивного к рациональному толкованию актов гражданского законодательства как основное условие совершенствования правоприменения // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 39–45.

10. Степанов Д. И. Вопросы методологии цивилистической доктрины // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. / под ред. О. Ю. Шилохвоста. М.: НОРМА, 2003. Вып. 6. С. 1–32.

УДК 347.12
ББК 67.404.0

В. А. Процевский
профессор кафедры
гражданского права и процесса
Севастопольского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
viktorprocevskij@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ НОРМ-ПРИНЦИПОВ В СФЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

IMPLEMENTATION OF CIVIL NORMS-PRINCIPLES IN THE CONSTITUTIONAL ECONOMY

В статье с использованием исторического подхода в национальном праве автор исследует нормы-принципы в конституционной экономике, которые существенно повлияли на развитие соответствующих гражданско-правовых норм. Проведен понятийный анализ в контексте темы исследования. Рассмотрено значение такого межотраслевого правового института, как «право собственности». Изучен вопрос о межотраслевом взаимодействии гражданского и конституционного права благодаря конституционной экономике. Предлагается решение проблем регулирования общественных отношений в сфере конституционной экономики через усовершенствование национального гражданского законодательства. Сделан вывод о том, что обеспечение прав человека в сфере частной собственности представляется возможным только через механизм гражданско-правового регулирования, который, в свою очередь, реализуется посредством норм гражданского права.

Ключевые слова: гражданское право, конституционное право, конституционная экономика, межотраслевой институт, институт гражданского права, гражданские правоотношения в конституционной экономике, механизм правового регулирования экономики.

In the article, using a historical approach in national law, the author examines the norms-principles in constitutional economics, which significantly influenced the development of the relevant civil law norms. A conceptual analysis is carried out in the context of the research topic. The meaning of such intersectoral legal institute as "right of ownership" has been reviewed. The question of inter-branch interaction of civil and constitutional law due to the constitutional economy has been studied. The solution of

problems of regulation of social relations in the sphere of constitutional economy through the improvement of national civil legislation is proposed. It is concluded that ensuring of human rights in the sphere of private property is possible only through the mechanism of civil law regulation, which, in its turn, is implemented through the civil law norms.

Keywords: civil law, constitutional law, constitutional economy, inter-branch institution, institute of civil law, civil relations in constitutional economy, mechanism of legal regulation of the economy.

Учение о конституционной экономике постепенно занимает одно из фундаментальных, определяющих мест в российской науке, как экономической, так и правовой. В настоящем межотраслевом исследовании прежде всего рассмотрено влияние гражданско-правовых норм на конституционную экономику, взаимодействие между гражданским правом и конституционной экономики. В Российской Федерации (далее – РФ) данное учение, возникшее под влиянием западных экономистов и правоведов, привлекает в первую очередь ученых-юристов в сфере конституционного, административного и гражданского права.

В целях объективности исследования проанализируем понятийный аппарат. Конституционная экономика – это относительно новое понятие в национальной науке. Американский ученый и нобелевский лауреат, один из основателей конституционной экономики, Джеймс Бьюкенен определил данное учение как исследовательскую программу, направленную «на изучение действующих характеристик правил и институтов, в пределах которых взаимодействуют индивиды, а также процессов, путем которых эти правила и институты избираются или возникают»[1]. Необходимо отметить, что термин «конституция» в привычном понимании, как основной закон государства, использован Дж. Бьюкененом в несколько ином смысловом аспекте: и в качестве основного закона страны, и в значении принципов функционирования экономического механизма в согласованности с правами и свободами человека.

В Конституции РФ закреплены экономические основы не только как гарантии рыночной экономики и современного экономического развития, но и как гарантии прав и свобод граждан на реальное обретение ими материального благополучия

[1] *Buchanan J. M.* The Domain of Constitutional Economics // Constitutional Political Economy. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 1–2.

через, например, предпринимательскую деятельность. Следует указать, что правоотношения в сфере экономики в большей степени регулируются нормами гражданского права.

Ввиду рассмотренного понимания содержания конституционной экономики нельзя не обратить внимание на нормы-принципы, которые представляют собой нормы, закрепляющие основные, исходные начала правового регулирования. Они не создают непосредственно гражданские права и обязанности, но указывают принципиальное направление правового регулирования, в чем и заключается их функциональное предназначение. Конституционная экономика предусматривает наличие в гражданском законодательстве системы норм-принципов, которые комплексно и в полной мере закрепляют основы экономической системы. Следовательно, одной из целей настоящей статьи является исследование содержания норм-принципов в конституционном праве, которое имеет прямое влияние на гражданские правоотношения в конституционной экономике. Вместе с тем это позволяет детально рассмотреть влияние гражданско-правовых норм на конституционную экономику, а также соотношение гражданского права и конституционной экономики.

Впервые нормы-принципы в сфере экономических отношений отражены в Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – РСФСР) от 10 июля 1918 г.[1], в которой воспроизведен социалистический подход к экономике. По своему характеру Конституция РСФСР является учредительной. Следовательно, и нормы-принципы, в том числе относящиеся к сфере экономики, имеют соответствующее содержание, прежде всего указывающее на режим права собственности, которое, в свою очередь, детально регулировалось административным, гражданским и земельным правом. Для уничтожения эксплуатации человека человеком, полного устранения деления общества на классы, беспощадного подавления эксплуататоров, установления социалистической организации общества и победы социализма в каждой из стран Конституция РСФСР 1918 г. утверждает

[1] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/185478/ (дата обращения: 20.09.2021).

огосударствление практически всех объектов права собственности, умаляя при этом как право частной собственности на средства производства, так и право частной собственности на личное имущество граждан. Для конституционной экономики данные нормы-принципы интересны тем, что они легализовали невиданный раннее правовой режим хозяйствования, полностью подчиненный народному интересу и нивелировали интерес частный. В дальнейшем указанные конституционные нормы реализованы через созданный правовой механизм с помощью гражданско-правовых норм в таких нормативно-правовых актах, как Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах»,[1] Гражданский кодекс (далее – ГК) РСФСР 1922 г.,[2] Декрет ВЦИК «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР»[3] и др.

Конституция Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) от 31 января 1924 г.[4], которая принята во времена новой экономической политики, практически не отразила фундаментальных положений о регулировании экономических отношений. Для исследований в сфере конституционной экономики можно использовать общие положения Конституции СССР 1924 г.: «Со времени образования советских республик, государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма. Там, в лагере капитализма, национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм,

[1] Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах: декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 62. Ст. 674.

[2] О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. (с изм. от 2 февраля 1923 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2863#sxwU8vSBMpqJDmoZ (дата обращения: 20.09.2021).

[3] Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР: декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 43.

[4] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г. // Сайт Конституции РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508660/ (дата обращения: 20.09.2021).

национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь, в лагере социализма, взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов» (ст. 1, разд. 1). Следует отметить, что главной задачей Конституции СССР 1924 г. было закрепление объединения советских республик. Регулирование экономических отношений переводили на уровень иных нормативно-правовых актов. Из содержания указанных положений Конституции СССР 1924 г. можно лишь выделить продолжение линии, обозначенной в предыдущем Основном Законе страны, в экономическом отношении направленной на огосударствление отношений собственности.

В отличие от Конституции СССР 1924 г., Конституция СССР от 5 декабря 1936 г.[1] имела широкое закрепление норм-принципов в экономической сфере. Если Конституция РСФСР 1918 г. носила исключительно учредительный характер, то нормы-принципы Конституции СССР 1936 г., кроме подтверждения ранее закрепленных положений социалистической экономики, впервые закрепили регулятивный механизм ее осуществления. В них содержатся фундаментальные понятия данного правового механизма. К тому же нормы-принципы Конституции СССР 1936 г., учитывая некоторые успехи новой экономической политики, допускали деятельность мелкого частного хозяйства единоличных крестьян и кустарей, основанного на личном труде. Важно понимать, что осуществление такого личного хозяйствования должно было подчиняться всеобщему интересу и вписываться в государственный народнохозяйственный план.

В Конституции СССР 1936 г. в незначительном объеме нашло отражение право личной (а не частной) собственности граждан на отдельные объекты (трудовые доходы и сбережения, жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего хозяйства и обихода, предметы личного потребления и удобства). Для конституционной экономики рассмотренные нормы-принципы Конституции СССР 1936 г. интересны тем, что

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // Сайт Конституции РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 20.09.2021).

в них установлен регулятивный правовой механизм работы системы хозяйствования, подчиненный идее «увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности», то есть общенародному интересу. В конституционных нормах-принципах, закрепленных в Конституции СССР 1936 г., характерных для конституционной экономики, детально описан правовой механизм их реализации в ГК РСФСР 1964 г.[1]

В Конституции СССР от 7 октября 1977 г.[2] сконцентрированы нормы-принципы в сфере экономике во второй главе под названием «Экономическая система». Данные положения во многом повторяют нормы-принципы Конституции СССР 1936 г. Однако существенным отличием является то, что они объединены в специальном разделе Основного Закона. Это, кроме регулирующего эффекта, выделяет в рамках Конституции СССР 1977 г. так называемую экономическую конституцию, то есть структурирование норм-принципов об экономических отношениях в одном разделе. Будучи первой «экономической конституцией», Конституция СССР 1977 г. переосмысляет характер советской экономики, ставя за основу не только задачи государственного строительства, но и «наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей» (ст. 15). Кроме того, из содержания норм-принципов исключено положение о признании лиц, посягающих на социалистическую собственность, врагами народа. В связи с этим такие лица должны были отвечать исключительно по закону.

Указанные нормы внедрены и реализованы прежде всего в таких нормативно-правовых актах, как Закон СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР»[3], постановление Верховного Совета СССР от 19 октября 1990 г. «Основные направления по

[1] Гражданский кодекс: утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. (в ред. от 24 декабря 1992 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

[2] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Сайт Конституции РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 20.09.2021).

[3] О собственности в СССР: закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 11. Ст. 164.

стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике»[1], Закон РФ от 23 декабря 1992 г. «О праве граждан Российской Федерации на получение в частную собственность и на продажу земельных участков для ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства»[2] и др.

Действующей Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г.[3] определено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2), а Россия – социальное государство, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7). Это фундаментальное положение в корне изменило содержание норм-принципов об экономических отношениях, поскольку признание человека, его прав и свобод наивысшей ценностью предполагает защиту права частной собственности и независимых от исключительно государственных задач способов ведения хозяйственной деятельности.

Анализируя содержание действующей сегодня Конституции РФ, несложно понять, что ее авторы через нормы-принципы попытались создать фундамент для эффективного функционирования рыночной экономики, основанной на частной собственности и подчиненной ведущей идее о приоритете прав и свобод человека. К таким нормам-принципам относятся положения об экономической свободе, свободе труда, свободном использовании своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, не запрещенной законом, о защите конкуренции, охране собственности, недопущении монополизации и недобросовестной конкуренции.

В свою очередь, если рассматривать содержание приведенных норм-принципов через учение о конституционной

[1] Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике: постановление Верховного Совета СССР от 19 октября 1990 г. // Правда. 1990. 18 октября.

[2] О праве граждан Российской Федерации на получение в частную собственность и на продажу земельных участков для ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства: закон РФ от 23 декабря 1992 г. // Российская газета. 1993. 6 января.

[3] Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.09.2021).

экономике, то очевидной становится следующая проблема. В отличие от Конституции СССР 1977 г., действующий Основной Закон РФ отказывается от целостной экономической конституции, «разбрасывая» нормы-принципы в сфере экономических отношений в двух главах, одна из которых посвящена основам конституционного строя, другая – правам человека и гражданина. Объяснение этому можно найти в преамбуле Конституции РФ 1993 г., где в одном предложении содержатся сложные для практической реализации базовые идеи Основного Закона: «утверждение прав и свобод человека и обеспечение гражданского мира и согласия». Приведенные нормы нашли дальнейшее развитие в таких нормативно-правовых актах, как ГК РФ 1994 г.[1], Федеральный закон от 17 июля 2001 г. «О разграничении государственной собственности на землю»[2] и др.

Как справедливо указывает В. В. Комарова, «несмотря на то, что экономические, социальные интересы различных групп населения могут и не совпадать, даже противоречить друг другу, императивом основного закона остается взаимосогласование даже противоречивых конституционных ценностей»[3]. Действительно, понимая сущность рыночных экономических отношений, ни под каким углом зрения нельзя утверждать, что при капиталистической системе хозяйствования может быть обеспечено согласие среди всех слоев населения. Последнего можно достичь путем нивелирования конкурентных начал экономической деятельности частных собственников. Именно с учетом данного фундаментального противоречия отсутствует целостное понимание сути экономических отношений в России, и поэтому в действующем Основном Законе страны оказалось невозможным создать экономическую конституцию.

Как писал основатель учения о конституционной экономике в России О. Е. Кутафин, «во все времена и во всех странах, избравших конституционализм в качестве доктрины

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп., в ред. от 28 июня 2021 г. № 225-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] О разграничении государственной собственности на землю: федер. закон от 17 июля 2001 г. // Российская газета. 2001. 10 июля.

[3] *Комарова В. В.* Правовое закрепление конституционной экономики в современной России: опыт сравнительного исследования // Ежегодник Конституционной экономики. 2018 / сост. П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2018. С. 99.

государственного строительства, государственный строй должен отвечать такому требованию, как обеспечение основных прав человека, и прежде всего права частной собственности»[1]. Сущность понятия «право собственности» законодатель раскрывает в ст. 209 «Содержание права собственности» ГК РФ[2]. Считаем, что обеспечение прав человека в сфере частной собственности будет возможным только через механизм гражданско-правового регулирования, который, в свою очередь, реализуется нормами гражданского права.

Таким образом, рассмотрение норм-принципов под углом их исторического развития в национальном праве, в сфере конституционной экономики, позволяет сделать выводы не только об их содержании в различных типах экономических системах, но и о развитии права на частную собственность, что дает основание для усовершенствования гражданско-правового регулирования соответствующего правового института.

Отметим, что «право собственности» относится и к основным межотраслевым правовым институтам (ст. 35 Конституции РФ[3], раздел II «Право собственности и другие вещные права» ГК РФ[4], ст. 15 «Собственность на землю граждан и юридических лиц» Земельного кодекса РФ[5] и т. д.), и к принципам конституционной экономики. Отношение к вопросу о собственности в социуме определяет реальный статус свободы личности, ее независимость и уверенность в завтрашнем дне. Правовое государство обязано признать права каждого человека и гражданина на частную собственность, существующую вместе с государственной и коллективной, где развитие частной

[1] *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 28.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп., в ред. от 28 июня 2021 г. № 225-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.09.2021).

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. (с изм. и доп., в ред. от 28 июня 2021 г. № 225-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[5] Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

собственности в приоритете. Закрепление права частной собственности в действующем законодательстве РФ представляется важным для утверждения новой концепции прав и свобод личности, создает соответствующее гражданско-правовое регулирование рыночной экономики.

Нормы-принципы советских и российских конституций в своем содержании отразили идеи использования национальных богатств в общих интересах; социальную функцию собственности, функцию служения общему благу при реализации права собственности; социальную функцию различных объектов собственности; общенародное планирование экономического развития. При этом можно проследить эволюцию советских конституций по характеру закрепленных норм-принципов. Если Конституция РСФСР 1918 г. имела прежде всего учредительный характер, а Конституция СССР 1936 г. – регулятивный, то Конституцию СССР 1977 г. можно в полной мере назвать экономической конституцией.

Конституция РФ 1993 г. закрепила конституционные начала рыночной экономики. Содержание норм-принципов Конституции РФ 1993 г. в сфере экономики отражает определяющие положения об экономической свободе, свободном использовании своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, не запрещенной законом, о защите конкуренции, охране собственности, недопущении монополизации и недобросовестной конкуренции, что впоследствии существенно повлияло на развитие регулирования соответствующих гражданских правоотношений через усовершенствование нормативно-правовой базы гражданского законодательства. Вместе с тем нельзя утверждать, что нормы-принципы об экономических отношениях в действующем Основном Законе РФ составляют «экономическую конституцию» государства. Их раздробленность, а также несогласованность одной из ведущих идей Конституции РФ 1993 г. об утверждении прав и свобод человека, обеспечении гражданского мира и согласия подтверждает тот факт, что учение о так называемой конституционной экономике в период принятия Основного Закона РФ было еще не разработано. Вместе с тем современное развитие данного учения создает перспективу в ближайшем будущем при должном внимании к анализу содержания конституционных норм-принципов в сфере экономики разработать актуальную экономическую конституцию

государства и эффективные правовые механизмы, прежде всего через дальнейшее усовершенствование национального гражданского законодательства.

Библиографический список

1. Комарова В. В. Правовое закрепление конституционной экономики в современной России: опыт сравнительного исследования // Ежегодник Конституционной экономики. 2018 / сост. П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2018. С. 99–120.

2. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 544 с.

3. Buchanan J. M. The Domain of Constitutional Economics // Constitutional Political Economy. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 1–18.

УДК 347.453
ББК 67.404.06

А. С. Шеховцова
доцент
кафедры гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук
ankras@mail.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ДОЛЖНИКА

ABUSE OF THE RIGHT OF BUSINESS ENTITIES AS EXEMPLIFIED BY THE INITIATION OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS AGAINST A DEBTOR

Статья посвящена принципу добросовестности и запрету злоупотребления правом, в том числе на обход закона, участниками экономических отношений в рамках возбуждения процедуры банкротства должника. Исследованы особенности института злоупотребления субъективными правами субъектов предпринимательской деятельности на примере возбуждения процедуры банкротства должника. Автор анализирует сложившуюся арбитражную

практику, в том числе разъяснения Верховного суда РФ, и обращает внимание на ошибки, допускаемые судами при применении норм гражданского законодательства в исследуемой области. Значительное внимание уделено примерам из практики, из которых следует, что суд не должен ограничиваться узкой трактовкой термина «злоупотребление правом» и еще более конкретными разъяснениями высших судебных инстанций. По мнению автора статьи, принцип запрета злоупотребления правом является важным гражданско-правовым принципом, и его необходимо толковать в совокупности с иными принципами гражданского права, прежде всего добросовестности и разумности.

Ключевые слова: принципы права, добросовестность, запрет злоупотребления правом, обход закона, банкротство, возбуждение процедуры банкротства должника, злоупотребление правом.

The article is devoted to the principle of good faith and the prohibition of abuse of rights, including circumvention of the law, by participants of economic relations within the initiation of bankruptcy proceedings of a debtor. The features of the institute of abuse of subjective rights of subjects of entrepreneurial activity by the example of initiation of bankruptcy proceedings of a debtor were investigated. The author analyses the current arbitration practice including the Supreme Court explanations and draws attention to the mistakes made by the courts in applying the civil legislation in the area under consideration. Considerable attention is paid to practical examples from which it follows that the court should not be limited to a narrow interpretation of the term "abuse of right" and even more specific explanations of the higher courts. According to the author, the principle of the prohibition of abuse of right is an important civil law principle and must be interpreted in conjunction with other civil law principles, primarily good faith and reasonableness.

Keywords: principles of law, good faith, prohibition of abuse of right, circumventing the law, bankruptcy, initiation of debtor bankruptcy proceedings, abuse of right.

В современной юридической литературе вопросы злоупотребления правом и обхода закона занимают едва ли не ведущее направление в цивилистике. Общим вопросам принципа запрета злоупотреблять правом, а также более узким правовым проблемам в указанной области посвящено множество исследований[1]. В то же время, несмотря на актуальность и высокую степень разработанности указанной проблематики, существуют практические ситуации в рамках реализации норм института несостоятельности (банкротства),

[1] *Османова Д. О.* Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография. М.: Юстицинформ, 2020. С. 78.

когда принцип злоупотребления правом толкуется судами узко либо без системного толкования в совокупности с иными принципами гражданского права.

В соответствии с п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1] злоупотребление правом представляет собой один из пределов осуществления гражданских прав наряду с исключительным намерением причинения вреда другому лицу (шиканой) и действий в обход закона с противоправной целью, сущность которого сводится к заведомо недобросовестному осуществлению гражданских прав. Верховный суд РФ указал, что назначение субъективного права состоит в предоставлении уполномоченному субъекту юридически гарантированной возможности удовлетворять потребности, без нарушения при этом интересов других лиц, общества и государства. Если субъективное право осуществляется в противоречии с назначением, происходит конфликт между интересами общества и конкретного лица.

Исходя из смысла ст. 10 ГК РФ становится очевидным, что злоупотребление правом, то есть осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, наблюдается в случае, если субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую с данным правом юридическую обязанность[2]. Под злоупотреблением правом следует понимать умышленное поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему гражданского права, сопряженное с нарушением установленных в ст. 10 ГК РФ пределов осуществления гражданских прав, причиняющее вред третьим лицам или создающее условия для наступления вреда[3]. Лицо

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16 декабря 2019 г. № 430-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 51 (ч. I). Ст. 7482.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 г. № 32-КГ14-17 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=420591#Gb47HqSULfvSqKJt (дата обращения: 20.02.2020).

[3] Обзор судебной практики Двадцатого арбитражного апелляционного суда по применению главы III.1 «Оспаривание сделок должника» Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»:

совершает действия с незаконной целью или незаконными средствами, нарушая права и законные интересы других лиц и причиняя им вред или создавая соответствующие условия. Под злоупотреблением правом понимают также ситуацию, когда лицо действует в пределах предоставленных ему прав, но недозволенным образом[1].

С учетом особенностей правового регулирования недобросовестных действий ГК РФ в совокупности с законодательством о банкротстве злоупотребление при несостоятельности (банкротстве) может быть признано разновидностью неправомерного действия лишь в том случае, если это действие соответствует полной совокупности следующих критериев[2]:

1) субъект, осуществляющий действие, заведомо осуществляет свои права недобросовестно (п. 1 ст. 10 ГК РФ);

2) результатом таких действий является ущемление интересов других лиц (кредиторов) либо неопределенного круга лиц.

В судебной практике наиболее распространены случаи частичного погашения долга должником до порогового значения, препятствующего введению процедуры банкротства такого должника. Часто встречаются случаи включения в процедуру банкротства «дружественного» кредитора, который также инициирует процедуру банкротства или оплачивает долг перед иными кредиторами, чтобы изменить очередность рассмотрения заявлений о банкротстве, то есть стать преимущественным кредитором с правом утверждать кандидатуру арбитражного управляющего. Как в первом, так и во втором примере

постановление Президиума Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 сентября 2011 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/2c8846e0bf3de03d226a4d9dbba55300abbc5abf/ (дата обращения: 20.05.2020).

[1] Определение Верховного суда Российской Федерации от 20 октября 2015 г. № 18-КГ15-181 // Верховный суд РФ. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1386588 (дата обращения: 20.05.2020); Определение Верховного суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 4-КГ15-54 // Верховный суд РФ. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1404246 (дата обращения: 20.02.2020); Определение Верховного суда Российской Федерации от 14 июня 2016 г. № 52-КГ16-4 // Верховный суд РФ. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1448812 (дата обращения: 20.05.2020).

[2] Подольский Ю. Д. Обособленные споры в банкротстве: монография. М.: Статут, 2020. С. 41.

злоупотребления правом наиболее активно применяется институт гражданского права, закрепленный в ст. 313 «Исполнение обязательства третьим лицом» ГК РФ. Представляется, что именно институт исполнения обязательства третьим лицом за должника служит правовым инструментом, который активно используют недобросовестные должники.

Особенности исполнения третьим лицом обязательств должника перед кредитором при банкротстве нашли закрепление в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»[1]. Согласно п. 21 указанного постановления не допускается погашение со злоупотреблением правом, которое может быть выражено в неполном исполнении обязательства (погашении только основного долга без неустойки; погашении долга до суммы, которая не позволяет ввести процедуру банкротства).

Согласно правовой позиции, сформулированной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 16 июня 2016 г. № 302-ЭС16-2049 и определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 15 августа 2016 г. № 308-ЭС16-4658[2], если третье лицо использовало институт, закрепленный в ст. 313 ГК РФ, не в соответствии с его назначением, то в таких действиях прослеживаются явные признаки злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ):

1) погашение только требований по основному долгу, без погашения требований по процентам за пользование чужими денежными средствами. В результате таких действий третьего лица кредитор не получает полное удовлетворение своего требования и утрачивает возможность влиять на ход процедуры банкротства, поскольку финансовые санкции не учитываются при определении количества голосов на собрании кредиторов;

[1] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 // Верховный суд РФ. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8524/ (дата обращения: 20.05.2020).

[2] Определение Верховного суда РФ от 16 июня 2016 г. № 302-ЭС16-2049 по делу № А33-20480/2014 // Верховный суд РФ. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1447860 (дата обращения: 20.05.2020).

2) частичное погашение требований таким образом, чтобы размер оставшегося требования не превышал минимальный порог, необходимый для инициирования дела о банкротстве. В этом случае третье лицо также не погашает долг в полном объеме, но лишает кредитора возможности возбудить дело о банкротстве должника и выдвинуть кандидатуру арбитражного управляющего[1].

Вместе с тем анализ практики применения норм гражданского законодательства о запрете злоупотреблять правом и обходе закона, отражающих особенности введения процедуры банкротства должника показывает, что суды зачастую действуют формально. Так, отказывая во введении процедуры банкротства, Арбитражный суд Краснодарского края не дал оценку доводам заявителей о недобросовестности поведения должника и третьего лица по частичному погашению задолженности до минимального порогового значения (чуть меньше 300 000 руб.)[2].

Наряду с этим отметим, что пороговое ограничение как таковое, будучи обусловленным незначительностью размера требования к должнику, не должно освобождать последнего от введения процедуры несостоятельности при наличии сведений, очевидно указывающих на неплатежеспособность должника, то есть на прекращение исполнения им денежных обязательств, а также на недобросовестность лиц, вовлеченных в спорные правоотношения. Таким образом, при наличии задолженности должника перед кредитором в меньшем размере, нежели указанное выше пороговое значение, процедура банкротства в отношении должника могла быть введена лишь в случае доказанности прекращения последним исполнения денежных обязательств и его недобросовестности.

О презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений в судебных решениях упоминается часто, в том числе при решении процессуальных вопросов о распределении бремени доказывания: доказать обратное должна та сторона,

[1] Определение Верховного суда РФ от 15 августа 2016 г. № 308-ЭС16-4658 по делу № А53-2012/2015 // Верховный суд РФ. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1464240 (дата обращения: 20.05.2020).

[2] Определение Арбитражного суда Краснодарского края об отказе во введении наблюдения и прекращения производства по делу от 14 декабря 2020 г. по делу А32-37510/20 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-krasnodarskogo-kraia/ (дата обращения: 20.05.2020).

которая заявляет о недобросовестности и неразумности этих действий. На принцип же добросовестности указывают при выявлении критериев поведения сторон в процедурах банкротства.

Сужение значения добросовестности до оценки субъективной составляющей действий участников не отражает в полной мере потенциала данного принципа. В теории гражданского права принцип – это основополагающее начало, определяющее сущность и направление правового регулирования, категория, в соответствии с которой создаются и претворяются в жизнь нормы права. Он не может опровергаться, он – основа содержания нормы и вектор ее применения. Действительно, если акцентировать внимание на том, что принципы, как правило, отражают объективные закономерности и потребности общества, то не вызывает сомнения, что добросовестность участников имеет место как основополагающее, базовое, желаемое и даже требуемое поведение от участников. Но это поведение, как объективное, внешнее выражение воли лица, строится на основе субъективной составляющей, к которой применяется уже презумпция добросовестности.

Отметим, что презумпция добросовестности применяется при определении пределов осуществления гражданских прав, то есть речь идет о предположении факта добросовестности действий участников гражданских правоотношений, не нуждающегося в доказывании. Однако в рассмотренном нами примере из судебной практики заявители по делу о банкротстве указывали на недобросовестное поведение, в том числе в умышленных действиях по частичному погашению суммы задолженности основного долга, без намерения погасить штрафные санкции (размер которых многократно превышал основной долг), то есть наблюдались все признаки неправомерного использования института ст. 313 ГК РФ в обход закона и с действиями по злоупотреблению правом.

Но суд, отказывая во введении процедуры банкротства, ссылается на указанные выше определения Верховного суда РФ, при этом отмечая, что злоупотребление правом будет только «в случае, если эти действия (оплата третьим лицом долга) служат цели инициирования банкротства по заявлению иного кредитора,

аффилированного по отношению к должнику»[1]. В рассматриваемом деле такой аффилированный по отношению к должнику кредитор отсутствовал, в связи с чем признаков злоупотребления правом суд не усмотрел и отказал во введении процедуры банкротства.

Представляется, что суд формально истолковал норму п. 2 ст. 6 и п. 2 ст. 33 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[2] без учета иных обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении правом со стороны должника. Между тем ст. 313 ГК РФ направлена в том числе и на расширение механизмов получения кредитором исполнения, причитающегося ему по обязательству, то есть на защиту его прав. Поэтому указанной норме не может быть дано такое толкование, в результате которого ущемлялись бы интересы кредитора против его воли.

Так, заявители предоставляли доказательства суду о наличии неисполненных исполнительных производств, наличии задолженностей по оплате государственных пошлин, исполнительных сборов, других обязательных платежей. Суду были представлены материалы, свидетельствующие о том, что с момента подачи заявления о признании должника банкротом подано два заявления о включении в реестр от иных кредиторов, что также косвенно свидетельствует о наличии иных кредиторов у должника. Выводы судов об обратном свидетельствуют о допущенной ими ошибке в результате неправильного толкования подлежащих применению норм материального права.

В рассматриваемом деле ответчик, предоставляя суду платежные документы об оплате задолженности перед кредиторами на основании ст. 313 ГК РФ, не ссылался на заключение с третьим лицом какого-либо соглашения об исполнении им обязательств перед контрагентами должника, определяющего конкретные условия взаиморасчетов, хотя ст. 313 ГК РФ прямо предусмотрено возложение должником на третье лицо исполнения его обязанности. Между тем ввиду положений

[1] Определение Арбитражного суда Краснодарского края об отказе во введении наблюдения и прекращения производства по делу от 14 декабря 2020 г. по делу А32-37510/20 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-krasnodarskogo-kraia/ (дата обращения: 20.05.2020).

[2] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

норм процессуального права должник не обосновал разумные причины погашения задолженности перед кредиторами от имени третьего лица, предварительно не согласовал с ним условия взаиморасчетов. В связи с этим суд должен был проверить экономическую целесообразность такого погашения долга и реальных правоотношений между должником и третьим лицом, о чем и ходатайствовали заявители. Однако суд неправомерно указал, что «сведения и основания для погашения задолженности по ст. 313 ГК РФ не требуются для рассмотрения дела»[1].

Вместе с тем судебная практика в целом склоняется к необходимости выяснения всех вышеуказанных фактических обстоятельств и доводов заявителей об отсутствии между сторонами соглашения об исполнении обязательств третьим лицом, а равно и об отсутствии обоснования разумных причин осуществления спорных платежей[2]. На необходимость исследования гражданско-правовой природы обязательств разумности и экономической целесообразности действия третьего лица по исполнению обязательства за должника (банкрота) в отсутствие правовых оснований указывает и судебная практика Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда[3].

Представляется, что понимание злоупотребления правом, сложившееся в науке гражданского права на основе системного толкования гражданско-правовых принципов, в том числе применительно к специфике института банкротства, а равно и толкование указанных выше актов Верховного суда РФ, не ограничивается примерами злоупотребления правом, перечисленными в указанных выше определениях Верховного суда РФ.

Конечно, в цивилистической науке предпринимаются попытки дать определение как понятию «злоупотребление

[1] Определение Арбитражного суда Краснодарского края об отказе во введении наблюдения и прекращения производства по делу от 14 декабря 2020 г. по делу А32-37510/20 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-krasnodarskogo-kraia/ (дата обращения: 20.05.2020).

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 марта 2018 г. № Ф05-17194/2017 по делу № А40-14815/16 // Арбитражный суд Московского округа. URL: https://fasmo.arbitr.ru/ (дата обращения: 20.05.2020).

[3] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2020 г. № 15АП-5568/2020 по делу № А53-41441/2019 // Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд. URL: https://15aas.arbitr.ru/ (дата обращения: 20.05.2020).

правом», так и принципу добросовестности. Однако, на наш взгляд, данная проблема может представлять сугубо научный интерес, поскольку правоприменитель в каждом случае, где защита нарушенного права поставлена в зависимость от добросовестности/недобросовестности участников, должен установить этот факт по отношению к существу рассматриваемого спора.

В то же время задача законодателя и в определенной мере высших судебных инстанций, разъясняющих вопросы применения норм права, состоит в том, чтобы наиболее четко очертить критерии добросовестности и наличия признаков злоупотребления правом в типовых ситуациях. Представляется, что по этому пути идет и судебная практика. Это находит отражение в первую очередь в позиции Пленума Высшего Арбитражного суда РФ, а также в определениях Верховного суда РФ по тем или иным делам.

Библиографический список

1. Османова Д. О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография. М.: Юстицинформ, 2020. 184 с.

2. Подольский Ю. Д. Обособленные споры в банкротстве: монография. М.: Статут, 2020. 171 с.

Раздел

Трибуна молодого ученого

УДК 347.1
ББК 67.404.1

Т. Ю. Афанасьева
аспирант кафедры
гражданского права
Астраханского государственного университета
afa.tat@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

THE EVOLUTION OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR THE ACQUISITION OF PROPERTY RIGHTS

В статье речь идет о том, что правовое регулирование вопросов, связанных с такой объемной категорией, как «право собственности», ввиду сложившейся научно-исследовательской традиции осуществляется по пути законодательной регламентации ряда способов приобретения права собственности. В связи с этим выстраивается логическая схема научного исследования: анализ некоторых способов и характеристика их классификации. Согласно авторской позиции, научное исследование приобретения права собственности не должно сводиться лишь к изучению отдельных способов данного явления. Нельзя забывать о его комплексности и системности, о теоретико-правовом анализе природы приобретения права собственности, прежде всего с позиции социологических исследований. Только после всестороннего анализа следует обращаться к рассмотрению интересующей проблемы в контексте правового явления. Тем самым возникает потребность в комплексном теоретико-правовом исследовании, вытекающем из практической необходимости совершенствования действующего законодательства, устранения пробелов и коллизий в правовом регулировании, выработки унифицированного подхода к применению соответствующих норм права. Ряд способов приобретения права собственности, по мнению автора, следует рассматривать не изолированно, а как составные части целостного правового явления, в рамках одной системы, в сравнительном анализе друг с другом, во взаимодействии с иными правовыми институтами гражданско-правового и общеправового характера. В итоге в сделан вывод о том, что изучение и анализ способов приобретения права собственности будет наиболее продуктивным, а система – более упорядоченной.

Ключевые слова: право собственности, владение, пользование, распоряжение, норма права, приобретение права собственности, гражданское правоотношение.

The article discusses the fact that the legal regulation of issues related to such a voluminous category as "right to property", due to the established research tradition is carried out on the way of legislative regulation of a number of ways to acquire the right to property. In this regard, a logical scheme of scientific research is built: analysis of some methods and characteristic of their classification. According to the author's position, scientific study of the acquisition of the right of ownership should not be reduced only to the study of individual ways of the phenomenon. One should not forget about its comprehensiveness and systemic nature, the theoretical and legal analysis of the nature of acquisition of ownership rights, primarily from the position of sociological research. Only after a comprehensive analysis should one address the problem of interest in the context of the legal phenomenon. In this way, there is a need for a comprehensive theoretical-legal study, arising from the practical need to improve the current legislation, eliminate gaps and conflicts in the legal regulation, to develop a unified approach to the application of relevant rules of law. A number of ways of acquisition of ownership rights, in the author's opinion, should not be considered in isolation, but as components of a coherent legal phenomenon, within the same system, in a comparative analysis with each other, in interaction with other legal institutions of civil and common law nature. As a result, it is concluded that the study and analysis of the ways of acquiring the right of ownership will be most productive and the system will be more streamlined.

Keywords: ownership, possession, use, disposal, rule of law, acquisition of ownership, civil legal relations.

Возникновение любого общественного отношения, в том числе отношения собственности, предполагает действия его участников, а в определенных случаях – и бездействие. Собственность следует рассматривать как совокупность возможных действий по отношению к вещи, обусловленных ее способностью удовлетворять потребности той или иной личности, их объединений и общества в целом[1].

Представляется важным отметить, что в настоящее время отсутствует комплексное исследование в области общественных отношений, складывающихся относительно приобретения права собственности. Теоретико-правовое осмысление конкретных способов разработано в науке не в полной мере. Ученые исследуют лишь некоторые способы, что подменяет собой анализ приобретения права собственности в целом, как сложного и

[1]Гражданское право: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. С. 112.

объемного правового института. В связи с этим, полагаем, что выбранная тема актуальна и в теоретико-правовом аспекте, и с позиции практического применения, а следовательно, нуждается в максимально детальном изучении.

Цель настоящего исследования – изучение средств и способов повышения эффективности правового регулирования отношений, возникающих в связи с приобретением права собственности, а также анализ развития правового регулирования в данной области знаний в динамике. При проведении исследования использованы следующие частнонаучные методы: формально-логический, сравнительно-правовой, технико-юридический, методы системного анализа, лингвистического анализа.

Как пишет А. Я. Рыженков, «нельзя всерьез рассматривать собственность или право собственности как простое сочетание владения, пользования и распоряжения хотя бы на том основании, что, как неоднократно было замечено, одновременное присутствие этих компонентов вовсе не является обязательным. Некоторые (или даже все) из них могут быть изъяты, но при этом само право собственности сохраняется»[1]. Он утверждает: «Собственник может быть лишен всех трех правомочий и, тем не менее, может сохранить право собственности и притом не только в качестве *dominum nudum* (“голая собственность”)…»[2].

Представляется возможным следовать концепции противоположных аспектов собственности, которые для ее целостного исследования должны быть проанализированы одновременно:

– субъективный (внутренний) – психологическое осознание принадлежности вещи, включающее в себя взаимодействие и с другими субъектами правоотношений;

– объективный (внешний) – признание связи лица с вещью со стороны социума, участие в обязательствах, предусматривающее защиту от посягательств на статус вещи.

Кроме того, при анализе приобретения права собственности необходимо, на наш взгляд, основываться в первую очередь на категориях «воля» и «волеизъявление». Само по себе приобретение

[1] *Рыженков А. Я.* Философия права собственности: подходы и проблемы // Власть Закона. 2017. № 4 (32). С. 35.

[2] *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. М.; Л.: изд-во и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1948. С. 15.

права собственности можно охарактеризовать как волевой акт, с которым связаны особенности правового регулирования данного института.

Исследуемое нами волевое явление включает в себя определенные модели:

– модель, при которой движущая сила приобретения права собственности выражена в воле приобретателя, направленной на то, чтобы получить определенный объем прав в отношении объекта гражданско-правовых отношений, тем самым порождая определенный правовой результат;

– модель, реализующая волю общества, которая содержится в нормативных правовых актах, определяющая конкретные границы реализации воли субъекта – приобретателя, в целях недопущения причинения вреда реализацией воли;

– модель, отражающая непосредственно волю собственника, способствующая или препятствующая реализации воли контрагента – приобретателя, тем самым достигающая баланса взаимообусловленных воль.

По нашему мнению, условия, способствующие приобретению права собственности (в теоретико-правовом аспекте), можно разделить на блоки:

– нормативный, представляющий собой способы приобретения права собственности;

– реальный (практический), отражающий основания приобретения права собственности.

Перенося данные конструкции на классическое понимание любого гражданского правоотношения, реальный блок и будет служить фактическим составом (основой) гражданского правоотношения, при котором и возникнет право собственности в субъективном смысле. Первый же блок вписывается в категорию специфического инструмента законодателя, определяющего направление реализации воли приобретателя. Поэтому реальный блок отражает, по сути, основание приобретения права собственности как юридического факта, а способы приобретения предстают как определенные нормативные предпосылки появления этого основания.

Приобретение права собственности имеет определенные предпосылки, и их можно разделить на группы:

– объект, участвующий в гражданско-правовых отношениях, отвечающий всем требованиям нормативных правовых актов;

– надлежащий субъект (подходящий под все требования правового статуса определенных правоотношений).

Обязательное наличие этих двух предпосылок одномоментно и позволяет говорить о субъектно-объектных отношениях, предваряющих появление способов приобретения права собственности. Отдельным блоком в исследуемом направлении выступают ограничения права собственности, детально рассмотренные в трудах профессора В. П. Камышанского. Он отмечает, что «ограничение права собственности представляет собой концептуальное понятие, характеризующее сужение возможности осуществления субъективного права собственности. Исследование ограничений права собственности позволяет квалифицировать совокупность полученных теоретических, исторических, гражданско-правовых знаний в качестве самостоятельного научного направления – ограничения права собственности»[1].

Далее, следуя логике нашего исследования, рассмотрим вопрос о правовом регулировании оснований возникновения права собственности, которые традиционно в цивилистической науке делят на первоначальные и производные, учитывая, что критерии разграничения этих способов различны. Условно данные критерии можно разделить на две большие группы:

– «критерий воли»;

– «критерий правопреемства».

Указанные критерии имеют важное и теоретико-правовое, и практическое значение. Уровень развития общества на современном этапе свидетельствует о необходимости объективного правового регулирования общественных отношений. В связи с этим вопрос о способах приобретения права собственности с позиции перечисленных критериев актуален, с одной стороны, в рамках теории цивилистики, с другой – исходя из практики применения гражданско-правовых норм.

На основании изложенного, полагаем, будет юридически оправданным деление способов приобретения права собственности на первоначальные и производные закрепить на уровне гражданского законодательства, то есть путем включения в главу 14 «Приобретение права собственности» Гражданского

[1] *Камышанский В. П.* Ограничения права собственности: гражданско-правовой анализ: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 11.

кодекса Российской Федерации статей «Первоначальные способы приобретения права собственности», «Производные способы приобретения права собственности», которые содержали бы известные конкретные способы, но закрепленные уже на законодательном уровне.

В контексте темы единства критерия, находящегося в основе деления способов приобретения права собственности на первоначальные и производные, приведем ряд мнений ведущих ученых и исследователей относительно трактовки данного понятия:

– согласованность воли предшествующего собственника и приобретателя (О. С. Иоффе)[1];

– наличие «устанавливающего» правоприобретения наряду с первоначальным и производным (П. П. Цитович)[2];

– наличие либо отсутствие правопреемства (Е. А. Суханов)[3].

Исходя из предложенных выше позиций исследователей, можно предположить, что именно наличие или отсутствие правопреемства и будет выступать универсальным критерием, который делит способы приобретения права собственности на первоначальные и производные. Приведенные в настоящей статье положения теоретического и практического характера могут быть использованы в научных разработках и для совершенствования действующего российского законодательства, регламентирующего отношения, возникающие в связи с приобретением права собственности.

Кроме того, для теории гражданского права представляется значимой приведенная в статье теоретическая концепция способов приобретения права собственности как социального и правового явления. На основе теоретического осмысления вырабатывается общий подход к исследованию эволюции правового регулирования приобретения права собственности.

При внедрении теоретических положений исследования в практическое измерение на их основе может быть нормативно оформлен ряд фактически сложившихся способов приобретения

[1] См., например: *Иоффе О. С.* Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. С. 10.

[2] См., например: *Цитович П. П.* Русское гражданское право. Общая часть. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1894. С. 24.

[3] См., например: Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. С. 92.

права собственности, а также усовершенствованы существующие правовые нормы. Некоторые положения могут быть реализованы в правоприменительной практике. В частности, представляется возможным использование правоприменительными органами общих положений волевой концепции приобретения права собственности как руководящих принципов для разрешения тех или иных дел при отсутствии регламентирующих соответствующие отношения норм права.

Библиографический список

1. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., Л.: изд-во и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1948. 839 с.

2. Иоффе О. С. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. 777 с.

3. Камышанский В. П. Гражданское право: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. 543 с.

4. Камышанский В. П. Ограничения права собственности: гражданско-правовой анализ: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 357 с.

5. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. 960 с.

6. Рыженков А. Я. Философия права собственности: подходы и проблемы // Власть Закона. 2017. № 4 (32). С. 33–43.

7. Цитович П. П. Русское гражданское право. Общая часть. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1894. 453 с.

УДК 347.24
ББК 67.404.1

В. И. Галкин
заместитель директора
Института частного права
Московского государственного
юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
galkin_vlad_94@mail.ru

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ «КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ» В ПРАВЕ И ОТНОШЕНИЯХ СОБСТВЕННОСТИ

APPROACHES TO DEFINING THE CATEGORY "CONFLICT OF INTEREST" IN THE LAW AND IN THE PROPERTY RELATIONS

В статье рассмотрены подходы к определению понятия «конфликт интересов» в действующем законодательстве, в отраслях публичного и частного права. Автор предлагает перечень признаков конфликта интересов при осуществлении права собственности на недвижимое имущество, в том числе конфликта частных и публичных интересов. Четко сформулирована цель исследования: определить признаки

конфликта интересов в отношениях собственности, состоятельность существующих в законодательстве и доктрине понятий конфликта интересов. В структуре исследования выделены субъекты, объекты, содержание и последствия конфликта интересов, предложены модели «конфликта-причины» и «конфликта-следствия». В заключительной части дана авторская позиция, направленная на совершенствование законодательства в этой сфере. Сделан вывод о том, что субъект права, преследующий противоправные цели ради собственной выгоды, может иметь как правомерный явный, так и неправомерный скрытый интерес.

Ключевые слова: конфликт интересов, частный интерес, публичный интерес, право собственности, столкновение интересов, законный интерес, правоотношение собственности.

The article considers the approaches to the definition of the concept of "conflict of interest" in the current legislation, in the branches of public and private law. The author offers a list of features of the conflict of interest in the implementation of the right of ownership of real estate, including the conflict of private and public interests. The purpose of research is clearly formulated: to determine the features of the conflict of interests in ownership relations, soundness of the existing concepts of the conflict of interests in legislation and doctrine. The structure of research marks out subjects, objects, content and consequences of conflict of interest, models of "conflict - cause" and "conflict - effect" are proposed. In conclusion the author's position on improvement of legislation in this field is given. It is concluded that a subject of law who pursues unlawful purposes for his own benefit may have both legitimate explicit and illegitimate hidden interest.

Keywords: conflict of interest, private interest, public interest, ownership, conflict of interest, legal interest, ownership relationship.

В юридической доктрине не сформирован единый подход к определению конфликта интересов в гражданском праве. Однако в некоторых работах ученые предлагают и исследуют понятия и признаки данной категории.

Большинство исследований осуществляются в рамках межотраслевого подхода. Например, под конфликтом интересов безотносительно к отраслям права ряд авторов понимают «правовую ситуацию (общественное отношение), обозначающую противоречие (столкновение) между интересами в частном и публичном праве, при которой субъект права (физическое лицо, юридическое лицо, должностное лицо) и (или) субъекты права имеют разные интересы и, действуя в условиях противоборства, в рамках права добиваются своих интересов»[1], либо «любой

[1] *Виссаров А. В.* Понятие конфликта интересов в праве и его особенности // Марийский юридический вестник. 2008. № 6. С. 20.

конфликт, где спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия»[1]. Конфликт интересов применительно к отраслевой направленности характеризуется и как «ситуация, когда противоречие между интересами государственного служащего как частного лица, а также связанных с ним лиц (группы лиц), интересами государства, выраженными в системе законодательных и иных нормативных правовых актов, и интересами третьих лиц создает объективную возможность для наступления негативных последствий в виде нанесения ущерба государству и (или) третьим лицам, наступившего в результате осознанных действий (бездействия) государственного служащего в нарушение им своих должностных обязанностей»[2].

Как пишут в одной из своих работ А. М. Цирин и С. Н. Матулис, «категория “конфликт интересов” является “сквозной”, применяемой в рамках реализации норм Конституции, законодательства о противодействии коррупции, о государственной и муниципальной службе, трудового законодательства»[3]. Исходя из этой, на наш взгляд, распространенной позиции, можно сделать вывод о том, что категорию «конфликт интересов», в первую очередь характерную для публичного права, во многом исследователи не связывают с гражданско-правовыми отношениями.

В контексте законодательства понятие конфликта интересов содержится преимущественно в нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы надлежащего и беспристрастного исполнения публичных полномочий лицами, замещающими государственные и муниципальные должности. Так, в ч. 1 ст. 10

[1] *Карпычев М. В.* Конфликт интересов: некоторые проблемы теории и практики гражданского права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18. С. 75; *Кудрявцев В. Н.* Юридический конфликт: сферы и механизмы. М.: Изд-во РАН, 1994. С. 7.

[2] *Кудюкин П. М.* Конфликт интересов в системе государственной службы: сущность, пути выявления, предупреждения и разрешения // Противодействие коррупции: разрешение конфликта интересов / под ред. М. Б. Горного, А. И. Волкова. СПб.: Норма, 2005. С. 123.

[3] *Цирин А. М., Матулис С. Н.* Понятие скрытой аффилированности и способы ее выявления // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 166.

Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» указано, что под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). С закреплением этого определения исследования в области конфликтов интересов на государственной (муниципальной) службе существенно возросли.

В ч. 1 ст. 35 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации», к примеру, конфликт интересов определен как наличие в распоряжении должностных лиц, служащих Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ) и их близких родственников прав, предоставляющих возможность получения указанными лицами лично или через юридического либо фактического представителя материальной и личной выгоды в результате использования ими служебных полномочий в части инвестирования средств пенсионных накоплений или информации об инвестировании средств пенсионных накоплений, ставшей им известной или имеющейся в их распоряжении в связи с осуществлением должностными лицами и служащими ЦБ РФ профессиональной деятельности, связанной с формированием и инвестированием средств пенсионных накоплений.

Во многих законодательных актах понятие конфликта интересов сводится к личной имущественной или иной заинтересованности либо получению определенных преимуществ конкретным субъектом при исполнении им своих обязанностей или осуществлении установленных в законе полномочий. Подобные понятия приведены в Федеральном законе от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (ст. 36.24), в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ст. 3), в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 75), в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 2), в Федеральном законе от 30 декабря 2008 г. №

307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (ст. 8), в Федеральном законе от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ст. 8), в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ст. 27).

В отношении частноправовых отраслей понятие «конфликт интересов» законодателем не применено. Но на практике подобные ситуации могут возникать в каждом правоотношении, участником которого являются два и более субъекта, в том числе между частным и публичным субъектами права, интересы которых, как правило, различны. Полагаем, недостатком существующих определений конфликта интересов, закрепленных в законодательстве РФ, является антикоррупционная направленность, которая не придает таким определениям универсальности и не способствует распространению их применения в рамках судебной практики на частноправовые отношения. Выработанные юридической доктриной понятия конфликта интересов, используемые в сфере отношений государственной или муниципальной службы, практически невозможно применять при описании ситуации столкновения частных и публичных интересов в гражданском праве, так как в первой ситуации речь идет о конфликте внутренних интересов одного субъекта, а в последней ситуации – о конфликте интересов разных субъектов права.

Существующие в законодательстве понятия конфликта интересов имеют несколько общих признаков, характерных для этой категории независимо от того, в какой отрасли права или сфере общественных отношений она используется. Во-первых, это – личная заинтересованность субъекта права в получении материальной выгоды или иных (материальных или нематериальных) преимуществ. Во-вторых, это – противоречие между внутренними интересами одного субъекта либо между внешне выраженными интересами разных субъектов, сталкивающимися между собой. В-третьих, это – намерение использовать или состоявшееся использование установленных законом полномочий для удовлетворения интересов (получения выгоды). Последний признак проявляется при участии в правоотношении специального субъекта. Дополнительно к тем признакам, которые отражены и выводятся из законодательных понятий, некоторые авторы выделяют и такие признаки, как «стремление к незаслуженным благам и преимуществам, с одной стороны, и причинение вреда законным интересам, с другой

стороны, то есть нанесение вреда обществу, государству, организациям и гражданам… сложность, многоступенчатость и многократность… и противоречие принципам правового государства с его ценностями “законности”, “блага”, “справедливости” и “служения общей пользе”»[1].

При рассмотрении конфликта интересов в гражданском праве применительно к осуществлению права собственности на недвижимость (в правоотношениях с участием публичного субъекта) представляется, что наряду с указанными признаками возможно выделить среди них такие, которые характерны именно для ситуации столкновения частных и публичных начал. Выделяемые признаки связаны со спецификой взаимодействия частного и публичного в праве в целом.

Во-первых, это – отсутствие равных возможностей в осуществлении субъективных прав и законных интересов сторонами конфликта между частным и публичным субъектами. Данное утверждение проявляется в том, что на стороне одного из субъектов (как правило, публичного) наблюдается преимущество, которое может быть связано с обладанием дополнительной информацией или навыками, экономическим превосходством или доступными правовыми и неправовыми механизмами, оказывающими психологическое или иное влияние, давление на более слабую сторону. Отсутствие равных возможностей может существовать у одной из сторон до вступления в правоотношение, быть связанным с характеристиками субъекта права, но может быть и приобретено после вступления в правоотношение. В любом случае правовой эффект, выраженный в более сильном правовом статусе или в доступности ресурсов для осуществления прав и исполнения обязанностей, может приводить к возникновению конфликта интересов. Стоит обратить внимание на то, что отсутствие равных возможностей и наличие преимуществ у одной стороны не всегда влечет за собой наличие конфликта интересов. Это будет зависеть от поведения субъекта права, на стороне которого существует превосходство, то есть от целей его деятельности и выбранных способов их удовлетворения.

[1] *Охотский Е. В.* Понятие «конфликта интересов» в административном праве Российской Федерации // Управление: проблемы и перспективы. 2019. № 4 (53). С. 123.

Во-вторых, чтобы превосходство одной из сторон правоотношения привело к конфликту интересов, должен существовать такой признак, как ущемление прав и законных интересов одной или обеих сторон. Ущемление прав и законных интересов может быть выражено либо в прямом нарушении закона или договора, либо в создании таких условий осуществления прав и законных интересов, при которых так называемая потерпевшая сторона не достигнет своих целей. Оба указанных признака непосредственно связаны между собой и должны сосуществовать вместе для того, чтобы констатировать наличие конфликта интересов при осуществлении права собственности на недвижимость.

В-третьих, качественным признаком выделяемых интересов при наличии конфликта между ними служит их разнонаправленность. Она проявляется в том, что каждая из сторон намерена достигнуть своих целей, удовлетворить собственные потребности, как правило, выраженные в извлечении прибыли либо получении иных имущественных благ. Указанный признак следует признать, по нашему мнению, субсидиарным. Он может отсутствовать в ситуации, если обе стороны при наличии конфликта интересов намерены его решить с учетом наименьших издержек для каждой из сторон, достигнув компромисса. В этом случае направленность интересов сторон конфликтных отношений не будет разной, а признак трансформируется в намерение преодолеть конфликт участниками, испытывающими негативные его проявления и (или) последствия.

Таким образом, описывая конфликт интересов, нужно обращать внимание на присущие ему обязательные признаки, характеризующие категорию, и на субсидиарные признаки, которые могут существовать или отсутствовать в зависимости от особенностей протекания конфликта на практике.

В науке высказываются точки зрения о том, что устранение конфликта интересов – принцип гражданского права. В гражданском праве, по мнению Д. И. Дедова, этот принцип является общим и имеет значение в том случае, если одно лицо несет в себе одновременно два противоречащих интереса, один из которых защищаемый, а другой наносит ему вред[1]. Однако, на наш взгляд, субъект права, преследующий противоправные цели

[1] *Дедов Д. И.* Конфликт интересов в праве. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 5.

ради собственной выгоды, может иметь как правомерный явный, так и неправомерный скрытый интерес. Но это не приводит к выводу о том, что признание и закрепление принципа устранения конфликта интересов повлечет за собой отказ от скрытых интересов конкретного субъекта права и решит проблему.

Понятие конфликта интересов можно сравнить с понятием столкновения прав. В частности, Д. И. Мейер писал: «Столкновение прав – такое стечение прав, при котором осуществление одного права исключает совершенно или отчасти осуществление другого права… Например, лицо состоит должным нескольким лицам, и имущество его недостаточно для удовлетворения всех верителей, так что если один из них будет удовлетворен вполне, то другие останутся без удовлетворения»[1]. Он выделял мнимое и действительное столкновение прав, понимая под мнимым столкновение прав, вытекающих из общего и специального закона[2].

Можно ли поставить знак равенства между категорией столкновения прав и категорией конфликта интересов? Представляется, что вторая категория шире, потому что она может быть отражена и в односторонне обязывающих правоотношениях. В таком правоотношении может и не быть столкновения прав, а конфликт интересов вполне возможен.

Конфликт частных и публичных интересов при осуществлении права собственности на недвижимое имущество включает в себя такие элементы, как субъекты, объект, содержание и правовые последствия. Субъектами конфликта частных и публичных интересов в таком правоотношении выступают стороны вещного отношения, именуемые участниками конфликта интересов.

В литературе существует взгляд на различие между понятиями «участник» и «субъект» применительно к юридическому конфликту как общеправовой категории. В. Н. Кудрявцев их обособляет, указывая, что «основными субъектами конфликта являются противоборствующие стороны, непосредственно задействованные в конфликте, а участниками

[1] *Мейер Д. И.* Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 1997. С. 33.

[2] Там же. С. 33.

могут быть подстрекатели, пособники и организаторы»[1]. Представляется, что содержание и последствия конфликта частных и публичных интересов имеют юридическое значение только применительно к сторонам правоотношения, а обособление иных лиц (как бы они не именовались) может влечь правовые последствия в отраслях публичного права, но не в гражданском праве. Правильным было бы приравнивать субъектов конфликта частных и публичных интересов к субъектам правоотношения, поскольку именно они являются противоборствующими сторонами, чьи усилия направлены на защиту своих прав и признание своих интересов. Следует учитывать, что государство, как носитель публичного интереса, может действовать в интересах общества в целом, в то время как частный субъект, не осуществляющий публичные функции на основании закона, отстаивает только свои интересы либо интересы иного лица в отношениях представительства.

Объектом конфликта частных и публичных интересов являются юридические права и обязанности сторон, связанные с осуществлением права собственности на недвижимое имущество. Конфликт может возникнуть в отношении признания, нарушения юридических прав, неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязанностей.

Содержание конфликта частных и публичных интересов, на наш взгляд, является производным от нормативных положений содержания права собственности, закрепленных в ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Вмешательство в правомочия собственника или пределы права собственности, о которых идет речь в пунктах 1, 2 и 3 указанной статьи, приводят к конфликту частных и публичных интересов. Стеснение определенного законом субъективного права собственника и составляет содержание конфликта частных и публичных интересов. На практике встречаются ситуации, когда в связи с действиями частного субъекта затрагиваются права публичного субъекта, которые сосредоточены в отдельных нормативных правовых актах и могут быть выражены каким-либо полномочием органа государственной власти. Стеснение публичного субъекта в осуществлении отдельных правомочий

[1] *Кудрявцев В. Н.* Юридическая конфликтология. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. С. 34.

также отражает содержание конфликта частных и публичных интересов.

Конфликт частных и публичных интересов может быть следствием существующих в законодательстве и установленных в публичных целях ограничений права собственности, которые препятствуют в осуществлении частным собственником своих прав в полном объеме и по своему свободному усмотрению. В таком случае конфликт интересов неразрешим даже при достижении баланса между ними, поскольку частный собственник всегда будет считать себя в некоторой степени ограниченным в правах. Изложенный подход подпадает под «конфликт-следствие». Приведем следующий пример.

Законодатель в ст. 284 ГК РФ установил правило об изъятии земельного участка у собственника в случаях, если участок, предназначенный для ведения сельского хозяйства или жилищного строительства, не используется по целевому назначению в течение трех лет, когда более длительный срок не установлен законом. Представим ситуацию, если под земельным участком собственника, предназначенного по целевому назначению для ведения сельского хозяйства, проходит водопроводная сеть, трубы которой имеют высокую степень износа. Часто происходят прорывы водопроводных труб, что вызывает затопление земельного участка, с течением времени поросшего камышом. Обслуживающие водопровод организации систематически производят точечный ремонт мест прорыва, но это не решает проблему. Замена водопроводной сети предусмотрена нормативным правовым актом через пять лет. До этого времени собственник земельного участка лишен возможности использования его по целевому назначению, не может его обслуживать, обрабатывать и выращивать сельскохозяйственные культуры потому, что почва имеет высокую влажность. Государство в лице органов публичной власти полагает возможным выращивать на данном земельном участке рисовые культуры. Поэтому под обстоятельства, исключающие полное использование земельного участка, период наличия которых не входит в трехлетний срок, согласно ст. 284 ГК РФ, сложившаяся ситуация не подпадает. Но такой подход в значительной степени снижает свободу усмотрения собственника в реализации своих субъективных прав. С учетом содержания ст. 284 ГК РФ представляется, что государство может изъять земельный участок, который не используется по целевому

назначению. Это влечет конфликт частных и публичных интересов при отсутствии вины частного собственника, что исключает признание указанного порядка мерой ответственности.

Вместе с тем конфликт частных и публичных интересов может служить одной из причин законодательного урегулирования в виде закрепления ограничений вещных прав. Это наблюдается, если публичный интерес общества ущемляется в связи с действиями частного собственника недвижимого имущества и поэтому подлежит защите.

Ввиду указанного выше примера государство заинтересовано в том, чтобы стимулировать землепользователей к наиболее эффективному использованию земель сельскохозяйственного назначения и исключить такое пользование этими землями, которое причиняло бы вред плодородию почв и качеству земель. Неслучайно законодатель предусмотрел порядок принудительного изъятия земельного участка как одного из оснований прекращения права собственности, преследуя и такую цель, как предотвращение конфликта частного и публичного интереса, вызванного бесхозяйным отношением к использованию земельных участков сельскохозяйственного назначения. Приведенный подход относительно конфликта частных и публичных интересов может быть обозначен как «конфликт-причина». Если в случае «конфликта-следствия» баланс интересов практически не достижим, то ситуация «конфликта-причины» служит установлению баланса частных и публичных интересов. Существующие в законе ограничения права собственности, пределы его осуществления, запреты и иные механизмы, сдерживающие вседозволенность собственника недвижимого имущества, заранее известны собственнику до возникновения права собственности. Следовательно, в этом контексте они не приводят к конфликту интересов, а являются составной частью правового регулирования, призванного избежать конфликта интересов на практике.

С учетом вышеизложенного становится понятным, что перед юридической наукой стоит вопрос об определении способов выявления и устранения конфликта частных и публичных интересов на практике и в правовом регулировании, вызывающих дисбаланс этих интересов во взаимоотношениях между частным субъектом и государством, частным субъектом и

обществом. В качестве одного из таких способов предлагается обеспечение надлежащей экспертизы законопроектов, которая была бы направлена на совершенствование качества законов и установление баланса интересов на стадии правоприменения. Постановка вопроса о том, могут ли привести разрабатываемые проекты законов, совершенные с точки зрения юридической техники, к дисбалансу интересов различных социальных групп, закономерно повлечет минимизацию подобных конфликтов на практике. Строгая направленность законодательства на соотношение частных и публичных интересов таким образом, чтобы достичь определенного баланса между ними, выведет законодательный акт на качественно новый уровень. Если будет установлена вероятная высокая степень столкновения частных и публичных интересов, то такой законопроект или его отдельные положения должны быть признаны на уровне предварительной экспертизы неэффективными с точки зрения реализации социальной миссии права – обеспечения развития общества и общественных отношений во благо субъектов.

Однако такой подход на стадии создания законодательных инициатив не позволит избежать конфликтов частных и публичных интересов в полной мере. Значительная часть из них возникает в связи с действиями, волей и умыслом субъектов права.

Библиографический список

1. Виссаров А. В. Понятие конфликта интересов в праве и его особенности // Марийский юридический вестник. 2008. № 6. С. 20–24.

2. Дедов Д. И. Конфликт интересов в праве. М.: Волтерс Клувер, 2004. 272 с.

3. Карпычев М. В. Конфликт интересов: некоторые проблемы теории и практики гражданского права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18. С. 74–79.

4. Кудрявцев В. Н. Юридическая конфликтология. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. 316 с.

5. Кудрявцев В. Н. Юридический конфликт: сферы и механизмы. М.: Изд-во РАН, 1994. 172 с.

6. Кудюкин П. М. Конфликт интересов в системе государственной службы: сущность, пути выявления, предупреждения и разрешения // Противодействие коррупции:

разрешение конфликта интересов / под ред. М. Б. Горного, А. И. Волкова. СПб.: Норма, 2005. С. 123–129.

7. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 1997. 831 с.

8. Охотский Е. В. Понятие «конфликта интересов» в административном праве Российской Федерации // Управление: проблемы и перспективы. 2019. № 4 (53). С. 118–129.

9. Цирин А. М., Матулис С. Н. Понятие скрытой аффилированности и способы ее выявления // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 164–174.

УДК 347.1
ББК 67.404

Е. А. Ежова
аспирант кафедры гражданского права
Астраханского государственного университета,
судья Троицкого районного суда города Москвы
ezhovaea@bk.ru

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЧЕРЕЗ РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

PROTECTION OF HISTORICAL TRUTH IN RUSSIAN LAW THROUGH THE REALIZATION OF THE RIGHTS OF CHILDREN OF WAR

В статье утверждается, что вопрос об установлении статуса «дети войны» в российском законодательстве представляется чрезвычайно актуальным в аспекте защиты исторической правды, воспитания патриотизма и преемственности поколений. В качестве иллюстрации реализации прав детей войны автором рассмотрено право на образование, что может служить примером повышения эффективности будущих этапов образовательных реформ в контексте новых конституционных поправок. Для реализации конституционного права детей войны на образование предлагается закрепить в действующем законодательстве правовой статус «дети войны», наполнив его содержание определенной совокупностью льгот, позволяющих сделать для них образование доступным.

Ключевые слова: дети войны, защита права, историческая правда, гарантии прав и свобод, вооруженные конфликты, поправка в закон, льготы в праве.

The article argues that the issue of establishing the status of "children of war" in the Russian legislation seems extremely relevant in the aspect of protection of historical truth, upbringing of patriotism and continuity of generations. As an illustration of the realization of the rights of children of war the author considers the right to education, which can serve as an example of increasing the effectiveness of future stages of educational reforms in the context of new constitutional amendments. In order to implement the constitutional right of war children to education, it is proposed to fix in the current legislation the legal status of "war children", filling its content with a certain set of benefits to make education accessible to them.

Keywords: children of war, protection of the law, historical truth, guarantees of rights and freedoms, armed conflicts, amendment of the law, benefits in law.

Государственная политика большинства стран мира, в том числе Российской Федерации (РФ), основывается «на обеспечении прав и законных интересов несовершеннолетнего, непричинении ему вреда, создает условия для охраны и защиты этих прав»[1]. Понятие «ребенок» содержится в ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», согласно которому ребенок – это лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия).

Гарантии совокупности прав несовершеннолетних в целом содержатся в Конституции РФ. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 38 Основного Закона страны «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». Последними поправками, внесенными в Конституцию России в 2020 г., установлено, что «государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» (п. 4 ст. 67.1 Конституция РФ).

Далее на основе конституционных норм развивается система законодательства в целом. В частности, Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ), закрепив приоритет в воспитании детей за их родителями, установил, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка; при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию, а способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей (п. 1 ст. 63, п. 1 ст. 65 СК РФ). Обеспечение прав детей определяют Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон от 29 декабря 2010

[1] Защита прав детей // Генеральная прокуратура РФ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/protecting_children (дата обращения: 04.11.2020).

г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Указ Президента России от 13 апреля 2011 г. № 444 (в ред. от 29 июня 2013 г.) «О дополнительных мерах по обеспечению прав и защиты интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации» и многие другие нормативно-правовые акты.

Рассматривая проблему реализации прав ребенка в условиях военного времени и непосредственно при вооруженных конфликтах, которые, к сожалению, не прекращаются на территории ряда государств и регионов, следует констатировать, что дети и подростки являются одной из самых незащищенных и обездоленных категорий населения. Тем не менее, как пишет А. С. Жалобина, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. у многих детей сохранялась возможность развиваться в соответствии со своими потребностями и возрастными особенностями. В отношении них в доступной мере были обеспечены право на жилище, право на охрану жизни и здоровья (насколько это было возможным в военных условиях) и право на образование. Затрагиваемое с точки зрения реализации в условиях войны право на образование тем более видится интересным в условиях постоянного реформирования образования, наблюдающегося в последние десятилетия в нашей стране[1], подчас вызывающего недоумение и даже возмущение.

Исследуя объем реализации права на образование в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и первые послевоенные годы, А. С. Жалобина соглашается с Т. Н. Матюшиной в том, что «стабильность и преемственность развития законодательства об образовании позволяет решить следующие задачи: как сегодня, в полосе регулярных и не всегда оправданных, порой скачкообразных изменений нормативно-правового регулирования права на образование соблюсти ту пропорцию, то закономерное соотношение, которое позволит не навредить субъектам права, прежде всего, детям?»[2]. В системе

[1] *Жалобина А. С.*, *Матюшева Т. Н.* Дети войны: особенности реализации права на образование в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы // Евразийский научный журнал. 2016. № 10. С. 220.

[2] *Матюшева Т. Н.* Конституционные основы конкретизации статуса педагогического работника в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» // Современное право. 2015. № 4. С. 47.

народного просвещения на протяжении военного периода прослеживается закрепление в правовых актах РСФСР и СССР требования об идеологической пропаганде. В науке конституционного права в связи с изучением возможности реализации права на образование «обращено внимание и на обязанность по патриотическому воспитанию, поскольку в его осуществлении история как учебный предмет играет особую роль»[1]. С учетом этого поправки в Конституцию России о защите исторической правды (п. 3 ст. 67) видятся закономерными и оправданными, требуют своего раскрытия в законодательстве и применения на практике.

Итак, в более трагичный период жизни для нашей страны путем непрерывного образования и воспитания у детей формировалось мировосприятие общественного и государственного строя страны, которое, благодаря правильной политике в области образования, создало единый дух на пути к победе путем грамотной трансформации образования. Образование, несомненно, имеет «нормативную ориентацию деятельности по обеспечению условий реализации права на образование субъектами со специальным образовательно-правовым статусом в Российской Федерации, дает признание человека, его прав и свобод как высшей ценности, с одной стороны, и социального государства – с другой»[2]. Еще в период с 1941 по 1945 гг. опубликованы работы, ставившие задачи повышения качества образования, формирования советского патриотизма, любви к Родине и непримиримости к захватчикам и ее врагам, улучшения методики преподавания в различных политических условиях. В отечественной исторической науке того времени подробно освещены вопросы об усилиях руководства страны, направленных на восстановление и нормализацию работы школ, строительство новых зданий, транспортировку, снабжение нуждавшихся учеников и другие меры[3].

[1] *Канаев Н. М.* ЮНЕСКО и защита прав учителей // Вестник Академии права и управления. 2010. № 19. С. 133.

[2] *Матюшева Т. Н.* Обеспечение права на образование детей со специальным статусом – функция социального государства // Современное право. 2010. № 5. С. 49.

[3] *Кринко Е. Ф.* Детство военных лет (1941–1945): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25.

Данные усилия помогали реализовать право на образование как одно из важнейших направлений в деятельности государства, в том числе относительно реализации обязанности по осуществлению семилетнего всеобщего обязательного политехнического обучения. Так, М. Ю. Канаев пишет: «Появляется преемственность уровней образования (от начального до высшего), что является основанием для возможности учителя осуществлять регулярное предметное обучение. Вводится единый режим занятий, стандартные программы и учебники, что также позволяет учителю осуществлять более качественно функцию обучения и воспитания, реализовывать свой правовой статус»[1].

Становится очевидным, что, несмотря на все лишения и тяготы в 1941–1945 гг., дети, которых война фактически лишила детства, стремились к знаниям. Благодаря полученным знаниям, они очень плодотворно потрудились впоследствии на благо Родины. Логично в связи с этим установить, что тяготы войны детям, ставшим ее жертвами, должны быть оценены государством и частично компенсированы.

Однако нельзя не отметить, что сегодня отсутствуют нормативно-правовые основания на федеральном уровне для выплат лицам, родившимся с 1928 по 1945 г. и не входящим в какую-либо льготную категорию. Законодательная инициатива 2014 г., определяющая статус «дети войны», остановилась на стадии законопроекта. Иными словами, действующее федеральное законодательство не определяет данный вопрос, а указанный статус не является общераспространенным. При этом законопроект не отклонен, а находится на рассмотрении, что позволяет использовать его положения в качестве теоретической базы для более детального исследования проблематики.

Значима и роль того факта, что в ряде российских регионов уже действуют специальные программы по поддержке граждан, чье детство пришлось на военный период. Тем самым становится понятным, что статус «дети войны» имеет законодательное закрепление в ряде региональных нормативных актов. Соответствующий статус присваивается лишь в некоторых регионах на основании местных нормативных актов.

[1] *Канаев Н. М.* Указ. соч. С. 135.

Сегодня вопросы только обсуждаются на федеральном уровне. В ряде регионов власти уже озаботились предоставить гражданам некоторые дополнительные социальные льготы. Это более чем полтора десятка субъектов РФ, среди которых Иркутская, Вологодская, Амурская, Псковская и Тверская области, где назначена прибавка к пенсионным ежемесячным выплатам людям, родившимся в период с 1941 по 1945 г. При этом объем льгот, предоставляемых пожилым гражданам, различается в субъектах РФ[1] Перечень льгот для региональных льготников разнится в зависимости от проживания в том или ином субъекте РФ. Изменения подразумевали введение дополнительных финансовых вливаний и распространение льгот. Кроме финансовых доплат к пенсионному обеспечению на региональном уровне, существует ряд социальных послаблений, которые предлагаются «детям войны». К ним относятся:

- единовременная выплата как прибавка к пенсии;
- льготы по коммунальным выплатам;
- повышение ежемесячных пенсионных выплат;
- увеличение количества дополнительных социальных услуг.

В числе наиболее распространенных льгот, принятых в ряде регионов, находятся следующие:

- единовременная выплата социальной помощи (до тысячи рублей);
- льготный проезд в общественном транспорте;
- льготы в учреждениях, отвечающих за здравоохранение.

Жителям остальных регионов, в том числе Москвы и Санкт-Петербурга, которые до сих пор не приняли собственное решение о поддержке рассматриваемой в настоящей статье категории граждан, остается лишь ожидать законодательных документов, принимаемых на федеральном уровне. Следует указать, что относительно детей спецпереселенцев, которые являлись гражданами нашей страны, но были насильственно перемещены из мест постоянного проживания, в основном по национальному признаку, может быть установлен статус «жертва политических репрессий».

Таким образом, для реализации конституционных прав на историческую правду, патриотическое воспитание детей, необходимо принять ряд нормативно-правовых актов по

[1] *Жалобина А. С.*, *Матюшева Т. Н.* Указ. соч. С. 221.

признанию статуса «дети войны», дополнив ими действующее законодательство. Считаем возможным предоставление налоговых льгот, например, по уплате земельного налога, относящегося к муниципальным налогам.

Библиографический список

1. Жалобина А. С., Матюшева Т. Н. Дети войны: особенности реализации права на образование в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы // Евразийский научный журнал. 2016. № 10. С. 220–222.

2. Канаев Н. М. ЮНЕСКО и защита прав учителей // Вестник Академии права и управления. 2010. № 19. С. 133–138.

3. Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.

4. Матюшева Т. Н. Конституционные основы конкретизации статуса педагогического работника в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» // Современное право. 2015. № 4. С. 47–52.

5. Матюшева Т. Н. Обеспечение права на образование детей со специальным статусом – функция социального государства // Современное право. 2010. № 5. С. 49–53.

УДК: 347.1
ББК 67.404.0

А. В. Куликов
адвокат
pusk999@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУБОРДИНИРОВАННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

LEGAL REGULATION OF SUBORDINATED INSTRUMENTS IN BANKING

В статье дана общая характеристика норм, регулирующих субординированные инструменты, применяющиеся в банковской деятельности. Автором определены предмет и метод правового регулирования субординированного финансирования, место соответствующего регулирования в системе норм гражданского права, проведено сравнение с выработанным судебной практикой понятием субординации требований кредиторов. В результате проведенного исследования автор заключает, что регулирование субординированных инструментов, основанное на традиционных гражданско-правовых институтах (среди них – заём, кредит, депозит), обладает значительной спецификой и занимает особое место в системе правового регулирования. Сделан вывод о необходимости совершенствования гражданского законодательства, устанавливающего очередность удовлетворения требований кредиторов, с точки зрения введения общегражданского определения субординированного финансирования и субординированных требований.

Ключевые слова: субординированный инструмент, банковская деятельность, очередность погашения требований, оздоровление банковской системы, заём, кредит, санация банка.

The article presents a basic characteristic of the norms which regulate subordinated instruments that are used in banking activities. The author determines the subject and method of legal regulation of subordinated financing, the place of the relevant regulation in the system of civil law, a comparison with the notion of subordination of creditors' claims developed by judicial practice. As a result of the study the author concludes that the regulation of subordinated instruments, based on traditional civil law institutions (among them - loan, credit, deposit), has a significant specificity and takes a special place in the system of legal regulation. It is concluded that the civil legislation establishing the order of priority of creditors' claims should be improved in terms of introducing a general civil definition of subordinated financing and subordinated claims.

Keywords: subordinated instrument, banking, priority of claims, banking system rehabilitation, loan, credit, bank rehabilitation.

В системе многообразных форм инвестирования особое место занимают субординированные инструменты, выступающие еще и во втором качестве, то есть как средство поддержания финансовой устойчивости кредитных организаций. В настоящей статье попытаемся определить место норм, регулирующих субординированное финансирование, в системе правового регулирования и показать специфику метода правового регулирования субординированного финансирования.

Полагаем возможным в начале нашего исследования ввести термин «договор о предоставлении субординированного финансирования», с помощью которого обобщим договорные формы субординированных инструментов, указанные в ст. 25.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках), в частности субординированные кредит, заём, депозит[1]. В первую очередь определим круг общественных отношений, который подлежит опосредованию через соответствующие правовые конструкции, и предложим телеологический взгляд на специфику правового регулирования.

Термин «субординированный» означает «подчиненный», «зависимый», «второстепенный». Главной характеристикой соответствующего предмета правового регулирования будет то обстоятельство, что отношения сторон в связи с субординированным финансированием предполагают возможность возврата этого финансирования только после удовлетворения ординарных несубординированных кредиторов. Вместе с тем определение очередности удовлетворения тех или иных кредиторов имеет практический смысл лишь в ситуации недостаточности имущества должника, поскольку в обратном случае, при положительном значении чистых активов субъекта экономической деятельности, необходимо исходить из достаточности имущества должника для погашения требований всех кредиторов. Следовательно, в общем виде относительно исследуемого предмета следует говорить о том, что нормы о

[1] О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 12.11.2021).

предоставлении субординированного финансирования прежде всего опосредуют общественные отношения, связанные с удовлетворением требований кредиторов в ситуации недостаточности имущества организации, то есть при банкротстве кредитной организации либо в ситуации имущественного кризиса в кредитной организации.

Анализируя главный источник норм гражданского права – Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), невозможно не обратить внимание на ст. 64 ГК РФ, которой введены правила погашения требований кредиторов, ликвидируемого юридического лица, посредством установления очередности удовлетворения требований. Предполагаем, что идея законодателя могла состоять в том, чтобы ввести некие базовые принципы удовлетворения требований кредиторов, что подразумевало бы включение в указанную норму закона и определения правового положения субординированных кредиторов. Однако в действительности, на наш взгляд, статья получилась крайне неудачной, и не только потому, что «молчит» относительно субординированных кредиторов, но и по причине недостаточно качественной юридической техники, наличия внутреннего противоречия, которое состоит в следующем.

Очевидным становится, что если имущества у ликвидируемого юридического лица недостаточно для удовлетворения требований всех кредиторов, то есть при наличии признака недостаточности имущества, ликвидатор или ликвидационная комиссия обращаются с заявлением о признании лица несостоятельным. Соответственно, распределение имущества ликвидируемого лица в условиях недостаточности имущества будет производиться в соответствии с правилами законодательства о несостоятельности (вводящего иную очередность удовлетворения требований кредиторов, нежели ст. 64 ГК РФ). Единственная ситуация, при которой процедура банкротства не будет введена, возможна, если имущества лица недостаточно даже для финансирования процедуры банкротства и соответствующих судебных расходов, что означает полное отсутствие имущества у должника, тем более для удовлетворении очередей кредиторов, что делает бессмысленным определение порядка их удовлетворения.

Из этого следует, что ст. 64 ГК РФ относится в большей степени не к созданию универсальных правовых норм с точки зрения принципов удовлетворения требований тех или иных

кредиторов при недостаточности имущества, а скорее, представляет собой наставление или инструкцию ликвидатору, в буквальном смысле хронологически определяющую последовательность его действий по распределению имущества ликвидируемого должника. Как нам представляется, устанавливаемые очередности удовлетворения требований должны означать не хронологическую последовательность действий ликвидатора или конкурсного управляющего, а базовые принципы распределения имущества несостоятельного должника между кредиторами. С этой задачей ст. 64 ГК РФ в текущей ее редакции не справляется, вынуждая суды не только восполнять пробелы соответствующего правового регулирования, но и в какой-то степени заниматься нормотворчеством.

В настоящее время активно развиваются судебная практика и прикладные исследования относительно судебного субординирования требований аффилированных кредиторов некредитных организаций. Соответственно, актуальность исследуемой проблематики позволяет предлагать через модификацию ст. 64 ГК РФ вводить универсальное гражданско-правовое понимание субординированных требований, прямо корреспондирующее принципам распределения удовлетворения при недостаточности имущества хозяйствующего субъекта на основе очередей кредиторов. Таким регулированием целесообразно охватить как сугубо банковский инструментарий, так и общехозяйственные отношения. По сути, введение общегражданской категории «субординированное финансирование» позволило бы судам через позитивные правовые конструкции квалифицировать иной заём в качестве притворной сделки, прикрывающей субординированное финансирование, и применять к такому финансированию правила, установленные законом.

Вместе с тем выработанные к настоящему моменту категории, раскрывающие общегражданскую субординацию, безусловно, полезны, поскольку создают фундамент и для банковских субординированных инструментов ввиду совпадения в значительной степени предмета (в одном случае законодательного регулирования, в другом – судебного и доктринального исследования). В этом контексте банковское субординированное финансирование означает введение очереди требований кредиторов, пониженной по сравнению с очередью, в которой удовлетворяются требования лиц, предоставивших

несубординированное финансирование. Данный принцип находит воплощение в ст. 25.1 Закона о банках, седьмой абзац которой предписывает включение положения об удовлетворении требований субординированного кредитора после требований ординарных кредиторов.

Имплементация этой нормы обнаружена и в законодательстве о банкротстве банков: согласно ст. 189.95 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»[1] требования кредиторов по субординированным кредитам (депозитам, займам, облигационным займам), а также по финансовым санкциям за неисполнение обязательств по субординированным кредитам (депозитам, займам, облигационным займам) удовлетворяются после удовлетворения требований всех иных кредиторов. Давая характеристику соответствующим общественным отношениям, составляющим исследуемый предмет правового регулирования, следует остановиться и на субъектах этих отношений. Действующее законодательство предусматривает прямое регулирование субординированного финансирования лишь для кредитных организаций. Именно для отношений между кредитной организацией и субординированным инвестором законодатель предусмотрел набор правовых фактов, с высокой степенью четкости определяющих момент возникновения правоотношений в рамках субординированного финансирования и правовые последствия, которые стороны несут в результате реализации соответствующих прав и обязанностей.

Итак, основными субъектами соответствующего круга общественных отношений выступают кредитная организация в качестве заёмщика и инвестор в качестве кредитора. Вместе с тем значительную специфику указанным отношениям придает наличие третьего участника в лице регулятора отрасли.

В соответствии с п. 2.3.4.1 Положения Банка России № 646-П от 4 июля 2018 г. «О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций (“Базель III”)»[2]

[1] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 12.11.2021).

[2] О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III»): положение Банка России от 4 июля 2018 г. № 646-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL:

подтверждение со стороны регулятора соответствия субординированного финансирования установленным в законе условиям служит основанием для его включения в состав источников добавочного капитала банка. Несмотря на кажущиеся локальность приведенного положения и его влияние лишь на отражение в учете тех или иных обязательств кредитной организации, в действительности Банк России наделяется широкими полномочиями по определению правовой судьбы субординированного инструмента и, следовательно, по определению гражданско-правовых последствий, вытекающих из соответствующего обязательства. В частности, без согласования с Банком России невозможны досрочное исполнение обязательства по возврату финансирования либо его части, досрочное погашение процентов за пользование финансированием, а также возврат финансирования, если оно предоставлено без указания на срок возврата, расторжение договора о предоставлении финансирования.

Тем самым становится понятным, что регулятор, будучи публично-правовым субъектом, проникает глубоко в горизонтальные гражданско-правовые отношения сторон соглашения о предоставлении субординированного финансирования. По характеру это проникновение можно отчасти определить как гражданско-правовое, применив аналогию закона – п. 2 ст. 430 ГК РФ, согласно которой, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, **с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица**. С этой позиции можно утверждать, что регулятор принимает на себя роль субъекта, в пользу которого стороны предусмотрели право давать согласие на ряд действий в рамках исполнения договора субординированного финансирования и которое выражает намерение воспользоваться своим правом в виде согласования субординированного договора. Ввиду такой точки зрения договор приобретает характер субординированного именно с момента выражения согласия Банком России.

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_306920/ (дата обращения: 12.11.2021).

Вместе с тем гражданско-правовые отношения предполагают защиту нарушенных интересов посредством гражданско-правовых инструментов, например, посредством взыскания убытков. В случае применения субординированных инструментов нарушение сторонами тех или иных условий договора, на которые дал согласие регулятор, неизбежно повлечет за собой применение мер публичного характера к кредитной организации. Поэтому целесообразно учитывать двойную природу участия Банка России в субординированных отношениях.

В связи с этим актуален и вопрос о методе правового регулирования отношений по предоставлению субординированного финансирования. Однако перед рассмотрением поставленного вопроса нельзя не обратить внимание на цели субординированного финансирования как фактор, подчиняющий себе характер правового регулирования. Основным законодательным актом в области субординированного финансирования является Закон о банках. В частности, ст. 25.1 указанного закона содержит ключевые понятия и правила, которым подчиняется субординированное финансирование, и помещена в главу III Закона о банках, посвященную обеспечению стабильности банковской системы, защите прав и интересов вкладчиков и кредиторов кредитной организации. Субординированное финансирование главную свою функцию выполняет в условиях недостаточности имущества кредитной организации, отдавая приоритет в удовлетворении требований другим кредиторам.

В рассматриваемом случае наблюдаются как схожие черты, так и особенности по сравнению с выработанным судебной практикой пониманием субординированного финансирования некредитных организаций. Согласно п. 3.1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним, утвержденного Президиумом Верховного суда РФ 29 января 2020 г., контролирующее лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования (далее – компенсационное финансирование), в частности с использованием конструкции договора займа, то есть избравшее модель поведения, отличную

от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования в случае объективного банкротства. Требования такого кредитора подлежат удовлетворению в порядке пониженной очередности, то есть субординируются.

В обоих случаях, как следует из вышеизложенного, субординированное финансирование напрямую служит цели преодоления имущественного кризиса в банковской или небанковской кредитной организации и возвращению должника к хозяйственной деятельности. Однако наблюдаются и существенные особенности банковского субординированного финансирования. Во-первых, субординированное финансирование банк получает не обязательно в созревшем состоянии имущественного кризиса. Такое финансирование находит отражение в процессе регулярной деятельности банка, выступая в качестве инструмента инвестирования, предполагающего, как правило, для инвестора повышенную доходность в обмен на принятие повышенных рисков. Лишь при наступлении имущественного кризиса раскрываются субординированные свойства такого финансирования. Во-вторых, круг субъектов соответствующих отношений на стороне кредитора различается: в случае с банками кредиторами выступают не только контролирующие банк лица. В-третьих, различаются и правовые последствия, которые несут стороны. Так, при банковском субординированном финансировании может проявляться не только понижение очередности в удовлетворении требований, но и отказ банка от исполнения субординированного займа. На практике эти два механизма схожи с точки зрения экономических последствий для кредитора, поскольку, скорее всего, пониженный кредитор ничего не получит из процедуры банкротства. Но с точки зрения права эти механизмы отличаются друг от друга, поскольку в одном случае предполагается прекращение заёмных обязательств без их надлежащего исполнения, способом, который является дополнительным по отношению к ГК РФ, а в другом – заёмные обязательства сохраняются, лишь уточняются правила их погашения в рамках процедуры банкротства.

Таким образом, в качестве цели субординированного финансирования можно обозначить создание условий для преодоления имущественного кризиса в кредитной организации

в случае его возникновения. Соответственно, данная цель подчиняет себе метод правового регулирования. Как указано в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 16 августа 2016 г. № 305-ЭС16-4051 по делу № А40-117039/2015, финансовая деятельность, связанная с реализацией мер по финансовому оздоровлению банков, является государственной функцией, **имеющей публичный характер,** а также экономическую и социальную направленность. В постановлениях Конституционного суда РФ от 22 июля 2002 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона "О реструктуризации кредитных организаций", пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации "Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков" и жалобой открытого акционерного общества "Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств"», от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» также сформирована правовая позиция, согласно которой процедуры банкротства **носят публично-правовой характер.**

Следовательно, функция субординированного финансирования служит достижению публичных целей, но остается открытым вопрос о том, в какой степени цель предопределяет метод. Действительно, если обратить внимание на конструкцию ст. 25.1 Закона о банках, можно обнаружить, что субординированное финансирование опосредуется с помощью, казалось бы, диспозитивных инструментов: договоров займа, кредита, депозита. При этом абзац 22 предписывает применение к договорам субординированного финансирования правил гражданского законодательства о займе, кредите, банковском вкладе, дарении с учетом особенностей, установленных законом о банках. Указанная выше статья определяет, что субординированным признают финансирование, отвечающее ряду обязательных условий, которые стороны должны зафиксировать в соглашении. Перечислим эти условия в порядке убывающей важности, по нашему мнению: понижение очередности удовлетворения требований субординированного кредитора, запрет без согласия Банка России на досрочное исполнение дебитором своих обязательств, запрет без согласия

Банка России на изменение или расторжение договора, срок не менее пяти лет, рыночность условий. Если такие условия включены в соглашение сторон, то договор, как указывает законодатель, признается субординированным. Неизбежно возникает вопрос, на который законодатель не дает ответа, относительно правовых последствий невключения одного из условий в текст договора. Например, если срок, на который предоставляется финансирование, определен не в пять лет, а в три года, следует ли говорить о том, что такой договор не является субординированным?

Как нам кажется, частично на этот вопрос отвечает судебная практика по небанковским кредитным организациям. В определении Верховного суда РФ № 304-ЭС18-14031 от 4 февраля 2019 г. высшая судебная инстанция дала оценку правомерности установления очередности удовлетворения требований кредиторов на основе достигнутой между ними до банкротства должника договоренности. Приведенный пример говорит о том, что договоренность о субординации требований может носить диспозитивный характер, защищаемый публично-правовыми средствами, то есть путем включения требований субординированного на основе соглашения кредитора в реестр требований кредиторов с пониженной очередностью и распределения конкурсным управляющим конкурсной массы соответствующим образом. Этот механизм защиты права, предписывающий определенные действия конкурсному управляющему, не являющемуся стороной соглашения и выполняющему публичную функцию, на наш взгляд, заметно отличается от классической защиты от нарушения другой стороной договора в виде взыскания убытков.

В рассматриваемом случае можно наблюдать трансформацию относительных договорных правоотношений в абсолютные, с неограниченным количеством субъектов – ординарных кредиторов должника, чей интерес на понижение субординированного кредитора будет подлежать защите через публично-правовые механизмы. Отвечая на поставленный вопрос, мы должны констатировать, что финансирование по договору, уходящему в каких-то деталях от требований ст. 25.1 Закона о банках, будет также являться субординированным относительно того, что будет понижаться с точки зрения очередности удовлетворения требований, но не будет являться субординированным в контексте ст. 25.1 Закона о банках.

Возникает вопрос о том, в чем может быть интерес той или иной стороны договора соблюсти все условия ст. 25.1 Закона о банках и поставить себя под еще более жесткое регулирование. Ответ, хотя и не раскрывается законодателем, но состоит в том, что государство официально признает такое финансирование способствующим стабилизации финансовой устойчивости кредитной организации и на этом основании предоставляет определенную льготу с точки зрения соблюдения требований по поддержанию показателей капитала на определенном уровне. Так, согласно п. 2.3.4.1 Положения Банка России № 646-П от 4 июля 2018 г. «О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций (“Базель III”)», субординированный кредит (депозит, заём, облигационный заём) **подлежит включению банком в состав источников добавочного капитала.** Указанное обстоятельство возникает с той даты, в которую регулятор в лице Банка России найдет возможным подтвердить соответствие конкретного займа изложенным в законе требованиям.

Итак, нами определено, что на стадии заключения договора стороны используют диспозитивный метод относительно вступления в соответствующие отношения, и при этом они должны исходить из того, что их отношения сразу переходят в публичную плоскость, давая не только регулятору, но и любому кредитору право требовать исполнения соглашения о предоставлении субординированного финансирования. В процессе дальнейшего анализа ст. 25.1 Закона о банках наблюдается прямое императивное регулирование существенных аспектов взаимоотношений должника и кредитора.

В частности, указанная норма предусматривает, что при падении показателя норматива достаточности капитала банка ниже определенного уровня либо в случае применения мер по предупреждению банкротства банка обязательства последнего по возврату субординированного финансирования считаются прекращенными. Причем обязательства могут быть прекращены и частично, то есть в объеме, необходимом для достижения нормальных значений нормативов достаточности капитала. Невыплаченные проценты по такому финансированию не возмещаются и не накапливаются.

Приведенная норма, следовательно, имеет предписывающий характер и не может быть изменена соглашением сторон. Более того, данное положение применяется

к отношениям сторон независимо от его включения в условия соглашения о предоставлении субординированного финансирования, что обнаруживает некую непоследовательность законодателя в определении: одни условия, несущие меньше потенциальных негативных последствий для сторон, подлежат фиксации в договоре, другие, более значимые положения – не подлежат. Вероятно, объяснение лежит в плоскости более позднего внесения законодателем соответствующего положения в текст комментируемой статьи, на этапе, когда законодатель однозначно определился с императивным характером соответствующего регулирования. С этой позиции показательным является определение Верховного суда РФ от 28 ноября 2016 г. № 307-ЭС-15367, в котором Верховный суд РФ, по сути, признал публичный характер соответствующего регулирования, причем сделал это в весьма не бесспорной манере.

В отношении АКБ «Таврический» Банком России был утвержден план участия государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» в осуществлении мер по предупреждению банкротства банка, которым предусмотрено прекращение обязательств банка перед заёмщиком по субординированному займу. Следуя плану финансового оздоровления, временная администрация банка отказалась от возврата субординированного займа перед кредиторам. Кредитор обратился в суд с требованием о признании соответствующего отказа недействительным, ссылаясь на то, что **договором субординированного займа такой возможности не предусмотрено**. Суды всех инстанций отказали кредитору в защите, указав, что редакции закона о банках и закона о несостоятельности претерпели изменения (к моменту введения процедуры финансового оздоровления), причем закону о несостоятельности частично придана обратная сила. В связи с этим временная администрация действовала законно в интересах всех кредиторов.

Отметим, однако, что договором о предоставлении субординированного финансирования в данном случае не предусмотрено право должника на отказ от исполнения соответствующего договора. Соответствующему положению в новой редакции Закона о банках законодателем не придана обратная сила, а закон о несостоятельности, получивший обратную силу, предусматривал лишь следующую формулировку: «финансовая помощь может быть предоставлена при

прекращении обязательств банка по договорам субординированного финансирования».

Тем самым Верховный суд РФ дал толкование соответствующим нормам, по сути, указав, что содержание договора субординированного займа имеет второстепенное значение по отношению к общественному интересу, который состоит в защите в первую очередь прав вкладчиков и ординарных кредиторов кредитной организации. Исходя из изложенного, полагаем, что Верховный суд РФ в своем истолковании однозначно утверждает, что императивная составляющая в данной категории правоотношений доминирует над диспозитивной.

В рамках настоящей статьи нами не предусмотрен анализ содержания договора о предоставлении субординированного финансирования. Но обратим внимание на то, что императивное положение о прекращении обязательств по возврату субординированного финансирования делает не вполне ясным механизм понижения очередности такого финансирования в рамках процедуры несостоятельности. Если обязательства по возврату займа прекратились при снижении нормативов достаточности, то требования, которые можно было бы предъявить должнику, у кредитора отсутствуют. Представить ситуацию, при которой банк перешел в процедуру банкротства, а нормативы достаточности капитала не снизились, у нас не получается.

Таким образом, по итогам нашего исследования необходимо сделать два вывода. Первый состоит в том, что правовое регулирование субординированного финансирования (как банковского, так и небанковского) обладает значительным своеобразием и заслуживает признания в качестве самостоятельного института гражданского права, пусть и выполняющего публичную функцию. Сущность второго вывода сводится к утверждению о необходимости совершенствования законодательного регулирования вопросов очередности удовлетворения требований кредиторов, в частности введения в ГК РФ положений, прямо регулирующих субординированное финансирование, как в банковской, так и в общехозяйственной сфере.

УДК 347.44
ББК 67.404.021

В. А. Сапега
заместитель председателя Нижегородского областного суда, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, прикрепленный к кафедре гражданского и предпринимательского права юридического факультета Ульяновского государственного университета
Vamorozov21@mail.ru

С. Г. Яшнова
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Ульяновского государственного университета, кандидат юридических наук
yashnovasveta@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ[1]

ON THE CONCEPT OF A VEHICLE IN RUSSIAN LEGISLATION

В статье выявлены главные юридически значимые признаки транспортных средств, на основании которых дано определение универсального понятия «транспортное средство». Сделан вывод о необходимости оговорки о том, что относительно отдельных правовых институтов и отраслей права законодательством круг транспортных средств ограничен. Сформулировано авторское определение транспортных средств применительно к общественным отношениям по перевозке. Доказано, что порожний вагон, используемый в перевозочном процессе, является транспортным средством. Автор предлагает услуги, связанные с перевозкой порожнего вагона, считать транспортно-экспедиционными. На основе анализа действующего законодательства выявлена проблема квалификации судами лиц, управляющих электросамокатами, гироскутерами и моноколесами, в качестве пешеходов, что создает трудности при оценке общественных отношений, связанных с причинением вреда. Предлагается в Правилах дорожного

[1] Статья написана в раздельном соавторстве: часть 1 «Понятие транспортных средств» – автор В. А. Сапега; часть 2 «Проблема отнесения электрических средств индивидуальной мобильности к транспортным средствам» – автор С. Г. Яшнова.

движения приравнять данные электрические транспортные средства малой мощности к мопедам.

Ключевые слова: транспортное средство, порожний вагон, электросамокат, причинение вреда, пешеход, средства индивидуальной мобильности, транспортная экспедиция.

The article identifies the main legally significant features of vehicles, on the basis of which the universal concept of "vehicle" is defined. The conclusion is made about the necessity of the stipulation that in relation to certain legal institutions and branches of law the legislation limits the range of vehicles. The author has formulated the definition of vehicles in relation to social relations in the transport. It is proved that the empty wagon used in the transportation process is a means of transport. The author proposes to consider the services connected with empty wagon transportation as freight forwarding services. On the basis of analysis of the current legislation the problem of qualification by courts of persons operating electric scooters, gyroscooters and monocars as pedestrians has been revealed, which creates difficulties in assessment of social relations, related to infliction of harm. It is proposed to equate these low-power electric vehicles with mopeds in the Road Traffic Rules.

Keywords: vehicle, empty wagon, electric scooter, injury, pedestrian, personal mobility aids, transport forwarding.

Часть 1. Понятие транспортного средства

Понятие «транспортное средство» часто используется в действующем законодательстве. Например, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) оно упоминается в ст. 130, 257, 607, 625, 632, 633–649, 787, 790–795, 798, 927, 931, 935, 1079, 1081, 1085, 1092, 1259, и 1359. Между тем на вопрос о том, что является транспортным средством, в науке гражданского права однозначного ответа не находим. Более того, действующее отраслевое законодательство не содержит единого понятия транспортного средства[1].

Очевидным становится, что транспортное средство – это техническое устройство, предназначенное для перевозки людей, грузов, багажа, грузобагажа или оборудования, установленного на нем[2]. Поэтому лошадь нельзя отнести к транспортному

[1] *Бажина М. А.* Понятие «транспортное средство» в транспортном праве // Транспортное право. 2017. № 1. С. 10.

[2] О правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 // Российские вести. 1993. 23 ноября; Об обязательном страховании ответственности владельцев транспортных средств:

средству, а гужевую повозку – можно. В данном случае животные применяются для приведения в движение транспортного средства (повозки). Ю. В. Романец пишет: «Особым предметом обязательства может быть лишь такое транспортное средство, которое является сложным техническим устройством и источником повышенной опасности…»[1]. Приведенное определение включает в себя множество различных технически сложных механизмов, которые, согласно действующему законодательству, либо не являются транспортным средством, либо не во всех случаях являются таковыми. Так, порожний грузовой вагон и электросамокат считают средствами повышенной опасности, но существуют проблемы, связанные с отнесением их к транспортным средствам. В настоящей статье рассмотрим проблемы, связанные с возможностью отнесения указанных устройств к транспортным средствам.

Прежде всего отметим, что в юридической литературе, как гражданско-правовой, так и уголовно-правовой направленности, неоднократно исследователи предлагали закрепить унифицированное понятие транспортного средства[2]. Однако сделать это непросто, поскольку в гражданском законодательстве в рамках различных правовых институтов содержатся различные определения транспортных средств. В ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» под транспортным средством понимается устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем. Со ссылкой на эту статью Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ в своем определении от 22 января 2020 г. № 305-ЭС19-18126 по делу № А40-69304/2019 указала, что поврежденный вагон не может быть отнесен по смыслу данного закона к транспортному средству и что применить к складывающимся отношениям закон

федер. закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 18. Ст. 1720.

[1] *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России. М.: Юристъ, 2001. С. 230.

[2] См., например: *Проценко С. В.* О транспортном средстве как источнике повышенной опасности в российском уголовном законодательстве // Российский следователь. 2009. № 23. С. 19.

об ОСАГО не представляется возможным[1]. Речь идет о том, что вагон движется только по железной дороге, а к езде по обычным дорогам не приспособлен.

Даже в контексте только Гражданского кодекса РФ понятие «транспортное средство» трактуется по-разному. Так, Е. В. Вавилин применительно к арендным отношениям под транспортным средством понимает «техническое устройство, способное к самостоятельному, без посторонней тяги, движению в пространстве (самоходное), с целью перевозки (перемещения) физических лиц и (или) материальных объектов. Не относятся к транспортным средствам почтовые голуби, “гужевой транспорт”, “вьючный транспорт”, “трубопроводный транспорт” и др.»[2]. Можно продолжить этот ряд, включив в него грузовой вагон. Действительно, это – обоснованная точка зрения. Аренда транспортных средств с экипажем и без него возможна лишь в отношении управляемого транспортного средства. Либо экипаж, либо арендатор управляет транспортным средством. Поэтому порожний вагон в данном случае не может рассматриваться в качестве указанного средства.

В аспекте главы 40 ГК РФ «Перевозка» порожний грузовой вагон, напротив, является транспортным средством[3]. Это следует, например, из контекста ст. 791 ГК РФ, согласно которой перевозчик обязан подать в соответствии с заявкой грузоотправителя исправные транспортные средства под погрузку. Очевидно, что подают именно вагоны. Свойство управляемости при этом не имеет значения, а значит, во всех случаях, если речь идет о перевозочных отношениях, порожний грузовой вагон следует рассматривать как транспортное средство. Даже в рамках института договора аренды транспортных средств в одном случае автомобиль рассматривается как транспортное средство, если речь идет о его

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 22 января 2020 г. № 305-ЭС19-18126 по делу № А40-69304/2019.

[2] См. об этом подробнее: *Вавилин Е. В.* Аренда транспортных средств. Правовые аспекты. М.: Альфа-Пресс, 2005. С. 30–36.

[3] *Федотова Д. С.* Договорное регулирование совместной деятельности исполнителей транспортных услуг по перевозке пассажиров и багажа: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. С. 35.

аренде без оказания услуг экипажем, а в другом случае, если требуется профессиональный экипаж, – не рассматривается[1].

На основании изложенного выделим главные признаки транспортного средства, значимые для гражданского права. К первому признаку транспортного средства следует отнести его *сложное техническое устройство*.

Обратим внимание на то, что при классификации транспортных средств значимо деление вещей на движимые и недвижимые, поскольку одни из числа таких сложных технических устройств могут передвигаться в пространстве, а другие – не способны. В законодательстве[2] и научной литературе выделяют трубопроводный вид транспорта[3]. Т. Н. Иванова, например, понимает под ним «совокупность объектов, обслуживающих трубопроводный транспорт, и непосредственно трубопроводов, обеспечивающих транспортировку определенного товара через трубопровод»[4]. Транспортные средства, способные передвигаться в пространстве, задействованы в процессе перевозки, а неспособные – пригодны для транспортировки. Д. С. Федотова верно утверждает, что транспортный процесс включает в себя две составляющих: «процесс перевозки» и «процесс транспортировки»[5]. Перевозка отличается от транспортировки. Оба вида транспортных средств характеризуются *способностью*

[1] *Витрянский В. В.* Договор аренды и его виды: прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и предприятий, лизинг. М.: Статут, 1999. С. 160.

[2] См., например: Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16; О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 32 (ч. 1). Ст. 5082.

[3] *Алиев Э. А.* Международный трубопроводный транспорт: правовые аспекты // Международное публичное и частное право. 2013. № 6. С. 19; *Салиева Р. Н.* Институт саморегулирования как правовое средство стимулирования развития самоорганизации в сфере предпринимательства в топливно-энергетическом комплексе современной России // Конкурентное право. 2019. № 4. С. 16; *Ботвинкин Е. Б., Альшевский М. Ю.* Актуальные аспекты прокурорского надзора за соблюдением требований промышленной и экологической безопасности при эксплуатации трубопроводного транспорта в ХМАО // Прокурор. 2016. № 3. С. 36.

[4] *Иванова Т. Н.* Трубопроводный транспорт России: понятие и источники правового регулирования // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 66.

[5] *Федотова Д. С.* Указ. соч. С. 29.

перемещать материальные объекты в пространстве[1] посредством источников энергии, которые могут быть как внутренними, так и внешними[2]. Однако они различаются способом перемещения.

Необходимо отличать деление транспортных средств на движимые и недвижимые от другого их деления – на самоходные и несамоходные. Под самоходными устройствами понимаются такие транспортные средства, которые способны самостоятельно перемещаться в пространстве без посторонней тяги либо толкания. Несамоходное транспортное средство также способно к перемещению, но с приложением внешней силы (например, локомотива, лошади). В этой связи представляется неточным высказывание Д. С. Федотовой о том, что признаком отграничения перевозки от транспортировки является применение либо неприменение самоходных транспортных средств[3]. Целесообразнее вести речь о применении движимых либо недвижимых транспортных средств. Ряд нормативно-правовых актов дают определения либо используют понятие несамоходных транспортных средств[4]. Деление транспортных средств на самоходные и не самоходные имеет юридическое значение для возможности или невозможности применения норм

[1] Деятельность по территориальному перемещению грузов и людей В. А. Егиазаров обоснованно называет продукцией транспорта. См.: *Егиазаров В. А.* Транспортное право: учебник. М.: Юстицинформ, 2004. С. 5.

[2] Можно различать энергию животного или человека, химическую, световую, биологическую, электрическую, электромагнитную, атомную, термоядерную, механическую, магнитную и тепловую виды энергии.

[3] *Федотова Д. С.* Указ. соч. С. 41.

[4] См., например: Об утверждении регламента организации осуществления профилактики пожаров на стационарных объектах и железнодорожном подвижном составе ОАО «РЖД»: распоряжение ОАО РЖД от 31 декабря 2014 г. № 3248р // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256352/ (дата обращения: 07.10.2021); Об утверждении Правила допуска впервые выпускаемого в обращение и эксплуатацию железнодорожного подвижного состава на инфраструктуру ОАО «РЖД»: распоряжение ОАО «РЖД» от 24 октября 2017 г. № 130р // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215124/4e003384c9425c578ab9b1fd889b3978080b5ee7/ (дата обращения: 07.10.2021); Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/catr/psn/default.php (дата обращения: 07.10.2021).

конкретного института гражданского права к общественным отношениям, в которых фигурирует один из указанных видов транспортных средств, но не может служить необходимым признаком транспортного средства.

Таким образом, *под транспортным средством следует понимать сложное техническое устройство, приводимое в движение внутренними или внешними источниками энергии, и способное в рамках транспортного процесса перемещать материальные объекты в пространстве.* При этом следует установить правило о том, что законодательством может быть ограничен круг сложных технических устройств, отнесенных к транспортным средствам, применительно к тому или иному правовому институту либо отрасли права.

Относительно гражданско-правовых институтов перевозки и транспортной экспедиции нельзя не учитывать, что для различных видов транспорта предусмотрены свойственные им пути сообщения. Поскольку перевозка связана только с транспортными средствами, которые способны перемещать людей и материальные объекты в пространстве, то важным признаком таких средств является *способность перемещаться по различным путям сообщения.*

На основании этого в главе 40 «Перевозка» ГК РФ необходимо предусмотреть следующее определение транспортного средства: «*Под транспортным средством понимается способное передвигаться (движимое) сложное техническое устройство, приводимое в движение внутренними или внешними источниками энергии, и предназначенное для перемещения в пространстве людей и материальных объектов по путям сообщения, соответствующим конкретному виду транспорта*».

В контексте рассмотрения отношений по перевозке вагон в полной мере можно причислить к транспортным средствам. В подтверждение этого приведем некоторые нормативно-правовые акты. Так, в разделе 310.00.00.00.000 общероссийского классификатора основных фондов «Транспортные средства» представлена позиция 310.30.20.20 «Вагоны железнодорожные»[1],

[1] ОК 013-2014 (СНС 2008). Общероссийский классификатор основных фондов: принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2018-ст) (в ред. от 08.05.2018) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL:

что прямо свидетельствует о признании вагонов транспортными средствами. В п. 2.9.24. распоряжения ОАО «РЖД» от 30 апреля 2014 г. № 1065р (в ред. от 12 января 2017 г.) «Об утверждении Правил по охране труда при техническом обслуживании и текущем ремонте моторвагонного подвижного состава ОАО "РЖД"» указано, что погрузка и разгрузка вагонов, автотранспорта и других транспортных средств должны выполняться без нарушения их равновесия[1]. В постановлении Минтруда РФ от 22 февраля 1999 г. № 3 «Об утверждении квалификационной характеристики должности "Транспортный экспедитор"» к должностным обязанностям экспедитора отнесена организация фрахтования транспортных средств (автомобилей, вагонов, морских и речных судов, авиатранспорта)[2]. В перечисленных актах вагон отнесен к транспортным средствам. В постановлении Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 6 октября 2005 г. № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации"» вагоны прямо названы транспортными средствами, подаваемыми под погрузку[3].

Часть 2. Проблема отнесения электрических средств индивидуальной мобильности к транспортным средствам

В последние несколько лет большой популярностью стали пользоваться электросамокаты, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и другие средства передвижения по дорогам, «предназначенные

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184368/ (дата обращения: 08.10.2021).

[1] Об утверждении Правил по охране труда при техническом обслуживании и текущем ремонте моторвагонного подвижного состава ОАО «РЖД»: распоряжение ОАО «РЖД» от 30 апреля 2014 г. № 1065р (в ред. от 12.01.2017) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215084/ (дата обращения: 07.10.2021).

[2] Об утверждении квалификационной характеристики должности «Транспортный экспедитор»: постановление Минтруда РФ от 22 февраля 1999 г. № 3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75759/ (дата обращения: 09.10.2021).

[3] О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»: постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 6 октября 2005 г. № 30 // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2006. № 1. С. 12.

для перемещения в пространстве лишь лица, им управляющего»[1]. О необходимости регламентации общественных отношений, связанных с использованием данных средств, не раз говорилось в юридической литературе[2]. Электрическое транспортное средство малой мощности отмечают в статистической сводке дорожно-транспортных происшествий, участниками которых стали лица, управляющие перечисленными выше техническими средствами.

Ранее вопрос о классификации данных средств индивидуальной мобильности не возникал в связи с их отсутствием. Но время идет вперед, технический прогресс остановить невозможно, и сегодня мы подводим такие итоги: за первое полугодие 2021 г. на дорогах РФ зарегистрировано 192 дорожно-транспортных происшествия с участием электрических транспортных средств малой мощности, в которых пять человек погибли и 200 получили травмы различной степени тяжести, в том числе 90 детей до 18 лет. В результате аварий повреждено 290 транспортных средств[3]. Это означает, что возникло около 200 споров о возмещении материального и морального вреда, причиненного вследствие дорожно-транспортного происшествия.

Возникает резонный вопрос о том, к какой категории отнести данный вид средств передвижения – участников дорожно-транспортного происшествия. Выбор сводится к одному из двух вариантов. Согласно первому варианту, их следует отнести к понятию «транспортное средство», которое в Правилах дорожного движения (ПДД) определяется как «устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем»[4]. В качестве второго

[1] *Соколов Д. В.* Проблема юридической ответственности новых участников дорожного движения // Транспортное право. 2021. № 3. С. 11.

[2] См., например: *Бурова И. Л., Рудов М. В.* О некоторых проблемах правового регулирования новых видов транспортных средств с электродвигателем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 2. С. 84. *Якимов А. Ю.* Размышления о нормативно-правовой основе деятельности, связанной с дорожным движением // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 17–18.

[3] Госавтоинспекция: офиц. сайт. URL: https://гибдд.рф (дата обращения: 07.10.2021).

[4] О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечении ю безопасности дорожного движения») (в ред. от 31.12.2020) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.

альтернативного варианта такие средства передвижения напрямую связаны с понятием «пешеход», поскольку в соответствии с ПДД «к пешеходам приравниваются лица…, использующие для передвижения роликовые коньки, самокаты и иные аналогичные средства»[1].

Анализ судебной практики показывает, что в большинстве судебных актов лица, управляющие электросамокатом, отнесены к пешеходам. Так, в решении Московского городского суда от 14 октября 2020 г.[2], определении Ставропольского краевого суда от 5 ноября 2020 г.[3], определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2020 г.[4], при назначении административного наказания и при рассмотрении дел о возмещении морального и материального вреда лицо, управляющее электросамокатом, считается пешеходом.

Однако существуют и иные судебные акты, признающие лиц, управляющих электрическими средствами передвижения малой мощности, водителями. Так, постановлением Московского городского суда от 29 ноября 2019 г. оставлено в силе решение Хамовнического районного суда о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 Кодекса РФ об административной ответственности водителя электросамоката за отказ от прохождения освидетельствования на состояние опьянения[5]. Учитывая, что юрисдикция указанной статьи распространяется только на водителя как субъекта административного производства, можно сделать вывод о том, что самокат в соответствии с данным судебным актом признан транспортным средством.

---

[1] Там же.

[2] Решение Московского городского суда от 14 октября 2020 г. по делу № 7-11884/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1934052#NAdcWvSWIl7POwsP1 (дата обращения: 07.10.2021).

[3] Определение Ставропольского краевого суда от 5 ноября 2020 г. № 88-15791/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-stavropolskii-kraevoi-sud-stavropolskii-krai/ (дата обращения: 11.10.2021).

[4] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2020 г. по делу № 7а-589/2020 // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://8kas.sudrf.ru/ (дата обращения: 11.10.2021).

[5] Постановление Московского городского суда от 29 ноября 2019 г. № 4а-7610/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1224838#2n9fWvSsHzZ1D6Fu1 (дата обращения: 07.10.2021).

Неоднозначная судебная практика и отсутствие нормативно закрепленных понятий электрических средств передвижения малой мощности затрудняет рассмотрение споров о возмещении вреда. Ввиду того, что транспортные средства подлежат обязательному страхованию, не вызывает сложности рассмотрение судебных споров в случаях, если вина водителя самоката отсутствует, поскольку главой 59 ГК РФ подробно регламентированы данные отношения. Если в дорожно-транспортном происшествии виноват водитель самоката, осуществить возмещение вреда потерпевшему затруднительно. В связи с неопределенным статусом (транспортное средство или пешеход) у водителя самоката нет обязанности обязательного страхования гражданской ответственности, обязанности иметь водительское удостоверение на право управления, не определен возраст, по достижении которого водитель может управлять самокатом, иных обязанностей, которыми наделен водитель транспортного средства. Отсутствие обязанности регистрации подобной категории транспортных средств затрудняет и определение нахождения владельца самоката, если последний скрылся с места происшествия.

Законодатель обратил внимание на данную проблему. В начале 2020 г. разработан проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в постановление Совета министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, который до настоящего времени не реализован[1]. В этом проекте предлагается называть электрические средства передвижения малой мощности «средством индивидуальной мобильности», что, на наш взгляд, не разрешает перечисленных выше проблем, поскольку многообразие видов электрических средств передвижения влечет за собой их различные технические характеристики: одни развивают скорость до 60 км в час, другие ограничены 20 км в час и т. д. Применение данного понятия не решает проблемы, так как само по себе оно не снимает неопределенности. Далее, в п. 1.11 рассматриваемого проекта постановления Правительства РФ, предлагается изложить в новой

[1] О внесении изменений в постановление Совета министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090: проект постановления Правительства РФ // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56712144/ (дата обращения: 07.10.2021).

редакции п. 8.3 ПДД РФ: «При выезде на дорогу с прилегающей территории водитель должен уступить дорогу транспортным средствам, лицам, использующим для передвижения средства индивидуальной мобильности, и пешеходам, движущимся по ней, а при съезде с дороги – пешеходам, велосипедистам и лицам, использующим для передвижения средства индивидуальной мобильности, путь движения которых он пересекает». Тем самым вновь усматривается попытка приравнять средство индивидуальной мобильности к пешеходам.

Вместе с тем далее, в п. 1.15 «При остановке и стоянке велосипедов и средств индивидуальной мобильности разрешается отступать от требований пунктов 12.1–12.3, 12.5–12.8»[1] проекта постановления Правительства РФ, указанное средство передвижения приравнено уже к велосипедам. Затем, в п. 1.16–1.17, лица, управляющие такими средствами, уравнены в правах с пешеходами.

Исследуемый нами проект постановления Правительства РФ предлагает установить возраст (старше 14 лет), с которого лица, управляющие средствами индивидуальной мобильности, могут осуществлять движение, соответствующий требованиям, предъявляемым к велосипедистам; ограничить скорость (не более 20 км в час), хотя современные модели могут развивать скорость, в разы превышающую установленное ограничение, а также наделить данных лиц «двойственными» обязанностями: для передвижения по проезжей части предлагается наделить правами водителя транспортного средства, а в остальных случаях – обязанностями пешеходов.

На наш взгляд, подобный подход не решает создавшейся проблемы. Предлагаем, учитывая технические характеристики электрических транспортных средств малой мощности, приравнять их к мопеду, дополнив п. 1.2 «В Правилах используются следующие основные понятия и термины» ПДД РФ; абзац 18 после предложения «К мопедам приравниваются квадроциклы» перед словами «имеющие аналогичные технические

[1] О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечении ю безопасности дорожного движения»): постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (в ред. от 31.12.2020) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.

характеристики» дополнить словами «электрические транспортные средства малой мощности».

Такое нововведение позволит признать электрические транспортные средства малой мощности транспортными средствами, а лиц, управляющих ими, – водителями, которые обязаны получить водительское удостоверение соответствующей категории при достижении 16 лет, как предписывает Федеральный закон «О безопасности дорожного движения»[1], и соблюдать все требования, предъявляемые к водителям транспортных средств.

Подводя итоги, сделаем ряд основных выводов:

1. Под транспортным средством следует понимать сложное техническое устройство, приводимое в движение внутренними или внешними источниками энергии и способное в рамках транспортного процесса перемещать материальные объекты в пространстве. При этом следует установить правило о том, что законодательством может быть ограничен круг сложных технических устройств, отнесенных к транспортным средствам, применительно к тому или иному правовому институту либо отрасли права.

2. В главе 40 «Перевозка» ГК РФ необходимо предусмотреть следующее определение транспортного средства: «Под транспортным средством понимается способное передвигаться (движимое) сложное техническое устройство, приводимое в движение внутренними или внешними источниками энергии, и предназначенное для перемещения в пространстве людей и материальных объектов по путям сообщения, соответствующим конкретному виду транспорта». Порожний вагон применительно к отношениям по перевозке является транспортным средством.

3. Электрические транспортные средства малой мощности (электросамокаты, гироскутеры, сигвеи, моноколеса) в ПДД РФ следует приравнять к мопеду, как электрические транспортные средства малой мощности, имеющие аналогичные технические характеристики.

[1] О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 50. Ст. 4873.

Библиографический список

1. Алиев Э. А. Международный трубопроводный транспорт: правовые аспекты // Международное публичное и частное право. 2013. № 6. С. 19–22.

2. Бажина М. А. Понятие «транспортное средство» в транспортном праве // Транспортное право. 2017. № 1. С. 10–13.

3. Ботвинкин Е. Б., Альшевский М. Ю. Актуальные аспекты прокурорского надзора за соблюдением требований промышленной и экологической безопасности при эксплуатации трубопроводного транспорта в ХМАО // Прокурор. 2016. № 3. С. 36–40.

4. Бурова И. Л., Рудов М. В. О некоторых проблемах правового регулирования новых видов транспортных средств с электродвигателем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 2. С. 84–93.

5. Вавилин Е. В. Аренда транспортных средств. Правовые аспекты. М.: Альфа-Пресс, 2005. 100 с.

6. Витрянский В. В. Договор аренды и его виды: прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и предприятий, лизинг. М.: Статут, 1999. 299 с.

7. Егиазаров В. А. Транспортное право: учебник. М.: Юстицинформ, 2004. 544 с.

8. Иванова Т. Н. Трубопроводный транспорт России: понятие и источники правового регулирования // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 66–73.

9. Проценко С. В. О транспортном средстве как источнике повышенной опасности в российском уголовном законодательстве // Российский следователь. 2009. № 23. С. 16–19.

10. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М.: Юристъ, 2001. 496 с.

11. Салиева Р. Н. Институт саморегулирования как правовое средство стимулирования развития самоорганизации в сфере предпринимательства в топливно-энергетическом комплексе современной России // Конкурентное право. 2019. № 4. С. 16–21.

12. Соколов Д. В. Проблема юридической ответственности новых участников дорожного движения // Транспортное право. 2021. № 3. С. 11–14.

13. Федотова Д. С. Договорное регулирование совместной деятельности исполнителей транспортных услуг по перевозке пассажиров и багажа: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. 215 с.

14. Якимов А. Ю. Размышления о нормативно-правовой основе деятельности, связанной с дорожным движением // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 10–19.

УДК 347.6; 342.7
ББК 67.404.5

Г. А. Трофимова
эксперт
научно-исследовательского объединения
«Правовая инициатива»
Trofimova_Galy@mail.ru

ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА САНКЦИИ И ЕЕ ОСНОВАНИЯ

DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS: THE LEGAL NATURE OF THE SANCTION AND ITS GROUNDS

В статье освещены проблемы, выявленные на основе анализа имеющегося правового регулирования. Среди них – несоответствие понятия «лишение родительских прав» и его содержания; отсутствие единства санкции в отношении лиц, к которым она применяется; правовая неопределенность категории «лишение родительских прав» (мера защиты или мера ответственности); отсутствие единства правовых последствий в отношении лиц, отказавшихся от осуществления права родительства. Автор приходит к выводу о том, что лишение права родительства в отношении того или иного ребенка – санкция семейно-правовой ответственности; влечет за собой ограничение конституционного права на родительство (а также иных прав, связанных с возможностью воспитания детей), то есть применение конституционно-правовой санкции. Добровольный отказ от права родительства можно признать соответствующим Конституции Российской Федерации (РФ) после внесения изменений в ч. 2 ст. 38 Основного Закона страны. Поэтому только принудительное лишение права родительства в отношении конкретного ребенка является конституционным.

Ключевые слова: лишение родительских прав, родительские права, родительские обязанности, право родительства, право на родительство, семейно-правовая санкция, семейно-правовая ответственность.

The article covers the problems identified on the basis of the analysis of the available legal regulation. These include the inconsistency between the concept of "deprivation of parental rights" and its content; lack of unity of sanctions in relation to the persons to whom it applies; legal uncertainty of the category of "deprivation of parental rights" (a protective measure or a liability measure); lack of unity of legal consequences in relation to persons who refuse to exercise their parental rights. The author concludes that the deprivation of the right to parenthood in relation to a child is a sanction of family-legal responsibility; entails a restriction of the constitutional right to parenthood (as well as other rights related to the possibility to raise

children), that is, the application of constitutional-legal sanction. Voluntary relinquishment of the right to parenthood can be recognised as compliant with the Constitution of the Russian Federation (RF) following the amendment of Part 2, Article 38 of the Basic Law of the country. Therefore, only forced deprivation of the right to parenthood in relation to a particular child is constitutional.

Keywords: Deprivation of parental rights, parental rights, parental duties, right to parenthood, family law sanction, family law responsibility.

Зарождение нормы о лишении родительских прав произошло еще в дореволюционной России[1]. Однако до сих пор ведутся споры относительно данного явления. Что представляет собой лишение родительских прав? Каковы основания применения этой меры? Каковы правовые последствия? В настоящей статье попытаемся ответить на эти вопросы.

Право на родительство и право родительства

Статус родителя, состоящий из прав, обязанностей и ответственности, возникает вследствие осуществления человеком естественного права на родительство (для матерей – права на материнство, для отцов – права на отцовство) биологическим, генетическим или юридическим способом.

Право на родительство имеет объективный характер как признаваемое (посредством отсутствия запрета на его осуществление, а также правового регулирования отношений, связанных с реализацией этого права, в ряде случаев – с его приобретением) право. Такое право следует назвать конституционно-правовым. Субъектами его выступают человек и государство, гражданином которого является или где преимущественно проживает человек.

Право на родительство подразумевает право на приобретение родительского статуса или права родительства. Право родительства включает в себя реализацию как прав, так и обязанностей, то есть оно является сложносоставным. Право родительства можно определить как абсолютное право, то есть

[1] *Загоровский А. И.* Курс семейного права. Фрагмент книги // Семейное и жилищное право. 2008. № 2. С. 46; *Нижник Н. С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 148; *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 592.

только родители могут его осуществлять, а другие лица – государство и иные субъекты (граждане, организации) – не вправе его нарушать. Данное право можно признать и в качестве конституционного (государство обязано его защищать), и в качестве семейно-правового (образующегося в результате возникновения семейно-правовых отношений).

Противоречивость понятия «лишение родительских прав» в российском законодательстве

Права и обязанности, входящие в родительский статус, проявляют самостоятельный характер в правоотношении, возникающем между родителем и ребенком, то есть в семейном правоотношении. Однако контроль за осуществлением этих прав с целью недопущения злоупотребления ими и реализацией обязанностей принимают на себя государственные органы, а также окружающие ребенка лица. По результатам такого контроля родитель может быть лишен родительских прав.

«Лишение» означает отобрание, отмену, принудительное прекращение действия. Основываясь на четком следовании понятию «родительские права», можно предположить, что лишение родительских прав представляет собой не что иное, как лишение родителя прав, входящих в родительский статус, и тем самым в отношении того или иного ребенка – ограничение права родительства и ограничение права на родительство.

Но Семейный кодекс (СК) РФ подразумевает под родительскими правами комплекс правомочий, состоящий из прав и обязанностей родителей (п. 1 ст. 61 СК РФ). Вследствие этого лишение родительских прав должно влечь прекращение прав, обязанностей и ответственности субъекта (хотя ответственность в качестве составляющей части права и не упоминается), то есть должна происходить потеря родительского статуса.

Но после применения санкции в законе начинает фигурировать другой субъект – «родители, лишенные родительских прав» (ст. 70, 71 СК РФ), и статус этого субъекта подразумевает наличие родительских обязанностей. Кроме того, родители, лишенные родительских прав, получают право на восстановление родительских правомочий до момента усыновления ребенка (п. 4 ст. 72 СК РФ). Таким образом, в результате «лишения родительских прав» происходит изменение

статуса родителя на усеченный – без части обязанностей, без прав, закрепленных за полностатусным родителем.

Семантическое противоречие могло бы быть устранено указанием на то, что с появлением ребенка у конкретных лиц они наделяются правом родительства, которое представляет собой совокупность различных прав, обязанностей и ответственности в случае злоупотребления первыми и неисполнение либо ненадлежащее исполнение вторых; а затем лишаются прав (то есть части общего права) как результат наступления ответственности. Более того, семантическое противоречие могло бы быть устранено, если бы, например, считалось, что лицо приобретает родительское право (аналог права родительства, только наиболее привычный для слуха), состоящее из совокупности правомочий, и вследствие лишения родительских прав лицо теряет некоторые из них.

Такое распределение сохраненных и потерянных правомочий допустимо лишь в ситуации, если происходит смена полного родительского статуса усеченным. И санкция «лишение родительских прав» означает ограничение права родительства. Однако в результате процедуры лишения родительских прав родительский статус может быть утрачен полностью после истечения шестимесячного срока для восстановления права родительства и усыновления ребенка (п. 4 ст. 72 СК РФ). В этом случае под понятием «лишение родительских прав» можно подразумевать лишение права родительства в отношении конкретного ребенка, а не лишение каких-то правомочий.

Несправедливым кажется и тот факт, что один нерадивый родитель, подвергнутый санкции в виде лишения родительских прав, сохраняет право восстановления права родительства, а другой – не сохраняет. Одна и та же санкция должна влечь одинаковые последствия для субъекта, к которому она применена.

«Лишение родительских прав» как санкция

В научной литературе категория «лишение родительских прав» в большинстве случаев представлена как мера семейно-правовой ответственности[1]. Но известны и противники

[1] См., например: *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность: очерк теории. М.: Юридическая литература, 1976. С. 97; *Казанцева А. Е.* Обязанности и права родителей (заменяющих их лиц) по воспитанию детей и

указанной идеи, считающие, что семейно-правовой ответственности не существует, а лишение родительских прав – мера защиты[1].

На наш взгляд, признание санкции в качестве меры ответственности зависит от двух факторов: виновного поведения лица, явившегося причиной применения санкции, и неблагоприятности последствий санкции.

К основаниям лишения родительских прав в соответствии со ст. 69 СК РФ относятся:

1) уклонение родителя от выполнения своих обязанностей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов;

2) отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций;

3) злоупотребление родительскими правами (под которым на основании п. 1 ст. 65 СК РФ нужно понимать осуществление родительских прав в противоречии с интересами детей, причинение вреда физическому или психическому здоровью детей, их нравственному развитию);

4) жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними, покушение на их половую неприкосновенность;

5) хронический алкоголизм или наркомания родителей;

6) совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том

ответственность за их нарушение. Томск: Изд-во Томского университета, 1987. С. 111; *Беспалов Ю.* Основания и порядок лишения родительских прав // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 26; *Чичерова Л. Е.* Семейно-правовая ответственность в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2005. № 1. С. 2; *Гливинская И. Н.* Сущность ответственности по семейному праву // Семейное и жилищное право. 2008. № 3. С. 6; *Иванова Н. А.* К вопросу о семейно-правовой ответственности родителей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 10 (138). С. 138; *Мардахаева П. Н.* Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 6; *Лапина К. В.* Осуществление родительских прав и исполнение обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 10–11.

[1] См., например: *Хачатуров Р. П., Липинский Д. А.* Общая теория юридической ответственности: монография. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 811–812; *Карпов М. В.* О некоторых вопросах применения мер ответственности в семейно-правовых отношениях // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 27–28.

числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Основания разнообразны, и их можно подразделить на следующие категории:

а) умышленные противоправные действия, направленные против ребенка и приносящие ему существенный вред (4, частично 6);

б) умышленные противоправные действия, направленные против некоторых членов семьи, и представляющие собой нанесение морального вреда ребенку и вреда в виде неправильного воспитания (частично 6);

в) неумышленные противоправные действия, представляющие собой осознанное видение причиняемого ребенку морального вреда и вреда в виде неправильного воспитания (5);

г) противоправные умышленные и неумышленные действия, влекущие причинение вреда ребенку (3);

д) умышленные противоправные действия, могущие нанести вред ребенку, если иное лицо не возьмет на себя обязанность, от исполнения которой отказался родитель (1, 2).

Общим основанием можно признать виновное противоправное поведение родителей, выраженное в злоупотреблении родительскими правами или ненадлежащем исполнении родительских обязанностей. Однако не все так однозначно. Учеными оспаривается возможность обвинения родителя в плохом отношении к ребенку вследствие пристрастия к алкоголю или наркотикам, поскольку причиной таких привычек нередко может быть психическая зависимость лица[1].

Уклонение без уважительных причин от исполнения родительских обязанностей – свидетельство противоправного умышленного причинения вреда ребенку, но не всегда существенного. Вред может быть признан несущественным, если один из родителей полностью принимает на себя заботу о ребенке, а также бабушка, дедушка и иные совершеннолетние члены семьи предупреждают возможность наступления существенного вреда для ребенка. Кроме того, законодателем предусмотрен свободный отказ от обязанностей в отношении ребенка в виде дачи согласия на его усыновление (ст. 129 СК РФ). Тем самым становится очевидным, что представленные

[1] *Нечаева А. М.* Семейное право: учебное пособие. М.: Юрайт, 2010. С. 116.

основания применения санкции не всегда можно признать в качестве виновного поведения, приносящего вред ребенку. Несомненно, они должны быть откорректированы, но общее основание все-таки четко прослеживается.

Но подобным образом нельзя рассуждать относительно наличия неблагоприятных последствий для лица, подвергнутого санкции. Семейно-правовой санкцией можно назвать лишение семейного права – права родительства. Но отобрание права, в осуществлении которого лицо не заинтересовано, нецелесообразно рассматривать в качестве неблагоприятного последствия.

Сомнения в связи с этим находят отражение и в отечественной литературе. В частности, А. М. Нечаева пишет: «СК связывает лишение родительских прав с невозможностью стать усыновителем (абз. 2 п. 1 ст. 127), опекуном (попечителем) (п. 1 ст. 146), приёмным родителем (п. 1 ст. 153). Подобного рода последствия лишения родительских прав объяснимы, понятны. Но вряд ли они представляют для лиц, утративших свои родительские права в установленном законом порядке, социально значимую потерю»[1].

Нередко рождение ребенка используется в качестве возможности смягчить уголовную ответственность или освободиться от нее, получать деньги в качестве пособия и т. д.

Таким образом, цель реализации права на родительство может быть временной либо искаженной, и временное осуществление права родительства бывает достаточным для осуществления «иной» цели, а потому лишение права родительства может быть воспринято как избавление от ставшего ненужным бремени. В частности, ненужным ребенок может стать после изменения жизненных ориентиров родителя, хотя первоначально право родительства было желанным или, по крайней мере, не вызывало отторжения.

Следовательно, необходимо выяснить, какие из имеющихся оснований анализируемой санкции свидетельствуют, пусть и косвенно, о неблагоприятности последствий для родителя. Отказ взять ребенка из соответствующих организаций, где он временно содержится в большинстве случаев свидетельствует о нежелании осуществлять право родительства.

[1] *Нечаева А. М.* Указ. соч. С. 109–110.

Наличие умышленных противоправных действий в отношении ребенка, повлекших наступление существенного вреда его физическому или психическому здоровью, несомненно, выступает фактом, свидетельствующим о пренебрежительном отношении к ребенку. Однако в данном случае нельзя сделать однозначный вывод относительно отсутствующей ценности права родительства. Правомочие родительской власти (то есть проявление права родительства в той его составляющей, которая связана с распоряжением судьбой ребенка – определением его прав и обязанностей) часто является желанным правомочием родителя, а потому применение анализируемой санкции неблагоприятно для родителя.

Во французском законодательстве акцентируется внимание именно на властной составляющей права родительства; и вследствие нарушения закона санкция заключается в частичном или полном лишении родительской власти[1]. В российском законодательстве нет норм подобного рода, но ученые делают справедливый вывод о наличии родительской власти. Например, Е. А. Татаринцева пишет: «Если в обязательственных правоотношениях одним из главных принципов выступает равенство его участников, то в детско-родительских правоотношениях, связанных с воспитанием ребенка в семье, равенство между родителями и ребенком отсутствует изначально, иначе бы институт родительской власти не имел бы никакого смысла»[2].

Следует отметить, что игнорирование интересов, а порой и прав ребенка, нередко является следствием отсутствия прямо установленного законом правомочия по отказу от права родительства в отношении конкретного ребенка, местью за наличие обязательств по его воспитанию, содержанию, обучению (формально такая возможность предусмотрена в ст. 129 СК РФ, но ясна только юридически грамотным лицам, а не обывателям, поскольку напрямую законодатель не указывает на соответствующую возможность). В последнем случае санкция будет выступать, хотя формально и нежеланным последствием,

[1] *Земцова О. С.* Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: монография. Рязань: Концепция, 2013. С. 22.

[2] *Татаринцева Е. А.* Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве: монография. М.: Юстицинформ, 2018. С. 10.

но не представляющим существенного ущемления. Поэтому необходимо скорректировать закон, четко определив, что родитель может отказаться от права родительства в отношении ребенка (когда, при каких условиях) либо не может этого сделать без применения к нему соответствующей санкции.

Правда, право на отказ от ребенка будет противоречить Конституции РФ, где указано, что забота о детях и их воспитание – обязанность родителей (ч. 2 ст. 38). И потому любой отказ от исполнения соответствующей обязанности – конституционное правонарушение. Иными словами, отказ от права родительства должен быть обозначен и в Конституции РФ, если представляется логичным его разрешить.

Причинение вреда указанным в законе членам семьи ребенка также не служит свидетельством нежелания реализации права родительства. Сложнее обстоит вопрос относительно неумышленных, но представляющих собой осознанное причинение ребенку вреда действий, заключающихся в наличии у родителя пагубных привычек (пристрастия к алкоголю, наркотикам). На наш взгляд, обращение родителей, страдающих психической зависимостью от пагубной привычки, в соответствующий реабилитационный центр (бесплатной помощи или помощи с последующей и доступной оплатой), должно признаваться свидетельством заинтересованности в сохранении права родительства. Иной вариант можно будет рассматривать в качестве пренебрежительного отношения к родительским обязанностям. Во-первых, как факт попустительства в воспитании и надлежащем содержании ребенка, во-вторых, как факт недопустимого примера для формирующейся личности (косвенный вариант отрицательного воспитания).

Уклонение родителя от исполнения своих обязанностей может нивелироваться действиями иных лиц, главным образом, родственников ребенка. Как правило, дело о лишении родительских прав возбуждается только в случае отсутствия заботы о ребенке, а не в том случае, если обязанности не исполняются родителем лично.

Но если все же родителя пытаются привлечь к ответственности (в частности, один из родителей ребенка подает в суд иск о лишении другого родителя родительских прав), степень уклонения от исполнения родительских обязанностей, неуважительности причин такого уклонения определяется судом. Часто выясняется то обстоятельство, что нерадивый родитель

уклоняется от имеющихся у него обязанностей именно вследствие нежелания их осуществления и нежелания продолжать считаться родителем соответствующего ребенка, то есть о нивелировании ценности имеющегося у него права родительства.

Однако для четкости определения заинтересованности либо незаинтересованности родителя в осуществлении своего права было бы важно использовать наиболее понятную санкцию – предупреждение: как самостоятельную или как элемент применения первоначальной санкции – «ограничение родительских прав» (а для этого внести соответствующие изменения в закон). Сегодня ограничение родительских прав (ст. 73 СК РФ) применяется к нерадивым родителям, если не установлены достаточные основания для лишения ребенка родительских прав; и не является обязательной предупредительной мерой.

Таким образом, исходя из мотивов совершаемых родителем деяний, подпадающих под признаки деяний, за совершение которых законом предусмотрено лишение родительских прав, можно признать, что в качестве меры ответственности указанная санкция выступает в двух случаях:

1) если целью реализации права родительства является осуществление власти над ребенком (3, 4, частично 6);

2) если существует противоправное поведение (как умышленное, так и неумышленное), неумышленно причиняющее вред ребенку (частично 1, частично 5, частично 6).

Можно ли, кроме лишения права родительства, считать в качестве негативных последствий и такие меры, как лишение права на наследование после ребенка, на получение льгот и пособий, выдаваемых государством в связи с рождением или существованием ребенка, привилегий, дарованных работникам, имеющим семейно-правовые обязанности и т. д.? Это – тоже негативные последствия.

Перечисленные права, которых может лишиться субъект, представляют собой права, сопутствующие праву родительства (то есть приобретаемые вслед за определенным семейно-правовым статусом). По терминологии Семейного кодекса РФ, права, основанные на факте родства с ребенком (ст. 71 СК РФ), и их лишение – это даже не санкция. Невозможно лишиться того, на что лицо не имеет прав.

Нельзя не отметить и тот факт, что лишение родительских прав влечет разрушение репутации субъекта, что является,

несомненно, неблагоприятным последствием. Лицо не может стать усыновителем (п. 1 ст. 127 СК РФ), опекуном или попечителем (п. 1 ст. 146 СК РФ) либо приёмным родителем (ст. 152 СК РФ). Но все это – санкции конституционно-правовой ответственности, то есть ответственности за ненадлежащее осуществление лицом обязанностей как гражданина (человека). Можно заключить, что законодательное лишение родительских прав всегда направлено на защиту интересов ребенка, а потому выступает мерой защиты его интересов в любом случае; но становится мерой семейно-правовой ответственности, если желание осуществлять право родительства (независимо от благих или неблагих целей) присутствует у обладателя права.

Лишение права родительства в отношении конкретного ребенка влечет за собой в соответствии с законом и ограничение права на родительство (а также иных прав, связанных с возможностью воспитания детей), что является вполне разумным и соответствует конституционной норме о возможности ограничения конституционных прав в целях нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). С точки зрения семейного права лицо, лишенное права родительства в отношении определенного ребенка, ограничивается в семейной дееспособности, то есть в способности стать усыновителем.

Наложение самой существенной семейно-правовой санкции следует признать основанием для применения конституционно-правовой санкции, а лицо, лишенное права родительства, – виновным в нарушении одной из конституционных обязанностей, или лицом, совершившим конституционное правонарушение. Вместе с тем остается проблема правильного обозначения в законе оснований утраты права родительства, связанных с отсутствием заинтересованности родителей в сохранении полученного права.

«Отказ от права родительства» как родовая категория по отношению к категории «лишение родительских прав»

Для усыновления ребенка необходимо согласие его родителей, за исключением тех, кто был лишен родительских прав, если прошло шесть месяцев со дня лишения родительских прав (ст. 129, 130 с учетом п. 6 ст. 71 СК РФ). Иными словами, законодатель признает, что в статус детей, подлежащих усыновлению, переводятся дети, от которых родители

отказываются (формально в законе: родители могут дать согласие на усыновление ребенка конкретным лицом либо без указания конкретного лица – п. 3 ст. 129 СК РФ) или права родительства на которых родители лишены.

Чем отличается согласие на усыновление, то есть добровольный отказ от права родительства, от лишения родительских прав, то есть оформленный как нерадивое отношение к правам и обязанностям родителя отказ от соответствующего права?

Относительно положения ст. 129 СК РФ, предусматривающего согласие на усыновление, исследователями указано, что данное техническое действие может быть произведено любыми родителями, «претендующими» на лишение родительских прав, во избежание негативных имущественных последствий; анализ практики свидетельствует о том, что суды не считают возможным применять санкцию в виде лишения родительских прав к родителям, оформившим отказ с дачей согласия на усыновление[1]. Некоторые ученые даже оправдывают такое поведение: «В соответствии с пунктом 3 статьи 129 СК РФ, не будет отказом от ребенка заявление родителя о согласии на усыновление ребенка без указания конкретного лица – будущего усыновителя. Такое согласие представляет собой одно из правомочий родителей, заключающееся не только в прекращении родительских правоотношений, но и передаче заботы о ребенке другому лицу. Причем право выбора такого лица предоставляется органам опеки и попечительства. Поэтому неправомерно бытующее представление о согласии на усыновление как отказе от ребенка»[2].

Но если отказ без уважительных причин забрать своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иного лечебного учреждения, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения или из других аналогичных учреждений, без сомнения, признается отречением от ребенка[3],

[1] *Краснова Т. В.* Правовая возможность отобрания ребенка у родителей: социальные риски в законодательстве и пути их преодоления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 7 (31). С. 63.

[2] *Нечаева А. М.* Правонарушения в сфере личных семейных отношений. М.: Наука, 1991. С. 41.

[3] *Ерохина Е. В.* Лишение родительских прав и восстановление в родительских правах: справ.-практическое пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2013. С. 24.

то почему в связи с указанием на согласие на его усыновление (последнее может быть отозвано до судебного решения), по сути, отказ от ребенка, нельзя рассматривать в качестве неблагоприятного фактора? И в том, и в другом случае родитель отказывается от бремени воспитания и содержания ребенка.

С момента усыновления забота о ребенке становится обязанностью других лиц, приобретших в юридическом порядке право родительства на этого ребенка. Поскольку не могут разные люди обладать одновременно одним неделимым правом, то усыновленные дети утрачивают личные неимущественные и имущественные права, освобождаются от обязанностей по отношению к своим родителям (родственникам). Именно такой принцип установлен и в действующем СК РФ (п. 2 ст. 137).

Необходимо, на наш взгляд, быть последовательным. Если разрешено кровному родителю передавать ребенка на усыновление, не заботясь даже о том, есть ли желающие это сделать и будет ли он в итоге усыновлен, то почему же отказ без уважительных причин взять ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций не может быть приравнен к согласию на его усыновление? Вслед за доброжелательным отношением к отказу от ребенка в пользу усыновителей, может, следует рассматривать и другие, не столь явно выраженные отказы от ребенка с возможностью его усыновления?

В частности, И. Ю. Кузнецова и А. Я. Ахмедов считают, что могут отвечать интересам ребенка фактический отказ от родительских прав и обязанностей в отношении ребенка, помещенного в бэби-боксы, и отказ суррогатной матери от его принятия[1].

Обязанность суррогатной матери принять ребенка, в отношении которого она выступила лишь как субъект, обеспечивший его рождение, согласно договорному обязательству с другими лицами, – недоработка законодателя. Возможность же установления нового подхода в юридическом оформлении отказа от ребенка в бэби-боксе, как и любого иного отказа от только что родившегося ребенка, необходимо обсудить. Может, такого

[1] *Кузнецова И. Ю., Ахмедов А. Я.* Формы отказа от родительских прав и обязанностей // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 53.

ребенка стоит сразу передавать лицам, желающим стать усыновителями? И достаточно будет нотариально заверенного отказа от права родительства в отношении нежеланного ребенка без неблагоприятных последствий для таких родителей в случае наличия лица, желающего усыновить этого ребенка?

Представляется верным отказ от выполнения родительских прав и обязанностей в отношении конкретного ребенка считать отказом от права родительства в отношении этого ребенка независимо от его формы. При этом в качестве отказа от ребенка следует признать: а) отказ, непосредственно выраженный законом в указанной форме (в заявлении родителей, нотариально удостоверенном или заверенном руководителем организации, в которой находится ребенок); б) отказ взять ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций и незаявление о своих правах на ребенка в течение шести месяцев, факт которого констатирован в судебном порядке; в) отказ от восстановления родительских правомочий в течение шести месяцев после истечения срока наказания в виде лишения родительских прав в связи со злоупотреблением правом родительства1 (то есть усыновление ребенка должно быть допустимым только после истечения срока наказания и срока восстановления права, а не только срока восстановления права); г) отказ от ребенка, констатируемый в судебном порядке в связи с неизменением родителем собственного поведения, создающего возможность восстановления в родительских правах; либо совершения повторного семейного правонарушения; влекущий признание родителя лишенным права родительства.

Итак, до истечения срока наказания (констатирующего факт исправления) родитель будет считаться ограниченным в праве родительства, но не лишенным его. Неисправление родителя в течение срока ограничения права родительства, повторное совершение семейного правонарушения родителем будет порождать более весомую санкцию – лишение родительского права и угрозу передачи ребенка другому лицу в порядке усыновления. Ограничение права родительства должно быть признано в качестве предупредительной меры, в решении о принятии которой, соответственно, следует указать все

[1] В широком смысле слова.

последствия дальнейшего противоправного поведения; а лишение права родительства – в качестве санкции, констатирующей злостное нарушение родителем своих обязанностей.

Таким образом, отказ от права родительства послужит родовым основанием утраты этого права, а все формы его – видами отказа, одним из которых будет выступать лишение (принудительное отобрание) права родительства.

Анализ правовой природы и содержания института лишения родительских прав позволяет сделать следующие выводы.

1. Право на родительство и право родительства представляют собой основу отношений между родителями и детьми. При лишении родительских прав ограничивается право на родительство и либо ограничивается, либо прекращается право родительства в отношении конкретного ребенка.

2. В правовом регулировании применения санкции «лишение родительских прав» можно обозначить несколько существенных проблем:

1) наличие семантического противоречия между понятием «родительские права» и содержанием, которое вкладывается законодателем при применении данной санкции;

2) создание неодинаковых последствий при применении санкции для одних и тех же субъектов;

3) указание в качестве оснований санкции как виновных, так и невиновных действий, а определение содержания санкции в виде как неблагоприятных, так и благоприятных последствий;

4) признание отказа от ребенка в отдельных случаях в качестве виновного поведения, а в ряде других – в качестве невиновного без достаточных оснований.

3. Для устранения этих проблем необходимо:

1) признать наличие двух санкций, таких как ограничение права родительства (лишение части родительских правомочий) и лишение права родительства в качестве частичной и полной утраты права родительства соответственно;

2) признать ограничение права родительства (ограничение родительских прав или лишение части родительских правомочий) в качестве обязательной предупредительной меры перед возможностью лишения права родительства;

3) признать, что отказ от выполнения родительских прав и обязанностей в отношении конкретного ребенка следует считать отказом от права родительства независимо от его формы;

4) в качестве основания лишения родительских прав должны быть указаны только те, причиной которых стало виновное поведение лица:

а) неправомерное применение родительской власти;

б) отказ от выполнения обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка без надлежаще оформленной передачи прав на этого ребенка; либо без презюмируемого (неоспариваемого) согласия родственников ребенка выполнять эти обязанности добровольно;

5) сегодня только лишение права родительства в отношении конкретного ребенка можно признать конституционным. Добровольный отказ от права родительства будет соответствовать Конституции РФ лишь после внесения изменений в ч. 2 ст. 38 Основного Закона страны.

4. Лишение права родительства в отношении конкретного ребенка – санкция семейно-правовой ответственности; влечет за собой ограничение права на родительство (а также иных прав, связанных с возможностью воспитания детей), то есть применение конституционно-правовой санкции.

Библиографический список

1. Беспалов Ю. Основания и порядок лишения родительских прав // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 26–27.

2. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность: очерк теории. М.: Юридическая литература, 1976. 216 с.

3. Гливинская И. Н. Сущность ответственности по семейному праву // Семейное и жилищное право. 2008. № 3. С. 5–7.

4. Ерохина Е. В. Лишение родительских прав и восстановление в родительских правах: справ.-практическое пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2013. 172 с.

5. Загоровский А. И. Курс семейного права. Фрагмент книги // Семейное и жилищное право. 2008. № 2. С. 32–48.

6. Земцова О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: монография. Рязань: Концепция, 2013. 141 с.

7. Иванова Н. А. К вопросу о семейно-правовой ответственности родителей // Вестник Тамбовского

университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 10 (138). С. 136–142.

8. Казанцева А. Е. Обязанности и права родителей (заменяющих их лиц) по воспитанию детей и ответственность за их нарушение. Томск: Изд-во Томского университета, 1987. 144 с.

9. Карпов М. В. О некоторых вопросах применения мер ответственности в семейно-правовых отношениях // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 24–28.

10. *Краснова Т. В.* Правовая возможность отобрания ребенка у родителей: социальные риски в законодательстве и пути их преодоления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 7 (31). С. 60–67.

11. *Кузнецова И. Ю., Ахмедов А. Я.* Формы отказа от родительских прав и обязанностей // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 48–54.

12. *Лапина К. В.* Осуществление родительских прав и исполнение обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 25 с.

13. *Мардахаева П. Н.* Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 20 с.

14. *Нечаева А. М.* Семейное право: учебное пособие. М.: Юрайт, 2010. 285 с.

15. *Нечаева А. М.* Правонарушения в сфере личных семейных отношений. М.: Наука, 1991. 238 с.

16. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 272 с.

17. *Татаринцева Е. А.* Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 133 с.

18. Хачатуров Р. П., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 950 с.

19. Чичерова Л. Е. Семейно-правовая ответственность в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2005. № 1. С. 2–5.

20. *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 720 с.

УДК 347.411
ББК 67.404.06

Д. О. Соколова
бакалавр
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
sokolovadaria1531@gmail.com

АСТРЕНТ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

ASTRENT AS A CIVIL LAW CATEGORY

Статья посвящена рассмотрению института судебной неустойки (астрента) в гражданском праве. Автор уделяет внимание понятию «астрент», его нормативному закреплению. Проанализированы критерии определения возможности применения судебной неустойки к соответствующим правоотношениям. Исследованы проблемные вопросы, существующие в рамках данного гражданско-правового института. Одним из них является вопрос установления правовой природы астрента. Отсутствие четкого механизма, определяющего порядок применения судебной неустойки, «скудность» такой практики приводят к тому, что эпизодически выносятся необоснованные и незаконные судебные решения. Предлагается детально регламентировать процедуру определения размера астрента с учетом имущественного положения должника.

Ключевые слова: астрент, судебная неустойка, ретроспективное взыскание судебной неустойки, кредитор, должник, исполнение обязанности в натуре, гражданское право.

The article deals with the institute of judicial penalty (astrent) in civil law. The author pays attention to the concept of "astrent", its normative consolidation. The criteria for determining the possibility of application of judicial penalty to the relevant legal relations are analysed. The problematic issues which exist in the framework of this civil-law institute have been studied. One of them is the question of determining the legal nature of the astrent. The absence of a clear mechanism determining the procedure of application of the judicial penalty and the "scarcity" of such practice occasionally result in groundless and unlawful judicial decisions. It is proposed to regulate in detail the procedure for determining the amount of the penalty, taking into account the property status of the debtor.

Keywords: astrant, court penalty, retrospective recovery of court penalty, creditor, debtor, performance in kind, civil law.

Актуальность темы обусловлена тем, что астрент, называемый российским законодателем «судебной неустойкой», нашел закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) совсем недавно[1]. В связи с этим существует множество вопросов о применении данного института на практике. Впервые судебная неустойка упомянута в п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта»[2].

Позднее астренту посвящена ст. 308.3 ГК РФ, которая закрепила право кредитора на обращение в суд с целью присуждения в его пользу денежной суммы в случае неисполнения должником судебного акта. При этом сумма, заявленная кредитором для взыскания, может быть снижена судом, если размер судебной неустойки является завышенным, необоснованным и приводит к неосновательному обогащению кредитора. При определении размера судебной неустойки деятельность суда должна основываться на принципах справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды. Однако неясным остается вопрос о том, каким образом практика снижения размера судебной неустойки будет соответствовать идее стимулирования должника к исполнению судебного решения, когда исполнение судебного акта представляется для него более выгодным, чем неисполнение.

Стоит отметить, что судебная неустойка может быть выражена как в твердой денежной сумме, так и в виде процентного соотношения (например, 0,1 % в день от стоимости непоставленного товара). Определяя ее размер, необходимо руководствоваться прежде всего тем, какую выгоду от неисполнения судебного акта извлекает должник.

Изначально институт астрента появился во Франции, а впоследствии заимствован Италией, Германией, Россией и другими странами. Правовая конструкция, содержащаяся сегодня в ст. 308.3 ГК РФ, принципиально отличается от

[1] *Камышанский В. П.* Обновление Гражданского кодекса Российской Федерации становится реальностью // Власть Закона. 2013. № 1 (13). С. 10.

[2] О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта: постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 (в ред. от 23.06.2015) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/70643070/ (дата обращения: 12.11.2021).

французского астрента. Отличие состоит в различном понимании правовой природы института во Франции и России. Во Франции астрент – это институт процессуального права, который применим не только к правоотношениям, подпадающим под сферу действия гражданского права, но и, например, к правоотношениям, которые регулируются нормами семейного права. Закрепление же норм, посвященных российскому астренту, в ГК РФ существенно ограничивает сферу действия института, препятствует его распространению на семейные, трудовые правоотношения. Помимо этого, использование термина «судебная неустойка» считают неудачным, так как он не отражает в полной мере цели института (стимулирования исполнения должником судебного решения) и вызывает сложности в отграничении неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств от судебной неустойки. Поскольку правовая природа французского и российского астрента различны, можно заключить, что российский институт не идентичен французскому и является новым, уникальным механизмом обеспечения необходимого поведения должника при исполнении судебного акта.

В. В. Витрянский также обращает внимание на содержащуюся в статье 308.3 ГК РФ ссылку на положения п. 1 ст. 330 ГК РФ и называет ее неуместной, поскольку неустойка, как указывает автор, не имеет отношения к французскому астренту[1].

Исследуемый институт применим не только к случаям, если должник обязан исполнить обязательство в натуре. Установление судебной неустойки возможно и в ситуации, если на должника возлагается обязанность воздержаться от совершения определенных действий, или на основании судебного решения ему необходимо устранить нарушение права собственности, не связанное с лишением владения. Иными словами, если речь идет о негаторном иске.

Итак, можно утверждать, что для применения института судебной неустойки необходим ряд условий:

1) по требованию суда должник должен совершить одно из перечисленных выше действий или воздержаться от совершения определенных действий;

[1] *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги: монография. М.: Статут, 2018. С. 125.

2) обязанность, в связи с неисполнением которой возникает спор, должна носить гражданско-правой характер;

3) положения статьи ГК РФ распространяются лишь на те правоотношения, которые возникли после вступления в силу Федерального закона № 42-ФЗ от 8 марта 2015 г. «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 42-ФЗ)[1], предусматривающего внесение изменений в ГК РФ, то есть после 1 июня 2015 г. К правоотношениям, возникшим до дня вступления в силу Закона № 42-ФЗ, положения ГК РФ в измененной редакции применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после дня вступления Закона № 42-ФЗ в силу (1 июня 2015 г.).

Дискуссионным признают вопрос о том, основное обязательство или факт неисполнения судебного акта возникнет после 1 июня 2015 г. Согласно утвердившейся в науке гражданского права точке зрения, к этой дате должен быть приурочен факт неисполнения судебного решения.

Л. Н. Кольцова в своей работе пишет о том, что «в данном случае момент возникновения между сторонами взаимных прав и обязанностей не имеет значения, а важен лишь момент вступления в законную силу решения суда, которым на ответчика возложена обязанность совершения определенных действий»[2]. Судебная практика это подтверждает. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РФ указано на неправомерность апелляционного определения по делу № 37-КГ18-4, поскольку отмену решения суда первой инстанции о взыскании судебной неустойки апелляционный суд мотивировал тем, что требование вытекало из договоров, которые заключены в 2010–2012 гг., то есть правоотношения возникли ранее 1 июня 2015 г. В определении Судебной коллегии Верховного суда РФ говорится о том, что судебная неустойка присуждается не за

[1] О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/70885222/ (дата обращения: 12.11.2021).

[2] *Кольцова Л. Н.* Судебная неустойка (астрент) как мера ответственности должника за неисполнение судебного решения // Экономика, право и управление. 2018. № 7. С. 103.

неисполнение договора, а на случай неисполнения публично-правового акта[1].

Кроме того, значим и вопрос о том, на какие отношения астрент не распространяется. Выделим две группы таких правоотношений.

При неисполнении денежных обязательств судебная неустойка не начисляется. Если речь идет о денежных обязательствах, то будет возможным применение ст. 395 ГК РФ, предусматривающей начисление процентов за неправомерное удержание денежных средств. В ряде случаев возможно применение и ст. 317.1 ГК РФ, согласно которой взыскиваются проценты за пользование денежными средствами.

Другая ситуация наблюдается, например, если иск содержит требование о переводе денежных средств на счет фонда, то есть денежные средства (сумма взноса) не используются ответчиком в качестве оплаты (средства платежа) или погашения денежного долга. Данное требование по своей природе денежным не является, а следовательно, будет возможным применение астрента по ст. 308.3 ГК РФ.

Нормы института не распространяют действие на публичные правоотношения (хотя бы одним из участников которых выступает публично-правовое образование), трудовые, семейные, пенсионные и споры, связанные с социальной поддержкой. Стоит упомянуть о том, что в 2018 г. ст. 174 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ и ст. 206 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ дополнены положениями, содержащими конструкции, схожие с судебной неустойкой, предусмотренной ст. 308.3 ГК РФ. Значимость указанных статей состоит в том, что они могут применяться к спорам административного характера с участием публично-правовых образований.

С какого момента происходит начисление судебной неустойки? По общему правилу, начисление неустойки осуществляется с первого дня, следующего за последним днем, установленным решением суда для исполнения обязательства. Однако некоторые суды взыскивают астрент с момента

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 сентября 2018 г. № 37-КГ18-4 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11092018-n-37-kg18-4/ (дата обращения: 31.10.2021).

вступления судебного решения в законную силу. Изложенный подход судов представляется необоснованным, поскольку допускается наличие объективных причин, с учетом которых у лица отсутствует возможность исполнить решение в день его вступления в законную силу. Единообразное применение такого положения приведет к тому, что с каждого второго должника будут взысканы денежные суммы в случае неисполнения судебного решения.

Поскольку кредитор вправе обратиться с просьбой об установлении судебной неустойки как в момент вынесения решения судом, так и спустя время после принятия судебного акта, возникает вопрос о том, возможно ли распространить ее действие на период, предшествующий моменту рассмотрения вопроса о ее установлении. Современная практика сформирована таким образом, что взыскание судебной неустойки за данный период недопустимо.

Судебная коллегия Верховного суда РФ указывает на цель установления астрента: ретроспективное взыскание судебной неустойки не соответствует той цели, на которую она в первую очередь направлена – стимулирование должника к совершению определенных действий или воздержанию от них[1]. Восстановление имущественного положения кредитора целью исследуемого института не является хотя бы потому, что возмещение убытков (цель которых – восстановление нарушенного права) происходит сверх суммы законной неустойки. Существуют периоды, за которые астрент взысканию не подлежит:

– в случае удовлетворения заявления лица об отсрочке или рассрочке исполнения судебного акта;

– в случае просрочки кредитора, то есть если кредитор отказывается принять надлежащее исполнение или если кредитор не совершил какие-либо действия, без которых должник не может исполнить обязательство;

– в случае невозможности исполнения обязанности (обстоятельства непреодолимой силы).

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2018 г. по делу № 305-ЭС17-17260 // Верховный Суд РФ. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3eaf8c23-4215-4334-9426-c8ae1c98ecdd/303ddc51-77f9-47e2-add8-b5d57b66c1f5/A40-28789-2014_20180315_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 31.10.2021).

Иная ситуация наблюдается, если на стадии исполнения судебного решения исполнение вследствие просрочки должника утратило для кредитора интерес. Несмотря на то, что законодатель относительно этой ситуации разъяснений не дает, суды при принятии решений руководствуются тем, что лицо утратило интерес ввиду несвоевременного исполнения судебного акта, а значит, взыскание судебной неустойки возможно.

Несмотря на то, что астрент называют «судебной неустойкой», неустойкой он по своей правовой природе не является. Подтверждается это тем, что астрент – мера стимулирующего характера (направлен на скорейшее исполнение судебного решения), а неустойка – способ обеспечения исполнения обязательства. Различаются они также по способу установления: судебную неустойку устанавливает суд, обычную неустойку – закон или соглашение сторон. В связи с этим можно сделать вывод о том, что одновременно может происходить взыскание судебной и законной (или договорной) неустойки. Об этом говорится и в п. 2 ст. 308.3 ГК РФ.

Н. А. Резина и Л. В. Иванова, в частности, пишут о том, что отсутствие ограничений может привести в конечном итоге к неосновательному обогащению кредитора[1]. В итоге появляется вопрос об экономической эффективности астрента, которую, как известно, должны учитывать суды при отправлении правосудия[2].

Исходя из того, что астрент выступает в качестве меры ответственности в случае неисполнения судебного акта, в отличие от неустойки, он имеет публично-правовую составляющую. Однако нельзя настаивать на том, что данные институты не связаны. Прослеживается некая аналогия со способами обеспечения обязательств (гл. 23 ГК РФ) с учетом того, что у них единые с астрентом назначение и цель[3].

---

[1] *Резина Н. А., Иванова Л. В.* Астрент: проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2016. № 1 (30). С. 20.

[2] *Камышанский В. П., Руденко Е. Ю.* Рецензия на учебник Гаджиева Г. А. «Право и экономика (методология): учебник для магистрантов. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 256 с.» // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 265.

[3] *Барышников А. С.* К вопросу о присуждении взыскателю денежных средств за неисполнение должником судебного акта (астрент) // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Междунар. науч.-практич. конф.: к 25-летию Гуманитарного университета. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С. 128.

Мерой ответственности за неисполнение судебного акта является судебный штраф (ст. 332 АПК РФ). Он имеет общее с судебной неустойкой назначение, но, в отличие от нее – четко фиксированный размер, зависящий от того, на кого он налагается (на гражданина, должностное лицо и т. д.), и поступает в доход федерального бюджета. Это свидетельствует о его публично-правовом характере. Тот факт, что российский астрент уплачивается в пользу кредитора, подтверждает наличие частноправовой природы у института.

Таким образом, правовая природа судебной неустойки сложна и неопределенна. Характеризуя астрент как категорию материального права, можно констатировать, что возникают сложности определения его положения в системе отрасли права. Он не соотносится с убытками, поскольку они имеют восстановительный и компенсаторный характер; нельзя рассматривать астрент и как разновидность неустойки (способа обеспечения исполнения обязательств), цель которой – защита интересов кредитора в случае неисполнения основного обязательства или просрочки его исполнения. Можно было бы предположить, что астрент – иной вид гражданско-правовой ответственности, но и в этом случае возникают значительные затруднения: возмещение убытков и уплата неустойки за неисполнение обязательства в натуре влекут прекращение обязательства, а судебная неустойка взыскивается независимо от убытков и неустойки. При рассмотрении судебной неустойки как института процессуального права появляется вопрос о закреплении института в нормах материального права и возможности его применения исключительно к обязанностям гражданско-правового характера. Все изложенное выше наводит на мысль о том, что астрент (судебная неустойка) – институт, находящийся на стыке материального и процессуального права и имеющий самостоятельную, уникальную правовую природу.

Отсутствие четкого механизма, определяющего порядок применения судебной неустойки, а также «скудность» практики ее применения приводят к тому, что эпизодически выносятся необоснованные и незаконные судебные решения. Интерес представляет следующая точка зрения: чтобы избежать злоупотребления правом на судебную неустойку, необходимо ввести закрытый перечень случаев, в которых данная норма не

может быть применима[1]. Полагаем, предложенная автором мера способствовала бы укреплению законности. Считаем также необходимым детально регламентировать процедуру определения размера судебной неустойки с учетом имущественного положения должника.

Библиографический список

1. Барышников А. С. К вопросу о присуждении взыскателю денежных средств за неисполнение должником судебного акта (астрент) // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф.: к 25-летию Гуманитарного университета. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С. 127–131.

2. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги: монография. М.: Статут, 2018. 528 с.

3. Головчанский Н. В. Внедрение судебной неустойки (астрент) российскую правовую систему // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник науч.-практ. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: АНО «НИИ АПСП», 2017. С. 52–55.

4. Камышанский В. П. Обновление Гражданского кодекса Российской Федерации становится реальностью // Власть Закона. 2013. № 1 (13). С. 10–11.

5. Камышанский В. П., Руденко Е. Ю. Рецензия на учебник Гаджиева Г. А. «Право и экономика (методология): учебник для магистрантов. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 256 с.» // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 262–271.

6. Кольцова Л. Н. Судебная неустойка (астрент) как мера ответственности должника за неисполнение судебного решения // Экономика, право и управление. 2018. № 7. С. 103–106.

7. Резина Н. А., Иванова Л. В. Астрент: проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2016. № 1 (30). С. 20–23.

[1] *Головчанский Н. В.* Внедрение судебной неустойки (астрент) российскую правовую систему // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник науч.-практ. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: АНО «НИИ АПСП», 2017. С. 52.

УДК 347.21
ББК 67.404.02

А. А. Онасенко
бакалавр
Южного федерального университета
onasenkoa99@mail.ru

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЖИЛИЩЕ» И «ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ» В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ПРАВЕ, В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ABOUT THE CORRELATION BETWEEN THE NOTIONS OF "DWELLING" AND "LIVING ACCOMMODATION" IN RUSSIAN PUBLIC AND PRIVATE LAW, IN THE JURISPRUDENCE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

В статье рассмотрена проблема соотношения понятий «жилище» и «жилое помещение». Актуальность исследования обусловлена тем, что до сих пор в юридической теории и практике не сложилось единого подхода к пониманию сущности данных понятий, которые напрямую связаны с реализацией субъективных прав граждан на жилище. Автор исследует соотношение понятий «жилище» и «жилое помещение» с позиций российского публичного и частного права, практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Сделан вывод о том, что, разграничивая указанные понятия, российский законодатель исходит из целей правового регулирования. Термин «жилище» используется, если речь идет о регулировании нематериальных (неимущественных) отношений. Термин «жилое помещение» применяется, если регулированию подлежат материальные (имущественные) отношения. Суды признают жилище в качестве жилого помещения только при соблюдении условий соответствия его санитарным, техническим и иным установленным требованиям, владения помещением на законных основаниях и признания помещения жилым, пригодным для проживания. Автор полагает, что в целях разграничения понятий «жилище» и «жилое помещение» необходимо исходить из того, на удовлетворение каких потребностей (материальных или нематериальных) направлен объект, из целей правового регулирования и из сферы общественных отношений (публичной или частной).

Ключевые слова: жилище, жилое помещение, соотношение понятий, судебная практика, метод правового регулирования, материальное благо, нежилое помещение.

The article deals with the problem of correlation between the notions of "dwelling" and "living accommodation". The relevance of the research stems from the fact that so far in legal theory and practice there is no unified approach to understanding the essence of these concepts, which are directly related to the realization of subjective rights of citizens to housing. The author investigates the correlation between the notions of "home" and "living quarters" from the point of view of the Russian public and private law and the European Court of Human Rights (ECHR) practice. The conclusion is made that while distinguishing these notions the Russian legislator proceeds from the purposes of the legal regulation. The term "dwelling" is used when it comes to regulating non-material (non-property) relations. The term "living quarters" is used if it is to regulate material (property) relations. Courts recognise a dwelling as a dwelling only if it meets sanitary, technical and other requirements, is legally owned and is recognised as habitable. The author considers that in order to differentiate between the concepts of "dwelling" and "living accommodation" it is necessary to proceed from what needs (material or non-material) the object is aimed at satisfying, from the purposes of legal regulation and from the sphere of public relations (public or private).

Keywords: dwelling, residential premises, relation of concepts, jurisprudence, method of legal regulation, material good, non-residential premises.

Анализ действующего российского законодательства позволяет утверждать, что в зависимости от целей правового регулирования одни и те же объекты права могут обеспечивать удовлетворение разнообразных потребностей человека, как материальных (имущественных), так и нематериальных (неимущественных). Причем указанные объекты могут выступать объектами и публичного, и частного интереса. Как правило, такие объекты направлены на удовлетворение базовых биологических и социальных потребностей человека, обеспечивают его выживание как биологического вида, функционирование его как полноценного члена общества.

К одному из этих объектов относится «жилище» или «жилое помещение», которое, в свою очередь, является объектом базового конституционного права на жилище[1]. Анализ буквального толкования терминов «жилище» и «жилое помещение» с

[1] *Камышанский В. П.* Понятие и содержание права на жилище // Власть Закона. 2020. № 1 (41). С. 53.

применением толковых словарей С. И. Ожегова[1], В. И. Даля[2] позволяет говорить об их тождественности в том смысле, что это помещения, в которых живут люди. Однако в отраслях российского законодательства данный термин используется в разных значениях[3]. Определяющим критерием при их установлении являются цель правового регулирования и система правовых ценностей, на защите которой стоит та или иная отрасль права.

Установление содержания термина «жилище» в первую очередь и соотношение его с понятием «жилое помещение» служит не только предметом научного интереса, но и имеет большое практическое значение, поскольку от ответа на этот вопрос зависит понимание содержания конституционного права российских граждан на жилище, а также система субъективных отраслевых жилищных прав на жилое помещение, оснований их возникновения, пределов осуществления и способов их защиты[4]. Как правило, материальные блага выступают в качестве объектов гражданских правоотношений, нематериальные блага – объектов уголовных и гражданских процессуальных отношений.

Следует обратить внимание на тот факт, что термин «жилище» употребляется в ст. 27 и 40 Конституции Российской Федерации (РФ), в ст. 139 Уголовного кодекса (УК) РФ, в п. 10 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, в ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) «О статусе военнослужащих», в ст. 30 Федерального закона от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», в ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», в ст. 7 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», в ст. 6 Федерального

[1] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. С. 688.

[2] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1999. С. 335.

[3] На этот факт обращают внимание ученые. См., например: *Руденко Е. Ю.* Особенности предмета и объекта ипотеки жилых помещений // Современное право. 2009. № 3. С. 88.

[4] Там же.

закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

Так, Конституция РФ в ч. 1 ст. 40 гласит о праве граждан на жилище: «Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища»[1]. Кроме того, Основной Закон страны предусматривает определенные механизмы по охране и защите данного права. Согласно ст. 25 Конституции РФ жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Основной Закон не раскрывает понятие «жилище». Однако анализ конституционно-правовых норм приводит к выводу о том, что «жилище» в конституционном праве – это комплексное понятие, которое трактуется гораздо шире, чем «жилое помещение».

Отметим, что единственное легальное определение понятия «жилище» содержится в УК РФ и УПК РФ. Согласно примечанию к ст. 139 УК РФ под «жилищем» понимают индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение, независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания[2]. УПК РФ содержит аналогичное определение. Обратим внимание на то, что термин «жилище» в УК РФ и УПК РФ раскрывается прежде всего для целей, направленных на раскрытие преступлений, связанных с жилищем. В данном случае понятие «жилище» нужно рассматривать в плоскости уголовного и уголовно-процессуального права.

В жилищном и гражданском праве используется понятие «жилое помещение». Именно жилое помещение выступает

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 18 февраля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

объектом жилищных и гражданских прав. Согласно ч. 2 ст. 15 «жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства (далее – требования))»[1]. На основе приведенной дефиниции можно выявить определенные признаки, которым должно соответствовать жилое помещение.

Первый признак заключается в изолированности жилого помещения. Под изолированностью подразумевается ограничение от остального пространства и обособление от жизнедеятельности других лиц. Второй признак, не менее существенный, относит жилое помещение к недвижимому имуществу. С учетом этого признака жилое помещение должно быть прочно связано с землей, его перемещение невозможно без причинения вреда и нарушения целостности.

Суть третьего признака состоит в пригодности для постоянного проживания. Под пригодностью понимаем соответствие различным санитарным нормам и правилам, установленным законодательством. Данный признак представляет особый интерес. Так, постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 утверждено специальное Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции[2]. Положение устанавливает ряд критериев, которым должно соответствовать жилое помещение. Практическое значение постановления от 28 января 2006 г. № 47 заключается в том, что в отечественном законодательстве разработаны четкие критерии признания помещения пригодным для проживания. Итак, анализ жилищно-правового подхода позволил прийти к выводу о том, что в жилищном праве под

[1] Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1. Ч. 1. Ст. 14.

[2] Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции: постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 (в ред. от 2 августа 2007 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 6. Ст. 702.

«жилищем» понимается жилое помещение, которое должно соответствовать определенным требованиям и которое направлено на удовлетворение естественных потребностей человека в жилье, в возможности постоянного проживания в жилом помещении.

В свою очередь, гражданско-правовой подход рассматривает жилое помещение как один из видов объекта гражданских прав, то есть в качестве недвижимой вещи. Согласно п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса (ГК) РФ к недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения[1]. ГК РФ также не раскрывает понятия «жилище», но причисляет его к объектам нематериальных благ, которые подлежат защите в соответствии с нормами гражданского законодательства. Важно отметить, что в п. 1 ст. 150 ГК РФ законодатель использует термин «жилище», хотя в последующих нормах оперирует понятием «жилое помещение». В частности, ст. 288 ГК РФ устанавливает определенные права и обязанности по владению, пользованию и распоряжению именно жилым помещением.

По итогам анализа указанных выше норм можно констатировать, что объектами конституционно-правовых, уголовно-правовых, процессуальных отношений выступают личные неимущественные блага, объектами жилищных и гражданских прав – материальные блага. Иными словами, в публичных правоотношениях, где присутствует особый метод правового регулирования и превалирует публичный интерес, объектом правового регулирования выступает личное неимущественное право, а в частных – объектом правоотношения (прав) служит материальный объект, обладающий вещественными характеристиками.

Анализ судебной практики способствовал выявлению определенных подходов к определению понятий «жилище» и «жилое помещение». Так, Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 2 июля 2009 г. № 14 предусматривает, что конституционное право граждан на жилище относится к основным правам человека и заключается в обеспечении государством стабильного, постоянного пользования жилым помещением лицами, занимающими его на законных

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

основаниях[1]. Пленум Верховного суда РФ также отметил, что объектом отношений, регулируемых жилищным законодательством, является жилое помещение, существенные признаки которого определены ст. 15 Жилищного кодекса (ЖК) РФ. Нельзя не учитывать, что Конституционный суд РФ в постановлении от 14 мая 2012 г. № 12-П указал на то, что жилое помещение является видом жилища[2]. Подобная позиция прослеживается у К. И. Магомедовой, которая полагает, что жилое помещение способно удовлетворять потребность человека в жилище, служить средством реализации конституционных прав и свобод граждан[3]. Сопоставляя понятия «жилое помещение» и «жилище», можно утверждать, что термин «жилое помещение» по смыслу является более узким в сравнении с понятием «жилище», поскольку «жилищем» в самом широком смысле может служить любое помещение, удовлетворяющее естественную потребность человека в жилье. Однако не всякое потенциальное жилище, в том числе нежилое помещение, можно признать жилым.

Иная позиция выработана Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ). В его практике установилось широкое толкование понятия «жилище», под которым понимаются помещения, занимаемые на законном и незаконном основании, жилые и нежилые помещения, принадлежащие физическим и юридическим лицам. Такой широкий подход ЕСПЧ к понятию «жилище» основан на ст. 8 Конвенции о защите прав человека и

[1] О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/ (дата обращения: 22.10.2021).

[2] По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова: постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 21. Ст. 2697; См. об этом: Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137604/ (дата обращения: 22.10.2021).

[3] *Магомедова К. И.* Правовая природа жилого помещения // Семейное и жилищное право. 2009. № 4. С. 41.

основных свобод о праве каждого на уважение «жилища»[1]. Обратим внимание на то обстоятельство, что ст. 8 Конвенции не содержит определения «жилище». Из этого следует, что ЕСПЧ толкует указанное понятие по каждому делу с учетом его индивидуальных особенностей, но не дает общего определения, учитывая тем самым тот факт, что понятие «жилище» – явление динамичное и может изменяться по мере развития общества.

Изучение практики по исследуемому вопросу позволяет выявить несколько подходов ЕСПЧ к понятию «жилище». Первый заключается в том, что «жилище» не ограничивается помещением, занимаемым на законных основаниях (как на это указывал Пленум Верховного суда РФ). При решении вопроса о вторжении в жилище ЕСПЧ предлагает руководствоваться сложившимися устойчивыми связями с конкретным местом проживания. Например, по делу «Прокопович против России», не исследуя вопроса о законности проживания заявительницы в квартире умершего сожителя, ЕСПЧ констатировал нарушение национальными властями ст. 8 Конвенции и признал незаконным вмешательство в жилище заявительницы сотрудников правоохранительных органов и ее последующее выселение из квартиры[2]. При вынесении решения по данному делу ЕСПЧ учитывал тот факт, что у заявительницы сложились тесные и продолжительные связи с указанной квартирой для того, чтобы ее можно было признать жилищем заявительницы.

Подобная позиция ЕСПЧ прослеживается в деле «Блечич против Хорватии»[3]. Заявительнице по договору найма принадлежала квартира в Хорватии. Однако с июля 1991 г. по май 1992 г. она отсутствовала в этой квартире в связи с поездкой к дочери. Судебным решением прекращены ее права в отношении жилья на основании ее отсутствия в квартире свыше шести месяцев без уважительных причин. ЕСПЧ признал

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. и доп.) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/2540800/ (дата обращения: 22.10.2021).

[2] Постановление Европейского суда по правам человека от 18 ноября 2004 г. по делу «Прокопович (Prokopovich) против Российской Федерации» (жалоба № 58255/00) // HUDOC: правовой портал. URL: http://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-94343 (дата обращения: 22.10.2021).

[3] Постановление Европейского суда по правам человека от 29 июля 2004 г. по делу «Блечич (Blecic) против Хорватии» (жалоба № 59532/00) // HUDOC: правовой портал. URL: http://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-185941 (дата обращения: 22.10.2021).

вторжение в жилище незаконным и нарушение ст. 8 Конвенции национальными властями Хорватии, руководствуясь тем, что, уезжая навестить дочь за границу, заявительница оставила мебель и личные вещи, из чего следует, что она не намеревалась окончательно покидать данную квартиру.

Особого внимания заслуживает подход, в соответствии с которым под «жилищем» ЕСПЧ понимает не только жилые помещения, что характерно для российского правопорядка, но и нежилые. В частности, по делу «Нимитц против Германии» ЕСПЧ вынес решение, согласно которому обыск в адвокатской конторе заявителя признан вторжением в жилище[1]. В рассматриваемом деле ЕСПЧ признал, что допущено нарушение ст. 8 Конвенции, и уточнил, что термин «жилище» не ограничивается исключительно жилыми помещениями, но может распространяться и на нежилые – деловые офисы адвокатского типа. По сути, признав жилищем адвокатскую контору, ЕСПЧ указал, что в нем, помимо профессиональной деятельности заявителя, прослеживается и его личная жизнь. Подобная позиция прослеживается и в ряде других постановлений ЕСПЧ.

По делу «Кесласси против Франции» заявитель был владельцем компаний и использовал место своего проживания как для личных нужд, так и для нужд компании[2]. ЕСПЧ подтвердил вмешательство в право заявителя на уважение его жилища при производстве обыска в помещениях, использовавшихся компаниями. По другому делу – «Бак против Германии» – ЕСПЧ вновь подтвердил, что понятие «жилище» может быть распространено на служебные помещения[3]. По этому делу указанный суд констатировал вмешательство в право заявителя на уважение жилища в связи с производством обыска как в его жилых, так и в служебных помещениях. Аналогичная

[1] Постановление Европейского суда по правам человека от 16 декабря 1992 г. по делу «Нимитц (Niemietz) против Германии» (жалоба № 13710/88) // HUDOC: правовой портал. URL: http://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-57887 (дата обращения: 22.10.2021).

[2] Постановление Европейского суда по правам человека от 8 января 2002 г. по делу «Кесласси (Keslassy) против Франции» (жалоба № 51578/99) // HUDOC: правовой портал. URL: http://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-22882 (дата обращения: 22.10.2021).

[3] Постановление Европейского суда по правам человека от 28 апреля 2005 г. по делу «Бак (Buck) против Германии» (жалоба № 41604/98) // HUDOC: правовой портал. URL: http://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-185724 (дата обращения: 22.10.2021).

позиция высказана ЕСПЧ по делу «Чеппел против Соединенного Королевства»[1].

Во всех приведенных выше случаях ЕСПЧ в качестве ключевого критерия при признании жилищем того или иного помещения предлагает руководствоваться наличием тесной эмоциональной связи между лицом, занимающим помещение и помещением как таковым, не учитывая законности проживания в помещении или его предназначения. Ряд существенных характеристик такой связи выявлен в специальной литературе. К ним относятся чувство места – ощущение причастности к какому-то месту; чувство связи – ощущение, возникающее, если последовательность впечатлений от объекта не прерывается; чувство идентификации – сродни чувству места, но более интимное, личное, привязанное к конкретному жилью; чувство ориентации – легкость узнавания; чувство уединения – возможность защиты от нежелательных контактов; чувство порядка – возникает при стабильной, предсказуемой и управляемой среде; чувство масштаба – ощущение комфорта, уюта, возникающее в соразмерной человеку среде; чувство покоя – ощущение защищенности[2].

Однако критерий «тесной эмоциональной связи» лица с жилым помещением является отнюдь не универсальным и не может применяться во всех без исключения случаях. Кроме того, согласно выработанной ЕСПЧ правовой позиции, по каждому делу необходимо установить наличие тесной связи заявителя с помещением, которое он считает своим жилищем. Стоит отметить, что ЕСПЧ не во всех случаях безоговорочно признает наличие такой связи и, как следствие, любое помещением – жилым. Таким образом, практика ЕСПЧ выработала свою правовую позицию к соотношению понятий «жилище» и «жилое помещение», не характерную для российского правопорядка.

По результатам проведенного анализа можно сформулировать ряд выводов. Законодательство РФ, разграничивая понятия «жилище» и «жилое помещение», исходит из целей правового регулирования с использованием термина

[1] Постановление Европейского суда по правам человека от 30 марта 1989 г. по делу «Чеппел (Chappell) против Соединенного Королевства» (жалоба № 10461/83) // HUDOC: правовой портал. URL: http://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-57459 (дата обращения: 22.10.2021).

[2] *Штейнбах Х. Э., Еленский В. И.* Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004. С. 82.

«жилище», если речь идет о регулировании нематериальных (неимущественных) отношений, и термина «жилое помещение», если регулированию подлежат материальные (имущественные) отношения. Кроме того, судебная практика развивается по пути признания жилищем в качестве жилого помещения лишь при соблюдении ряда условий: соответствия санитарным, техническим и иным установленным законодательством требованиям, владения помещением на законных основаниях и признания помещения жилым и пригодным для проживания. Изложенный подход вполне обоснован, сформирован с учетом исторических, культурных традиций и в целом характерен для российского правопорядка. Таким образом, во избежание практических трудностей при разграничении понятий «жилище» и «жилое помещение» целесообразно исходить из того, на удовлетворение каких потребностей (материальных или нематериальных) направлен объект, из целей правового регулирования и из сферы общественных отношений (публичной или частной).

Библиографический список

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 907 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1999. 699 с.

3. Камышанский В. П. Понятие и содержание права на жилище // Власть Закона. 2020. № 1 (41). С. 52–60.

4. Магомедова К. И. Правовая природа жилого помещения // Семейное и жилищное право. 2009. № 4. С. 41–43.

5. Руденко Е. Ю. Особенности предмета и объекта ипотеки жилых помещений // Современное право. 2009. № 3. С. 87–89.

6. Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004. 179 с.7. *Текеева Л. А.* Открытые лицензии в праве интеллектуальной собственности: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2017. 172 с.

УДК 347.9
ББК 67.404.5

К. И. Ряполова
бакалавр
Кубанского государственного
аграрного университета имени
И. Т. Трубилина
kryapolova@inbox.ru

ПРОЦЕДУРА МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ)

INTERNATIONAL ADOPTION PROCEDURE

В настоящей статье рассмотрены некоторые правовые проблемы и практика международного усыновления (удочерения). Речь идет о том, что, благодаря открытой политике, которую пытаются вести многие страны с учетом процесса глобализации мирового сообщества, в современном обществе нередки случаи воспитания детей в иностранных семьях. Автор в первую очередь анализирует проблемы правового регулирования международного усыновления в Российской Федерации, выделяя пробелы в этой сфере. Подробно освещены требования и ограничения, существующие в отношении иностранных лиц и лиц без гражданства при процедуре усыновления детей из России.

Ключевые слова: усыновление, иностранный гражданин, лицо без гражданства, дети, родители, семья, международное усыновление.

This article examines some of the legal problems and practices of international adoption. It is a matter of fact that, thanks to the open policy that many countries are trying to pursue in view of the globalisation of the world community, it is not uncommon in modern society for children to be raised by foreign families. The author primarily analyzes the problems of legal regulation of international adoption in the Russian Federation, highlighting the gaps in this area. The requirements and limitations for foreigners and stateless persons in the adoption procedure for children from Russia are highlighted in detail.

Keywords: adoption, foreign national, stateless person, children, parents, family, international adoption.

В ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации (РФ)[1] закреплено положение о признании прав человека и гражданина, что также является основополагающим принципом деятельности нашей страны. Конечно, к гражданам РФ относятся и несовершеннолетние, чьи права защищает еще и Семейный кодекс РФ[2] (в п. 1 ст. 54 закреплено право на жизнь и воспитание в семье). Таким образом, Россия соответствует международным нормам и выполняет свои международные обязанности, которые закреплены в Конвенции ООН «О правах ребенка»[3]. Область семейно-правовых отношений в международном частном праве широко регламентирована в законодательстве различных государств[4].

В российском государстве каждый ребенок прежде всего имеет право жить и воспитываться в родной семье. Если эта возможность отсутствует, появляется вариант замещающей семьи, в том числе и иностранной замещающей семьи. Такая практика нередко наблюдается в наши дни, что уже давно не вызывает у окружающих удивления. Однако даже в современном обществе возникают проблемы при усыновлении иностранными гражданами российских детей[5].

В частности, в современном законодательстве одной из гарантий защиты прав ребенка является их устройство в другую некровную семью, преимущественно в семью российских граждан. Но исключением не являются процедуры

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 04.02.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 15.11.2021).

[3] Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 15.11.2021).

[4] *Kudryavtseva L., Kolesnikova V., Miroshnichenko O.* Alimony obligations of parents and children in international private law // Actual problems of modernity. 2017. Vol. 4. No. 18. P. 38.

[5] *Кудрявцева Л. В., Михневич А. В., Байдина В. С.* Проблемы международного усыновления // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 56.

международного усыновления. Если ребенок не может найти семью в России, то он имеет право на определение в семью за границей.

Многие ученые говорят о значимости данной проблемы. В своей работе «О проблемных вопросах правового регулирования, связанных с лишением и ограничением родителей в родительских правах» Л. В. Кудрявцева указывает, что «вопросы укрепления российской семьи поставлены Президентом Российской Федерации на один уровень с вопросами национальной безопасности, экономического развития»[1].

В настоящей статье заявлена тема международного усыновления, то есть усыновления иностранными гражданами и лицами без гражданства детей из России. Законодательно закреплены определенные ограничения, которые нами будут рассмотрены далее. Самое обсуждаемое ограничение – запрет усыновления российских детей гражданами из США, закрепленный в ст. 4 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»[2]. Этот закон еще называют законом Димы Яковлева, в честь погибшего ребенка в США по вине усыновителя, который оставил его на жаре в машине. Суд при этом оправдал усыновителя. Многие небезразличны к судьбе детей, находившихся за границей, подобные ситуации вызывают определенную реакцию. Правительство связывает это и с тем, что США уже имеют многотысячные долги по отчетам о настоящем положении ранее усыновленных детей из России. Данное условие является дискуссионным. Многие высказали мнение в поддержку такого решения, другие нашли его дискриминационным и неоправданным. Сегодня изменения в данном аспекте

[1] *Кудрявцева Л. В.* О проблемных вопросах правового регулирования, связанных с лишением и ограничением родителей в родительских правах // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам 72-й науч.-практ. конф. преподавателей по итогам НИР за 2016 г. Краснодар: КубГАУ, 2017. С. 652.

[2] О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Правительство России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36642 (дата обращения: 15.11.2021).

правоотношений не наблюдаются, а значит, запрет по-прежнему остается актуальным.

Запрещается передача детей в семью с однополым браком в соответствии с законодательством своего государства, в котором такой брак разрешен, а также лиц, являющихся гражданами указанного государства и не состоящих в браке. Поскольку Россия в контексте анализируемого вопроса выступает консервативной страной (в отличие от ряда европейских стран, в российском государстве введен запрет на указанный вид брака), то и детей отправить в однополую семью считается невозможным. У большинства россиян сложились устоявшиеся представления о том, как должна выглядеть традиционная семья. Поэтому относительно данного вопроса большая часть жителей согласны с законом.

Вопрос об усыновлении братьев и сестер решается классически, недопустимо их усыновление по отдельности. Исключением служит лишь ситуация, если такое усыновление отвечает интересам детей. В законодательстве отсутствуют ограничения в рассматриваемом институте по отношению к состоянию здоровья детей. Приоритет – только защита прав детей и стремление создать им самые благоприятные условия для жизни. Усыновление допускается исключительно в интересах детей: с учетом их этнического происхождения, принадлежности к определенной религии и культуре, родного языка, возможности обеспечения преемственности в воспитании и образовании, а также с учетом возможностей дать детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие.

Существует и перечень требований к усыновителям. В первую очередь усыновителем может стать только физическое лицо, достигшее возраста совершеннолетия. Усыновителем может быть семейная пара или одно лицо, состоящее или не состоящее в браке. Проверяют информацию о данном лице досконально, начиная от таких общих сведений, как были названы, до состояния здоровья и возможности обеспечить ребенка, воспитать его полноценным членом общества. Иностранные граждане могут представить документы о прохождении подготовки на территории государства, в котором они постоянно проживают, с учетом тематики и в объеме не менее, чем это предусмотрено требованиями к содержанию программы

подготовки названых лиц, утвержденными Министерством образования и науки РФ[1].

При решении указанного вопроса важно учитывать мнение ребенка. Так, соблюдаются положения ст. 57 СК РФ и Конвенции о правах ребенка, суды выясняют мнение детей, достигших возраста 10 лет, об их усыновлении. Примером из практики может послужить то, что при рассмотрении одного из дел о международном усыновлении мальчик 2010 года рождения в присутствии социального педагога детского дома пояснил, что понимает, что заявители хотят его усыновить. Ребенок заявил, что ему нравятся усыновители, и он согласен уехать с ними во Францию, изменить фамилию. Суд дал ему такую возможность.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что Россией создан эффективный механизм контроля за условиями жизни детей, переданных на усыновление за пределы страны. Но следует учитывать, что в соответствии с Гаагской конвенцией от 29 мая 1993 г. при неблагополучной ситуации в семье усыновителя покровительство ребенку оказывает принимающее государство, а контроль осуществляет Центральный орган[2]. Поэтому наблюдать дальнейшую судьбу усыновленных российских детей зачастую представляется затруднительным. Нередко ввиду адаптации детям требуется помощь русскоговорящего психолога, врача, другого специалиста, что является пробелом в контексте рассматриваемой темы.

Таким образом, предлагаем принять федеральный закон, регулирующий определенные аспекты социальной адаптации детей-сирот. Нужно совершенствовать и механизмы обеспечения защиты и поддержки детей, оказавшихся за границей. Для этого представляется возможным рассмотрение вопроса о создании международного органа, который будет ответственным за положение усыновленных детей, находящихся в чужих семьях, в

[1] Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации: приказ Министерства образования и науки России от 20 августа 2012 г. № 623 // Гарант.ру: информационно-справочный портал. URL: https://base.garant.ru/70220398/ (дата обращения: 15.11.2021).

[2] *Абрамова С. А.* Защита прав и интересов детей – граждан России при их усыновлении иностранными гражданами и лицами без гражданства по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 12.

других странах, а также будет оказывать поддержку в необходимые моменты. В обязанности сотрудников данного органа должно входить регулярное посещение детей в начальный период их проживания в новой стране, чтобы убедиться в их безопасном положении. Безусловно, сотрудничество с Россией необходимо для предоставления отчета о моральном и физическом состоянии ребенка.

Библиографический список

1. Абрамова С. А. Защита прав и интересов детей – граждан России при их усыновлении иностранными гражданами и лицами без гражданства по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 34 с.

2. Кудрявцева Л. В., Михневич А. В., Байдина В. С. Проблемы международного усыновления // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 56–60.

3. Кудрявцева Л. В. О проблемных вопросах правового регулирования, связанных с лишением и ограничением родителей в родительских правах // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам 72-й науч.-практ. конф. преподавателей по итогам НИР за 2016 г. Краснодар: КубГАУ, 2017. С. 652–653.

4. Kudryavtseva L., Kolesnikova V., Miroshnichenko O. Alimony obligations of parents and children in international private law // Actual problems of modernity. 2017. Vol. 4. No. 18. P. 38–43.

УДК 347.1
ББК 67.404.0

О. О. Пустовалова
бакалавр
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
olga.law2000@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

ABOUT THE LEGAL STATUS AND LIABILITY OF TRUSTEE IN INSOLVENCY

В статье описаны возникающие в теории проблемы правоотношений с участием арбитражного управляющего и пути их развития. Автором рассмотрены вопросы о правовом статусе арбитражного управляющего, применении института административной ответственности арбитражного управляющего, правовых и практических последствиях привлечения арбитражного управляющего к ответственности, страхования ответственности арбитражных управляющих, пробелы в нормативной базе. В заключение сделан вывод о том, что динамика развития законодательства в сфере банкротства предопределяет правовой статус и правовое положение арбитражного управляющего. Правоотношения с его участием развиваются динамично, и законодатель должен своевременно и эффективно реагировать на эти изменения. Согласно авторской позиции, давно назрела необходимость сокращения сроков исковой давности за административные правонарушения, обеспечения большей правовой защищенности арбитражных управляющих и бывших арбитражных управляющих.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, правовой статус, саморегулируемые организации (СРО), процедура банкротства, ответственность, страхование ответственности, списание долга.

The article describes the problems arising in the theory of legal relations with the participation of a court-appointed trustee in insolvency and ways of their development. The author considers issues on the legal status of court-appointed administrator, application of institute of administrative responsibility of court-appointed administrator, legal and practical consequences of bringing a court-appointed administrator to responsibility, insurance liability of court-appointed administrators, gaps in the regulatory framework. In the conclusion it is concluded that the dynamics of development of legislation in the field of bankruptcy

predetermines the legal status and legal position of a court-appointed trustee. Legal relations with his participation are developing dynamically, and the legislator must timely and effectively respond to these changes. According to the author's position, there is a long overdue need to reduce the limitation period for administrative offences, to provide greater legal protection of court-appointed trustees and former court-appointed trustees.

Keywords: insolvency practitioner, legal status, self-regulatory organisations (SROs), bankruptcy proceedings, liability, liability insurance, debt forgiveness.

Несостоятельность, как правовое явление, представляет собой неспособность должника исполнить денежные обязательства перед кредиторами. В таком случае должнику следует пройти определенную процедуру – банкротство. Процедура банкротства характеризуется как процесс правомерного списания долгов с неплатежеспособных лиц и выступает в качестве механизма разрешения противоречий между участниками экономического оборота. Таким образом, институт банкротства представляется как средство вывода должника из затруднительного финансового положения. Реализация данной процедуры относится к компетенции арбитражных управляющих.

Арбитражным управляющим может быть гражданин Российской Федерации (РФ), который соответствует следующим условиям. Во-первых, наличие высшего юридического образования – начальная ступень приобретения статуса арбитражного управляющего (допускается наличие любого высшего образования, но, как показывает практика, лучше, если оно будет юридическим или экономическим). Во-вторых, у гражданина РФ, претендующего получить такой правовой статус, должен быть определенный стаж работы на руководящих должностях (не менее года), и он должен пройти стажировку в качестве помощника арбитражного управляющего в деле о банкротстве (не менее двух лет). В-третьих, должен быть сдан теоретический экзамен по программе подготовки арбитражных управляющих. В-четвертых, лицо не должно быть дисквалифицировано за совершение административного правонарушения, в том числе не должно быть лишено права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за совершение преступления. В-пятых, у лица должна отсутствовать судимость за совершение умышленного преступления. Последнее, не менее важное условие заключается в

том, что лицо должно иметь членство в саморегулируемой организации (далее – СРО) арбитражных управляющих.

Арбитражного управляющего назначает суд по представлению СРО, в котором он состоит. Помимо условий приобретения указанного статуса, существуют условия для назначения того или иного управляющего, а именно: не могут быть назначены в качестве временных управляющих, административных управляющих, внешних управляющих, конкурсных управляющих заинтересованные по отношению к должнику либо кредиторам лица; лица, не возместившие убытки, причиненные должнику, кредиторам (и иным лицам) в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на этих лиц обязанностей в ранее проведенных процедурах, применяемых в деле о банкротстве. Те, кто проходит процедуру банкротства, дисквалифицированные лица и лица, не имеющие заключенных договоров страхования ответственности на случай причинения убытков участникам дела о банкротстве, также не могут вести банкротство других лиц.

В ряде случаев необходимыми условиями для арбитражного управляющего могут быть доступ к государственной тайне; наличие высшего юридического или экономического образования либо образования по специальности, соответствующей сфере деятельности должника; наличие определенного стажа работы на должностях руководителей организаций в соответствующей отрасли экономики; проведение в качестве арбитражного управляющего определенного количества процедур, применяемых в деле о банкротстве[1]. Возникают вопросы о том, кто выступает в качестве арбитражного управляющего, какова его роль в делах о банкротстве.

Мнения относительно этого различаются. Одни ученые считают, что арбитражный управляющий – это представитель кредиторов[2], другие убеждены в том, что он – представитель

[1] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 15.11.2021).

[2] *Бардзкий А. Э.* О пределах власти окружного суда при назначении присяжных попечителей по делам несостоятельных должников // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. № 10. С. 35.

должника[1], третьи полагают, что арбитражный управляющий представляет интересы не только кредиторов и должника, но и собственника имущества, учредителей должника, гражданского оборота и собственные[2], четвертые утверждают, что арбитражный управляющий – это орган должника[3]. Кроме того, существует мнение о том, что в разных процедурах управляющий представляет интересы разных лиц: во внешнем управлении – должника, в конкурсном производстве – кредиторов, при мировом соглашении – государства[4]. По мнению В. Ф. Попондопуло, арбитражный управляющий «не является представителем кого-либо из участников дела о банкротстве, поскольку он сам является лицом, участвующим в деле о банкротстве»[5].

В итоге становится очевидным, что среди ученых нет единообразного мнения относительно этого вопроса, по крайней мере, сегодня. Множество теорий о сущности арбитражного управляющего можно обосновать следующим образом: как и процедура банкротства, так и деятельность управляющего обширны, поскольку связаны с большим количеством правоотношений и их участников. В контексте законодательного понимания роли арбитражного управляющего и требований к нему стоит проанализировать динамику развития законодательства в сфере банкротства.

Ранее арбитражным управляющим признан гражданин РФ, утвержденный арбитражным судом для проведения процедур банкротства и осуществления иных установленных законом

---

[1] *Полуэктов М.* Правовой статус арбитражного управляющего // Законодательство и экономика. 2000. № 1. С. 28.

[2] *Эрлих М. Е.* Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения: монография. М.: Проспект, 2014. С. 116–117; *Карелина С. А., Эрлих М. Е.* Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов // Право и экономика. 2012. № 3. С. 3.

[3] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. С. 789–790; *Телюкина М.* Полномочия конкурсного управляющего и теоретические проблемы определения его статуса // Юридический мир. 1999. № 1–2. С. 37.

[4] *Семина А. Н.* Банкротство: вопросы правоспособности должника – юридического лица. М.: Экзамен, 2003. С. 90–91; *Тай Ю. В.* Правовые проблемы арбитражного управления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 24.

[5] *Камышанский В. П., Коновалов А. И.* Рецензия на книгу: Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1 (300). С. 258.

полномочий и являющийся членом одной из СРО[1]. Сегодня, согласно ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, арбитражный управляющий – гражданин РФ, являющийся членом СРО. Иными словами, арбитражный управляющий сегодня обособлен от арбитражного суда, что представляет собой определенную независимость статуса управляющего от судебной ветви власти.

Далее следует обратить внимание на вопрос о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Деятельность арбитражного управляющего была признана предпринимательской деятельностью. В соответствии со ст. 23 Гражданского кодекса (ГК) РФ гражданин вправе осуществлять предпринимательскую деятельность с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя[2]. С 1 января 2010 г. арбитражный управляющий не обязан регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. Тем самым это означает, что деятельность арбитражного управляющего не признается предпринимательской.

Данная правовая позиция сформулирована Конституционным судом РФ в 2005 г., когда обязательное требование закона о необходимости регистрации арбитражного управляющего в качестве индивидуального предпринимателя с учетом ст. 2 ГК РФ о предпринимательской деятельности как самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг, признано не сочетающимся с реальным характером деятельности арбитражного управляющего[3]. Отметим, что деятельность арбитражного управляющего не соответствовала ряду признаков, присущих предпринимательской детальности, поскольку целью

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: федер. закон от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83460/ (дата обращения: 15.11.2021).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] *Дорохина Е. Г.* Правовое регулирование управления в системе банкротства. М., 2009. С. 69.

деятельности арбитражного управляющего на любой стадии несостоятельности являлось обеспечение баланса интересов всех участников процесса банкротства, а не получение прибыли.

Проанализируем меры административной ответственности арбитражного управляющего. Согласно ранее действовавшей редакции ч. 3 ст. 14.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях[1]неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния) влечет наложение административного штрафа на арбитражного управляющего в размере от двух тысяч пятисот до пяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от шести месяцев до трех лет. В настоящее время с учетом внесенных изменений ч. 3 ст. 14.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях[2] предусматривает несколько иную ответственность арбитражного управляющего за аналогичные правонарушения: предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот тысяч до двухсот пятидесяти тысяч рублей.

Не лишним будет упомянуть об изменении сроков исковой давности. Согласно ранее действовавшей редакции п. 2 ст. 181 ГК РФ срок исковой давности был равен году. В соответствии с последней редакцией ГК РФ сроки исковой давности продлены до трех лет. Данное изменение, разумеется, повлияло на сроки привлечения к административной ответственности арбитражных управляющих, то есть сегодня арбитражный управляющий может быть привлечен к административной ответственности в течение трех лет с момента завершения одного из множества тех дел, которое он вел в банкротстве. Изменение сроков можно

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: федер. закон от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191304/ (дата обращения: 15.11.2021).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.11.2021).

рассматривать с двух сторон: с точки зрения единообразия правовой системы обобщение сроков исковой давности для всех случаев – это удобно, но с практической точки зрения – это не вполне уместно. Такие изменения применительно к регулированию деятельности арбитражных управляющих значительно усложняют им жизнь, поскольку, как показывает практика, в течение года один арбитражный управляющий ведет множество дел. Следовательно, в течение трех лет количество дел становится больше в разы. Это само по себе уже является большой психологической нагрузкой для управляющего. Благодаря увеличению сроков исковой давности давление на управляющего усиливается.

Что будет, если арбитражного управляющего все-таки привлекут к административной ответственности? Дисквалификация (в случае повторного привлечения) и штраф. Что означает дисквалификация для арбитражного управляющего? Дисквалификация – это конец репутации. Арбитражный управляющий потеряет статус, следовательно, должен будет покинуть СРО, в котором состоит, и в течение трех лет он не имеет права заниматься банкротными делами. Лицо теряет своих клиентов, опускается в рейтингах и, в случае большого желания вернуться в «струю» ему придется начинать все с начала. В этой связи у законодателя появилась идея: не запретить ли арбитражным управляющим вести более трех дел параллельно? И снова неуместное предложение.

Так, в 2016 г. арбитражным управляющим хотели разрешить проводить одновременно не более трех процедур банкротства в своем регионе либо только одну – в другом субъекте РФ[1]. Казалось бы, идея хорошая, однако это подводит нас к вопросу о том, кто будет заниматься малоприбыльными делами. Нельзя не учитывать, что официальная зарплата арбитражного управляющего, согласно ст. 20.6. Федерального закона от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)», составляет 30 000 руб./мес. – для временного управляющего, 15 000 руб./мес. – для административного управляющего, 45 000

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (в части условий назначения арбитражных управляющих): законопроект № 1079185-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1079185-6 (дата обращения: 15.11.2021).

руб./мес. – для внешнего управляющего, 35 000 руб./мес. – для конкурсного управляющего, 25 000 руб. (единовременно за проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве) – для финансового управляющего. Следовательно, наибольшая доходная часть управляющего – процент с реализации имущества должника. Возникает еще ряд вопросов. Каковы перспективы, если у должника отсутствует имущество либо этого имущества слишком мало, чтобы можно было считать процент от стоимости имущества после его реализации достойной платой за проделанный труд, учитывая, что расходы за правильное проведение процедуры банкротства возложены также на арбитражного управляющего (к ним относятся рассылка писем кредиторам, размещение объявления в газете о начале проведения банкротства, содержание имущества должника и т. д.). Если бы законопроект утвердили, кто бы занимался неприбыльными делами?

Рассмотрим далее аспект, относящийся к обязательному заключению арбитражным управляющим договора страхования ответственности в случае причинения убытков лицам, участвующим в деле о банкротстве. Арбитражный управляющий обязан заключить указанный договор страхования, внеся в среднем от 70 до 130 тыс. руб., в зависимости от ценовой политики страховой компании. В случае причинения арбитражным управляющим убытков участникам банкротства страховой договор покрывает эти убытки. Если денежных средств, согласно договору, будет недостаточно, к решению вопроса о возмещении убытков присоединяется компенсационный фонд СРО, в которой состоит управляющий. Если и этих средств недостаточно, управляющий вносит дополнительно собственные средства.

После погашения убытков участникам банкротного процесса арбитражный управляющий должен вернуть деньги в компенсационный фонд своего СРО, далее – снова внести деньги в страховую компанию, иначе продолжать заниматься профессиональной деятельностью ему не разрешено. Если арбитражный управляющий лишится статуса (добровольно или в результате дисквалификации), он не вправе требовать возврата своих денежных средств, которые внесены по договору обязательного страхования, в течение трех лет (чтобы при возникновении страхового случая была финансовая возможность возместить убытки). Отметим, что по истечении трех лет истекает

и срок исковой давности для требования денежных средств, и, если в предусмотренный период страховой случай не наступает, страховщик оставляет денежные средства на своем счете, причем бывший арбитражный управляющий не может получить их обратно.

В связи с приведенным анализом правового положения арбитражных управляющих сопутствующими являются следующие вопросы. Стоило ли увеличивать сроки исковой давности для банкротного производства (для привлечения арбитражных управляющих к ответственности)? Нужно ли было ужесточать меры пресечения за административные правонарушения? Почему принцип работы договора страхования ответственности в большей степени похож на плату за право реализации своей профессиональной деятельности, нежели на страхование?

Являясь важнейшим правовым инструментом в регулировании имущественного оборота, институт банкротства призван решать задачи по защите интересов кредиторов в случае неспособности должника исполнить денежные обязательства или выполнить обязанность по уплате обязательных платежей, предоставлению несостоятельному должнику возможности при соблюдении установленных законом условий восстановить свою платежеспособность и возобновить хозяйственную деятельность. При всей значимости арбитражного управляющего его правовой статус сегодня неясен в теоретическом аспекте. В ходе непрерывного реформирования законодательства о банкротстве, о чем говорилось в настоящей статье, правовое положение арбитражного управляющего подверглось изменению.

Приведенный перечень общих обязанностей арбитражного управляющего свидетельствует о том, что управляющий стремится выявить и защитить права должника, кредиторов и государства. В связи с динамикой развития рассматриваемых правоотношений необходимо своевременно и эффективно реагировать на такие перемены посредством введения соответствующих изменений в законодательство: сократить сроки исковой давности за административные правонарушения с трех лет до одного года; обеспечить большую правовую защищенность арбитражных управляющих и бывших арбитражных управляющих в вопросе денежных средств, внесенных ими по договору обязательного страхования.

Библиографический список

1. *Бардзкий А. Э.* О пределах власти окружного суда при назначении присяжных попечителей по делам несостоятельных должников // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. № 10. С. 26–53.

2. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. 792 с.

3. *Дорохина Е. Г.* Правовое регулирование управления в системе банкротства. М., 2009. 375 с.

4. *Камышанский В. П., Коновалов А. И.* Рецензия на книгу: Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1 (300). С. 254–264.

5. *Карелина С. А., Эрлих М. Е.* Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов // Право и экономика. 2012. № 3. С. 3–14.

6. *Полуэктов М.* Правовой статус арбитражного управляющего // Законодательство и экономика. 2000. № 1. С. 24–30.

7. *Семина А. Н.* Банкротство: вопросы правоспособности должника – юридического лица. М.: Экзамен, 2003. 163 с.

8. *Тай Ю. В.* Правовые проблемы арбитражного управления: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 150 с.

9. *Телюкина М.* Полномочия конкурсного управляющего и теоретические проблемы определения его статуса // Юридический мир. 1999. № 1–2. С. 32–38.

10. *Эрлих М. Е.* Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения: монография. М.: Проспект, 2014. 153 с.

УДК 34.096
ББК 67.404.96

Л. С. Голубец
бакалавр
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ С ПОЗИЦИИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ

ABOUT SOME PROBLEMS IN HIGHER EDUCATION IN RUSSIA FROM THE VIEWPOINT OF THE STUDENT

Автором утверждается, что система отечественного образования претерпела влияние разных исторических эпох, так или иначе вобрав и сохранив их черты. В актуальной системе образования Российской Федерации отмена старых положений и введение новых осуществляются недопустимым методом – «методом проб и ошибок». Недостаточное финансирование образовательного сектора за счет средств, предусмотренных федеральным бюджетом, незаслуженное забвение частных образовательных организаций при равенстве правового положения наряду с государственными бюджетными образовательными организациями, государственная программа доступного образования, приватизация части образовательных учреждений – эти и некоторые другие вопросы освещены автором в настоящей статье. Показано альтернативное видение совершенствования образовательного фундамента России.

Ключевые слова: высшее образование, система российского образования, финансирование образовательного сектора, частные образовательные организации, государственная программа, приватизация образовательных учреждений, федеральный бюджет.

The author argues that the system of national education has been influenced by different historical periods, having in one way or another absorbed and preserved their features. The current system of education in the Russian Federation abolishes old regulations and introduces new ones by the unacceptable method of "trial and error". Inadequate funding of the educational sector from the federal budget, undeserved neglect of private educational organisations with equal legal status along with state budget-funded educational organisations, the state programme of affordable education, privatisation of some educational institutions - these and some other issues are highlighted by the author in this article. An alternative vision of improving the educational foundation of Russia is shown.

Keywords: higher education, Russian education system, financing of the education sector, private educational organisations, state programme, privatisation of educational institutions, federal budget.

Современное российское образование находится на стадии становления, приобретения стабильной и эффективной системы, оперативно отвечающей на запросы и тенденции развития общества и его институтов. В процессе формирования данной системы доминирующим методом регулирования нововведений является «метод проб и ошибок».

Считаем, что подобный подход недопустим, поскольку эксперимент над будущими специалистами обернется упадком всех сфер общества и государства. В связи с этим предлагаем свое видение образовательных реформ, которое может служить дорожной картой для компетентных органов государственной власти, определяющих окончательное оформление и укоренение «кузницы кадров» нашей огромной страны.

В процессе научного исследования нами проанализировано актуальное законодательство об образовании. Мы пришли к следующему выводу: сформированный базис вполне отвечает общемировым образовательным стандартам, однако имеет ряд недочетов не только в теоретическом, но и в практическом аспекте. Работа над совершенствованием выявленных просчетов позволит вывести образование на качественно иной, высокий уровень и, как следствие, кадровую платформу государства в целом.

В настоящее время педагогическое сообщество, ученые, широкая общественность обеспокоены судьбой находящегося в застойном состоянии отечественного образования. На всех уровнях широко обсуждают проблемы образования, подводят итоги реформирования, анализируют ошибки и предлагают пути выхода из кризиса. Главная проблема высшего образования – его излишняя коммерциализация, а вместе с тем и снижение доступности. При этом прослеживается дисбаланс. По сути, большинство вузов существует не за счет средств бюджетных ассигнований, а на частные средства. Данный факт отражает недостаточность финансирования вузов, снижение доли участия государства в финансировании сферы высшего образования.

Анализируя проблему коммерциализации образования, можно установить причину ее возникновения: «За счет

бюджетных ассигнований федерального бюджета осуществляется финансовое обеспечение обучения по образовательным программам высшего образования из расчета не менее чем восемьсот студентов на каждые десять тысяч человек в возрасте от семнадцати до тридцати лет, проживающих в Российской Федерации» (п. 2 ст. 100 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании)[1].

Принимая к сведению этот факт, несложно понять, что законодатель, ориентируясь на государственный бюджет, не может провозгласить высшее образование полностью бесплатным. В результате и происходит засилье коммерческими образовательными программами. Недостаточное финансирование сферы высшего образования невыгодно не только учебным заведениям, но и студентам. Данный факт, по нашему мнению, служит поводом к пересмотру расходной части бюджета, поскольку достаточное количество квалифицированных специалистов является постоянной величиной для непрерывного прогресса государства во всех областях.

Если государство не может в полной мере обеспечить своих граждан бесплатным образованием, то вполне закономерно возникает вопрос об актуальности государственной монополии на образование с точки зрения создания и организации образовательных учреждений. Безусловно, чуткое руководство государства в образовательной области необходимо. Однако ввиду полигамности государственного регулирования различных общественных сфер и недостатка ресурсов необходима альтернатива, которая давно известна на законодательном уровне. Речь идет о понятии «негосударственное бюджетное учреждение». Данный термин введен в оборот п. 7 ст. 22 Закона об образовании: «Частной образовательной организацией является образовательная организация, созданная в соответствии с законодательством Российской Федерации физическим лицом или физическими лицами и (или) юридическим лицом, юридическими лицами или их объединениями, за исключением иностранных религиозных организаций». Вместе с тем введены

[1] Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.11.2021).

ограничения на виды образовательных учреждений, создаваемых частными организациями. Об этом говорит п. 8 ст. 22 Закона об образовании: «Образовательные организации, реализующие образовательные программы высшего образования в области обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, могут создаваться только Российской Федерацией».

Ознакомившись с приведенными выше статьями, мы делаем вывод о том, что платформа для функционирования частных образовательных учреждений обширна.

Каково правовое положение студентов частных образовательных организаций? Закон говорит о том, что их положение идентично положению студентов государственных образовательных учреждений. Например, обратим внимание на выплату стипендий. В ч. 3 ст. 36 Закона об образовании закреплено, что студентам, обучающимся по очной форме обучения на бюджетной основе, назначается государственная академическая стипендия и (или) государственная и (социальная) стипендия. Согласно Правилам формирования стипендиального фонда за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета (утвержденных постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2016 г. № 1390) стипендиальный фонд частных организаций формируется Министерством образования и науки (далее – Минобрнауки) РФ при установлении таким организациям контрольных цифр приема. Соответственно, не имеет значения учредитель вуза: государственная единица или частное лицо, стипендия выплачивается, исходя из наличия бюджетных мест в той или иной образовательной организации**Ошибка! Закладка не определена.**.

Ранее в настоящей статье говорилось о бюджетных местах в частных образовательных организациях. Рассмотрим этот аспект детальнее. Бюджет негосударственному сектору выделяется с 2012 г. Бюджетные места (то есть контрольные цифры приема, КЦП) распределяются по итогам открытого конкурса Минобрнауки РФ. Участвовать в конкурсе могут все вузы, имеющие лицензию. Если министерство одобряет проект учебной программы, материальной базы, квалификацию преподавателей, вуз получает бюджетные места[1].

[1] Частный вуз VS госвуз. Что говорит закон? // Vuzopedia.ru. 6 июля. 2018. URL: https://vuzopedia.ru/articles/31 (дата обращения: 10.10.2021).

При выборе высшего учебного заведения будущий студент, а в дальнейшем и выпускник, задает самому себе вопрос об актуальности своего диплома. Если программа аккредитована, и негосударственные, и государственные вузы выдают дипломы «образца, установленного Министерством образования и науки РФ». Чтобы получить аккредитацию, все университеты проходят строгую проверку Рособрнадзора, а затем – не менее строгий мониторинг Минобрнауки РФ. Аналогичным равным доступом обладают образовательные организации и при получении лицензии на образовательную деятельность. Иными словами, если у университета не отозвана лицензия и не просрочена аккредитация, то с точки зрения государства – это соответствующий требованиям вуз.

Перейдем к вопросу об оплате обучения. Нами установлено, что бюджетные места в негосударственных вузах существуют. Как обстоят дела с местами на договорной основе? Согласно федеральным государственным образовательным стандартам высшего образования ни один вуз не может установить стоимость обучения ниже нормативных затрат, определенных Минобрнауки РФ. Однако п. 5 ст. 54 Закона об образовании предусмотрена возможность снижения вузом стоимости обучения: для этого вуз должен взять на себя часть затрат.

Существует еще один факт, свидетельствующий о гуманизме частных образовательных организаций по отношению к абитуриентам. Согласно ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 26 мая 2021 г.) «О воинской обязанности и военной службе» право на отсрочку от призыва на военную службу имеют граждане, получающие первое высшее образование по аккредитованной образовательной программе бакалавриата (специалитета, магистратуры) по очной форме обучения[1].

Завершает наш сравнительный список характеристик вопрос об уровне социальной защищенности студентов. В частности, студенты всех вузов, независимо от формы собственности, имеют право на предоставление мер социальной поддержки при проезде на общественном транспорте, получение

[1] О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 14.11.2021).

материальной помощи и других денежных выплат, предусмотренных законодательством об образовании.

Подводя промежуточный итог на основе перечисленных фактов, отметим, что частные учебные заведения безосновательно непопулярны среди абитуриентов. Но сделаем оговорку: такие учебные заведения незаслуженно игнорируют при условии равенства возможностей в вопросах оплаты обучения законными представителями абитуриента. Сегодня важным тезисом, несущим семя сомнения в умы будущих студентов и их родителей, является котировка и престиж диплома при трудоустройстве. Полагаем, это – исключительно субъективный фактор, поскольку существеннее то, что приобрел человек за время обучения, а не то, что написано в дипломе. Продолжая наш так называемый каскад умозаключений, приходим к выводу о том, что необходимо глубоко задуматься о внедрении государственной программы популяризации и повышения доступа образования в негосударственных вузах с помощью известных национальных проектов. Реалисту становится понятным, что оплатить образование все не могут.

В связи с этим предлагаем альтернативное решение вопроса: введение режима долевой оплаты образования. Государство берет на себя 70 % от стоимости обучения, установленной в известных законодательных рамках, а соответственно, остальную часть оплачивают законные представители абитуриента либо профильные организации. Данная федеральная программа будет распространяться не только на государственные вузы, но и на частные. Указанный выше процент позволит регулярно получать государственным и частным образовательным организациям отчисления из федерального бюджета, необходимые для поддержания функционирования и развития материально-технической и преподавательской базы. В образовательную сферу государству необходимо направить львиную долю бюджетных средств, поскольку образованная молодежь – будущее страны, ее экономическая основа, являющаяся «корнем» общественного прогресса.

Более того, не менее эффективным и действенным решением будет приватизация части государственных вузов, находящихся в небольших муниципальных образованиях и регионах РФ, в целях перезапуска учебных заведений. Законодательно процесс приватизации образовательных

учреждений находится под запретом. Термин «приватизация» трактуется правоведами по-разному. Обратимся к определению В. П. Камышанского – первопроходца в научном изучении этой ранее неизвестной нашим соотечественникам процедуры. По мнению В. П. Камышанского, «приватизация представляет собой возмездную, если иное не предусмотрено законом, организованную и целенаправленную деятельность по передаче объектов государственной и муниципальной собственности в собственность граждан и юридических лиц, осуществляемую по решению и при непосредственном участии специальных органов в определенное время, в установленном порядке и формах»[1].

Ранее существовали положения, предполагающие изменение формы собственности образовательных учреждений. Они были закреплены в ранее действующей редакции ст. 39 Закона об образовании и предполагали следующее: «Государственное образовательное учреждение может быть приватизировано только по решению учредителя в порядке, установленном законом. Учредитель в этом случае вправе определить условия по профилю и организации дальнейшей деятельности приватизируемого образовательного учреждения, что должно быть закреплено в новом уставе образовательного учреждения, и несет ответственность за сохранение на подведомственной территории необходимого числа учебных мест, отвечающих нормативным требованиям».

Однако общественные споры продолжались. Решением в данном случае стал Федеральный закон «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» от 16 мая 1995 г. № 74-ФЗ, запретивший не только приватизацию и/или разгосударствление образовательных учреждений, но и изменение состава их учредителей, за исключением введения в их состав представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ[4]. Положение о запрещении приватизации

[1] Гражданское право: учебник для вузов: в 3 ч. Ч. 1 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: Эксмо, 2007. С. 285.

[4] О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию: федер. закон от 16 мая 1995 г. № 74-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6597/ (дата обращения: 12.11.2021).

(разгосударствления) государственных и муниципальных образовательных учреждений вошло и в новую редакцию Закона об образовании (ст. 39). Позднее закон претерпел изменения, которые исключили упомянутое положение из содержания ст. 39 и перенесли их в ст. 102 в новой редакции действующего в настоящее время Федерального закона. Этими нормативно-правовыми актами законодатель формализовал общественное мнение о нецелесообразности приватизации или разгосударствления в сфере образования. Наиболее приемлемым способом при условии легализации приватизации образовательных учреждений является продажа государственного или муниципального имущества на конкурсе[1]. При продаже имущества на конкурсе, помимо соблюдения всех правил, которые действуют на аукционе, покупателю необходимо выполнить определенные условия в отношении продаваемого имущества. Речь идет о возложении на покупателя, предложившего наибольшую цену, определенных обязательств. По итогам конкурса с победителем заключается договор купли-продажи, который включает в себя порядок выполнения условий конкурса, порядок подтверждения победителем конкурса выполнения принятых на себя обязательств, порядок осуществления надзора за выполнением условий конкурса, ответственность сторон за неисполнение обязательств[2].

На наш взгляд, отсутствие законодательного механизма разгосударствления государственных и муниципальных образовательных учреждений служит рудиментом в вопросах развития образования, особенно высшей его ступени, поскольку частные инвестиции позволят не только возродить образовательные единицы, но и снизить нагрузку на крупные государственные вузы, а как следствие, и на федеральный бюджет. Неслучайно большая часть абитуриентов покидает свои муниципалитеты, регионы при отсутствии альтернативы.

Вполне оправданным будет открытие новых вузов, основанное на территориальном принципе. Удручающей видится

[1] О приватизации государственного и муниципального имущества: федер. закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/ (дата обращения: 12.11.2021).

[2] Гражданское право Российской Федерации: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2006. С. 216.

статистика о количестве университетов. Лидерами по количеству вузов на 10 000 кв. км являются Бельгия (27,5), Польша (15,2), Германия (10,7), Венгрия (7,3), США (4,4). Россия со своим значением (0,6) в данном рейтинге занимает 13 место из 16 стран-респондентов. Лидерство стран Евросоюза поддается логичному объяснению: значительно меньшая территория, чем у России, что способствует формированию большей плотности учебных заведений на определенную территориальную единицу. Не следует забывать и о том, что Российская Федерация – это не только правопреемница СССР, но и наследница некогда величайшей системы доступного образования, считавшейся самой лучшей. Однако все это ушло в историю в связи с рыночными преобразованиями 1990-х гг. В итоге множество учебных заведений закрыты, и, как следствие, – наличие неутешительной статистики[2].

Бесспорно, преобразование государства видится невозможным в сепаратном режиме. Этот тезис должен быть включен в пакет комплексных реформ нашей страны ввиду его затратности. Компетентные органы в сфере образования должны не только поддерживать и развивать существующую базу, но и регулярно пополнять ее. В сложившейся ситуации, на наш взгляд, санация образовательных учреждений неуместна, потому что равномерное распределение абитуриентов позволит удержать текучесть кадров между субъектами РФ, что благоприятно скажется на местной и региональной экономике, не говоря о российской экономике в целом. Еще одно позитивное влияние – спад урбанизации, что, в свою очередь, будет способствовать сокращению процесса запустения поселений, городов; формированию симметричного конгломерата, равномерному распределению населения на территории страны.

[2] Территориальные и демографические характеристики систем высшего образования различных стран: презентация. URL: http://900igr.net/prezentacija/geografija/po-geografii-shtat-kalifornija-227019/territorialnye-i-demograficheskie-kharakteristiki-sistem-vysshego-32.html (дата обращения: 10.10.2021).

Библиографический список

1. Гражданское право Российской Федерации: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2006. 493 с.

2. Гражданское право: учебник для вузов: в 3 ч. Ч. 1 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: Эксмо, 2007. 719 с.

3. Частный вуз VS госвуз. Что говорит закон? // Vuzopedia.ru. 6 июля. 2018. URL: https://vuzopedia.ru/articles/31 (дата обращения: 10.10.2021).

УДК 349.42
ББК 67.407

Р. А. Стыценко
магистрант
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
roma98-7@bk.ru

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

RURAL TOURISM IN RUSSIA: PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION

В статье дано определение сельского туризма и освещены проблемы правового обеспечения. Автор обращает внимание на то, что развитию сельского туризма будут способствовать разработка соответствующих нормативно-правовых актов федерального масштаба, реализация мер поддержки, предусмотренных в специальных государственных программах развития сельского хозяйства, и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции. Согласно авторской позиции, правовое регулирование сельского туризма в России начинает постепенно формироваться. В заключение сделан вывод о целесообразности повышения роли государства с целью своевременного урегулирования и решения выявленных проблем, об упрощении требований, разрабатываемых в рамках закона, что, в свою очередь, будет способствовать развитию сельского хозяйства и росту уровня жизни селян.

Ключевые слова: сельский туризм, правовое обеспечение, сельскохозяйственные производители, грант, отдых, средства размещения, государственное регулирование.

The article defines rural tourism and highlights the problems of legal support. The author draws attention to the fact that the development of rural tourism will be facilitated by the development of relevant regulations of the federal scale, the implementation of support measures provided in special government programs for agricultural development, and the regulation of agricultural markets. According to the author's position, the legal regulation of rural tourism in Russia begins to form gradually. It is concluded that it is advisable to increase the role of the state in order to resolve the identified problems in a timely manner, to simplify the requirements developed in the framework of the law, which, in turn, will contribute to the development of agriculture and increase the standard of living of rural residents.

Keywords: rural tourism, legal provision, agricultural producers, grant, recreation, accommodation facilities, government regulation.

В последние два года, в условиях пандемии коронавируса COVID-19, россияне стали меньше выезжать за границу и больше путешествовать по стране. Это, в свою очередь, может служить толчком к экономическому росту в сфере сельского хозяйства, развитию сельскохозяйственных территорий. Сельский туризм в данном процессе играет немаловажную роль. Диверсификация сельскохозяйственной экономики путем введения дополнительного вида деятельности, государственная поддержка должны способствовать повышению уровня жизни сельского населения, развитию инфраструктуры в селе, созданию новых рабочих мест. Вопрос правового сопровождения при этом становится предметом обсуждения среди цивилистов[1].

С 1 января 2022 г. вступил в силу Федеральный закон № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации”[2] и статью 7 Федерального закона “О развитии сельского хозяйства”»[3].

[1] См., например: *Астахов Т. А., Вражнов А. С., Никонович С. Л.* Правовая основа агротуризма в Российской Федерации // Туризм: право и экономика. 2020. № 1. С. 3; *Биткова Л. А.* Правовые проблемы организации сельского туризма в России // Аграрное и земельное право. 2013. № 6 (102). С. 11; *Братановский С. Н.* Содержание и особенности административно-правового регулирования в сфере агропромышленного комплекса России // Гражданин и право. 2020. № 9. С. 24; *Камышанский В. П.* Сельский туризм как объект гражданско-правового регулирования: инновации и тенденции // Сборник научных статей по итогам IV Севастопольского юридического форума (22–23 сентября 2021 г., Севастополь) / отв. ред. С. А. Васильев. М.: Центркаталог, 2022. С. 24; *Кирпа А. С., Колесникова К. В.* Особенности правового регулирования организации сельского туризма в России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3-6. С. 53; *Климов Р. В.* Сельский туризм: проблемы и перспективы в Орловской области // Вестник сельского развития и социальной политики. 2014. № 1 (1). С. 18; *Навальный С. В.* О некоторых вопросах правового регулирования развития сельского туризма (агротуризма) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского государственного аграрного университета. 2020. № 4. С. 56.

[2] Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 20.10.2021).

[3] О развитии сельского хозяйства: федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL:

Законодательно дано определение понятия сельского туризма, «предусматривающего посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до тридцати тысяч человек, в целях отдыха, приобщение к традиционному укладу жизни, ознакомлению с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участию в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью предоставления услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг». Установлено, что приоритетными направлениями государственного регулирования туристской деятельности являются поддержка и развитие, в том числе и сельского туризма. Законодательно предусмотрена необходимость разработки требований к оказанию услуг в сфере сельского туризма, государственной поддержки в сфере его развития.

С 2022 г. в России вводится новый вид гранта, предназначенный для сельхозпроизводителей, – «Агротуризм»[1]. Заявитель со дня получения указанного гранта обязуется осуществлять деятельность в течение не менее пяти лет на сельской территории или на территории сельской агломерации, достигнуть показателей деятельности, предусмотренных проектом развития сельского туризма. Максимально возможный размер гранта составляет 10 млн рублей, срок окупаемости – не более пяти лет. Направление денежных средств включает в себя строительство, ремонт помещений, предназначенных для размещения туристов, благоустройство прилегающих территорий, создание развлекательной инфраструктуры, закупку туристического оборудования, снаряжения и инвентаря. Обязательным условием получения гранта служит наличие первоначальных собственных вложений предпринимателя: чем больше он инвестировал в развитие проекта, тем значительнее сумма гранта. Победителей проектов определяет Министерство сельского хозяйства Российской Федерации (Минсельхоз России). Предполагается, что данная мера государственной поддержки

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения: 20.10.2021).

[1] О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 16 декабря 2021 г. № 2309 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403174128/ (дата обращения: 20.10.2021).

будет способствовать формированию нового направления туристского бизнеса с созданием дополнительных рабочих мест, увеличению занятости сельского населения, росту продаж сельхозпродукции и развитию экономики регионов в целом.

Требования к деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей по оказанию услуг в сфере сельского туризма, а также к средствам размещения, используемым для осуществления деятельности по оказанию услуг в указанной сфере в сельской местности, сегодня не утверждены. Разработкой проектов нормативных актов занимаются Минсельхоз России и Федеральное агентство по туризму (Ростуризм). Проект постановления Правительства РФ «Об утверждении требований к деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей по оказанию услуг в сфере сельского туризма»[1], представленный Минсельхозом России, к сельскохозяйственным товаропроизводителям относит индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. В итоге граждане, которые ведут личное подсобное хозяйство и могли бы играть существенную роль в развитии сельского туризма, не вправе будут оказывать услугу сельского туризма, поскольку личное подсобное хозяйство – это форма непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. Фактически их лишают возможности заниматься данной деятельностью и диверсифицировать при необходимости свой источник дохода.

Проблемы нормативного правового регулирования при предоставлении в России услуги в сфере сельского туризма, существующие в настоящее время (в частности, относительно средств размещения), предлагаемый Ростуризмом проект постановления Правительства РФ «Об утверждении требований к средствам размещения, используемым для осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере сельского туризма в сельской местности»[2] не решает. Так, согласно ст. 5 Федерального

[1] Об утверждении требований к деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей по оказанию услуг в сфере сельского туризма: проект постановления Правительства РФ // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: http://regulation.gov.ru/p/120914 (дата обращения: 20.10.2021).

[2] Об утверждении требований к средствам размещения, используемым для осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере сельского туризма в сельской местности: проект постановления Правительства РФ // Федеральный

закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», средство размещения при оказании в селе услуг в сфере сельского туризма не может быть отнесено к гостиницам. Однако разработчик проекта предусматривает регламентацию размеров площадей средств размещения в сельской местности, определенные требования к их техническому оборудованию и оснащению, требования к прилегающим к сельским средствам размещения территориям. Тем самым требования можно охарактеризовать как аналогично предъявляемые к проводимой классификации гостиниц. Не учитывается, что приведение места размещения к единому стандарту сопровождается утратой «изюминки», так называемого уникального колорита, связи с народностью места проживания туриста. Пребывание в избе, курене, хижине, юрте со всеми удобствами не даст туристу прочувствовать и прожить определенный временной промежуток как селянину, как местному жителю. Это может существенно затормозить развитие исследуемой нами отрасли. Для реализации указанных требований нужны значительные финансовые вложения, трудовые и материальные ресурсы, техническая возможность. Данный факт еще раз подтверждает намеренное исключение из субъектов, которые вправе оказывать услугу сельского туризма, граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, так как выполнить все требования, обозначенные в проекте, они будут не в состоянии.

Стоит обратить внимание на то, что вопрос об использовании земельных участков для осуществления сельского туризма и строительства на них средств размещения не урегулирован. В земельное законодательство не внесены соответствующие поправки. В соответствии с п. 2 ст. 7 Земельного кодекса РФ земли используются согласно установленному для них целевому назначению. Перевод земельного участка сельскохозяйственного назначения, например, в категорию «земли населенных пунктов», длителен и сложен.

Проектом требований к средствам размещения, используемым для осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере сельского туризма в сельской местности, предлагаются правила, ведущие к очередным правовым неопределенностям,

портал проектов нормативных правовых актов. URL: http://regulation.gov.ru/p/121149 (дата обращения: 20.10.2021).

помимо существенных затрат. К сельским средствам размещения отнесены сельские гостевые дома, фермерские дома, коттеджи, сельские хижины, избы, шале, бунгало, дома рыбаков, а также традиционные жилища малых коренных народов России (юрта, балаган, курень, сакля, сенек, хата, чум, яранга и другие), в том числе не являющиеся объектами капитального строительства. Возникает вопрос о том, какое строение можно отнести к понятию «сельский гостевой дом», если на законодательном уровне оно отсутствует. Действовавший ранее, с 1 июля 2016 г., ГОСТ Р 56641-2015 «Услуги малых средств размещения. Сельские гостевые дома. Общие требования», в котором дано определение термину «сельский гостевой дом» и содержатся соответствующие требования, отменен приказом Росстандарта от 23 декабря 2019 г. № 1431-ст. Следовательно, нужно снова ввести это понятие нормативным актом в правовое поле либо раскрыть его содержание в проекте требований к средствам размещения.

Разработчики проекта требований к средствам размещения, вероятно, не оценивают реальность их выполнения. Особенно это заметно в отношении предъявления требований к техническому оборудованию и оснащению сельского средства размещения горячим водоснабжением, системой отопления или отопительными приборами, обеспечивающими допустимую температуру воздуха в помещениях 18–24 °С в холодный период года, 20–28 °С – в теплый. Например, в юрте проблематично обеспечить реализацию указанного требования с точки зрения технической и материальной составляющей. Возникает ряд вопросов. Осуществлялись ли расчеты? В какой временной промежуток должны окупиться такие вложения? Будет ли приемлема для потребителя стоимость предложения после исполнения поставщиком услуги данных правил?

Следующее обязательство, связанное с предоставлением бутилированной питьевой воды (из расчета одна бутылка воды объемом не менее 0,5 л на одного проживающего) или питьевой воды в кулере в коридоре (бесплатно), вызывает не меньше вопросов. Учитывают ли в данном случае, что бутилированная вода, предназначенная для питья, имеет различные сроки годности (от 3 до 24 месяцев), зависит от типа емкости, условий сохранения, типа воды и ее качества, что стоимость 0,5 л бутилированной воды соизмерима по стоимости с одним кубометром водопроводной? Формулировка «бесплатно» представляется некорректной, поскольку стоимость воды так или

иначе будет закладываться в стоимость услуги, и сельскохозяйственный товаропроизводитель не будет работать себе в убыток. Цель его деятельности – получить доход.

Намерения законодательно урегулировать сельский туризм, способствовать выходу из «тени» тех, кто оказывает данную услугу, с одной стороны и дать возможность получать гарантии защиты прав потребителям – с другой небезосновательны, инициатива целесообразна и интересна. Потенциал сельского туризма в России, особенно в условиях закрытых границ, огромен. Еще в постановлении Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644 «О федеральной целевой программе "Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)"»[1] суть сельского туризма позиционировалась в отдыхе в сельской местности, где все организационное обеспечение проживания туристов (в том числе питание, досуг, обслуживание и другое) берет на себя принимающая семья. Сельский туризм представлялся возможностью отдыха для тех, кто по каким-либо причинам иные виды туризма позволить себе не может. Предполагалось, что очевидный фактор государственной важности такого вида туризма состоит в том, что он может стать существенным источником дополнительного, а иногда и основного дохода для жителей села, особенно в депрессивных регионах.

По итогам проведенного анализа проектов нормативных актов, подготовленных Минсельхозом России и Ростуризмом, можно сделать следующий вывод. Легально осуществлять такой вид деятельности, как сельский туризм, смогут юридические лица и индивидуальные предприниматели, имеющие достаточную материальную базу, значительные активы. Для обеспечения современных условий комфорта с учетом заявленной классификации и выполнения содержащихся в проекте требований, предъявляемых к условиям размещения в сельской местности, малых городах с численностью населения до тридцати тысяч человек, недостаточно денежных средств, полученных в форме субсидий и грантов. Государство должно играть прямую

[1] О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы): постановление Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644 (в ред. от 07.02.2018) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118424/ (дата обращения: 20.11.2021).

роль в аспекте развития и строительства инфраструктуры, прежде всего дорог, коммуникаций, не перекладывая свои обязанности на субъектов малого и среднего бизнеса.

Очевидной становится, по нашему мнению, необходимость доработки проекта требований к деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей по оказанию услуг в сфере сельского туризма и включения в понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель» граждан, ведущих личное подсобное хозяйство (подп. 1 п. 2 ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»). Им особенно не помешает возможность иметь дополнительный доход, а также помощь при выращивании урожая и производстве продукции животноводства. Пока на свой страх и риск граждане начинают заниматься сельским туризмом, рассчитывая на собственные ресурсы, без привлечения необходимых инвестиций извне и, соответственно, без налоговых отчислений в бюджет с полученных от данной деятельности доходов.

В марте 2021 г. вице-президент Российского союза туриндустрии Юрий Барзыкин выступил с предложением о том, что «ввести в правовое поле нужно и небольшие домики, где сдают комнаты отдыхающим, и многоэтажные строения с почти гостиничными номерами». При этом он дополнил: «Всего в стране, по некоторым оценкам, таких разнородных объектов, где живет сам хозяин и размещают туристов, может насчитываться до 13 тысяч»[1]. В проектах нормативных актов приведенный посыл не учитывается, не дано и определение понятия «гостевой дом».

Считаем целесообразным согласиться с выводами, сделанными В. П. Камышанским в своей работе, о необходимости нормативного закрепления упрощенных требований к определению качества услуг в сфере сельского туризма, которые могут быть представлены услугами общепита, предоставлением средств размещения для временного проживания, транспортной услугой и т. п. Государственная поддержка сельского туризма должна носить адресный характер, в том числе способствовать развитию его инфраструктуры.

С учетом изложенного разработчикам нормативно-правовых актов предлагаем обратить внимание на необходимость устранения и предотвращения правовых коллизий. Последние, в

[1] *Гайва Е.* Бланк данных // Российская газета. 2021. 4 апреля.

свою очередь, создают проблемы в правовой системе, порой ущемляют права граждан, отражаются на эффективности правового регулирования, состоянии законности и правопорядка

Библиографический список

1. *Астахов Т. А., Вражнов А. С., Никонович С. Л.* Правовая основа агротуризма в Российской Федерации // Туризм: право и экономика. 2020. № 1. С. 3–5.

2. *Биткова Л. А.* Правовые проблемы организации сельского туризма в России // Аграрное и земельное право. 2013. № 6 (102). С. 11–20.

3. *Братановский С. Н.* Содержание и особенности административно-правового регулирования в сфере агропромышленного комплекса России // Гражданин и право. 2020. № 9. С. 24–35.

4. *Гайва Е.* Бланк данных // Российская газета. 2021. 4 апреля.

5. *Камышанский В. П.* Сельский туризм как объект гражданско-правового регулирования: инновации и тенденции // Сборник научных статей по итогам IV Севастопольского юридического форума (22–23 сентября 2021 г., Севастополь) / отв. ред. С. А. Васильев. М.: Центркаталог, 2022. 244 с.

6. *Кирпа А. С., Колесникова К. В.* Особенности правового регулирования организации сельского туризма в России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3-6. С. 53–55.

7. *Климов Р. В.* Сельский туризм: проблемы и перспективы в Орловской области // Вестник сельского развития и социальной политики. 2014. № 1 (1). С. 18–23.

8. *Навальный С. В.* О некоторых вопросах правового регулирования развития сельского туризма (агротуризма) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского государственного аграрного университета. 2020. № 4. С. 56–63.

УДК 347.27
ББК 67.404.219

А. А. Чикин
помощник прокурора Тверской области
по надзору за соблюдением законов
при исполнении уголовных наказаний,
аспирант заочной формы обучения
Севастопольского государственного университета
al.chik@mail.ru

АБСОЛЮТНЫЕ ЗАЛОГОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ ЗАЛОГА

ABSOLUTE PLEDGE RELATIONS IN THE STRUCTURE OF THE CIVIL LAW STRUCTURE OF PLEDGE

В статье обоснована логическая необходимость противоположения абсолютных и относительных гражданских прав и правоотношений. Автор обращает внимание на важность такого противоположения для познания сущности залога и законодательного регулирования залоговых отношений. Утверждается, что абсолютные залоговые правоотношения делятся на основное залоговое правоотношение и вспомогательные абсолютные залоговые правоотношения. Основное абсолютное залоговое правоотношение – это обязательный элемент залога. Оно определяет сущность (гражданско-правовую природу) залога, которая всегда является абсолютной (если в качестве предмета залога выступает вещь, то сущность залога является вещной). Согласно авторской позиции, правомочия залогодержателя владеть и пользоваться предметом залога не относятся к обязательным атрибутам залога и не выражают сущность залога, в том числе и в случае, если предметом залога служит вещь. Сведение основного абсолютного залогового правоотношения к абстрактной юридической связи залогодержателя с активами залогодателя было бы неправильным. Признание основного абсолютного залогового правоотношения выражающим сущность залога не исключает наличия в структуре залога относительных правоотношений, роль которых носит вспомогательный характер.

Ключевые слова: залог, абсолютные залоговые правоотношения, основное абсолютное залоговое правоотношение, вспомогательные абсолютные залоговые правоотношения, относительные залоговые правоотношения, предмет залога, ипотека.

The article argues for the logical necessity of contrasting absolute and relative civil rights and legal relations. The author draws attention to the importance of this opposition for the knowledge of the essence of pledge and the legislative regulation of pledge relations. It is argued that absolute pledge legal relations are divided into main pledge legal relations and auxiliary absolute pledge legal relations. The main and absolute pledge legal relationship is a binding element of a pledge. It determines the essence (civil law nature) of pledge, which is always absolute (if the subject of pledge is a thing, then the essence of pledge is real). According to the author's position, the pledgee's rights to possess and use the object of pledge are not mandatory attributes of pledge and do not express the essence of pledge, including if the object of pledge is a thing. It would be wrong to reduce the basic absolute pledge relationship to an abstract legal relationship of the pledgee with the assets of the pledgee. The recognition of a basic absolute pledge relationship as representing the essence of a pledge does not exclude the existence of relative relationships in the structure of a pledge, the role of which is auxiliary in nature.

Keywords: pledge, absolute pledge relationship, primary absolute pledge relationship, subsidiary absolute pledge relationship, relative pledge relationship, subject of pledge, mortgage.

В свое время И. А. Базанов критически оценивал состояние ипотеки в Древнем Риме во второй половине V в. на фоне идеи, скорее, даже не идеи, а мечты достигнуть такой организации ипотеки, «при которой получилась бы легкая обозримость полного состава правоотношений» относительно ипотеки[1]. Эта мечта существует и сегодня, разве что она менее осознаваема. Во всяком случае такая мечта в настоящее время не проявляется, структура залоговых правоотношений не исследуется, а существование абсолютных залоговых правоотношений отрицается (вообще либо применительно к залогу отдельных видов имущества) или игнорируется. Ситуацию надо менять: сначала абсолютные залоговые правоотношения нужно исследовать, затем – убедить законодателя в целесообразности учета рекомендаций науки, а после этого – уверить субъектов правоприменения в необходимости углубления в содержание соответствующих законодательных положений и их последовательного применения. Все это дает основание для

[1] *Базанов А. И.* Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства. М.: Статут, 2004. С. 127.

утверждения о том, что тема настоящей статьи является актуальной.

Абсолютные залоговые правоотношения в науке российского гражданского права специально не исследованы. Но данная проблема находит отражение в трудах дореволюционных российских ученых-цивилистов, в частности Д. И. Мейера, К. П. Победоносцева, Г. Ф. Шершеневича, И. А. Покровского, Е. В. Васьковского, Л. А. Кассо, И. А. Базанова, К. Н. Анненкова, В. М. Хвостова; современных ученых-специалистов в области гражданского права В. В. Витрянского, Е. А. Суханова, Б. М. Гонгало, Р. С. Бевзенко и других.

Цель настоящей статьи – определение круга абсолютных залоговых правоотношений и их места в правовой конструкции залога. Выделению абсолютных и относительных прав предшествовало идущее от римского права деление исков на вещные (*in rem*) и личные (*in personam*)[1]. Это деление, безусловно, предполагало и деление материальных прав, которые защищались соответствующими исками, на вещные и личные (обязательственные). Но острота сознания противоположения вещных (абсолютных) и личных (относительных) постепенно терялась. В конце XIX в. Л. А. Кассо сделал предположение о том, что «разделению прав на вещные и личные может быть суждено исчезнуть из юриспруденции будущего столетия»[2]. Столетие, о котором писал ученый, прошло, а вера в такое исчезновение не рассеялась.

В наше время В. С. Ем и Е. С. Рогова увидели лишь тенденцию к «размыванию» границ между вещными и обязательственными правами в современном российском гражданском праве[3]. Такое «размывание» Д. Д. Гримм заметил еще до революции. Стоит отдать ему должное: он добросовестно цитирует противоположную его собственному подходу мысль немецкого ученого-юриста Й. Колера: «Без этого противоположения (между вещными и личными притязаниями. – *В. Р.*) не может обойтись никакое право никакой эпохи, подобно тому как ни один язык не может обойтись без различия

[1] Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 1996. С. 57.

[2] *Кассо Л. А.* Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут, 1999. С. 173.

[3] *Ем В. С., Рогова Е. С.* Доктор права – Лев Аристидович Кассо // *Кассо Л. А.* Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут, 1999. С. 17.

подлежащего и сказуемого»[1]. Но все-таки Д. Д. Гримм полагал, что истина является иной: «Основное положение, из которого необходимо исходить при рассмотрении вопроса о происхождении различия между вещными правами и обязательственными отношениями (каковое различие не связано с той или иной конкретной системой, а имеет совершенно общее значение), заключается в том, что означенное различие имеет не абсолютный, а лишь относительный характер, является не логической, а исторической категорией[2].

Нечто подобное утверждает сегодня Е. А. Суханов: «…Специфика вещных прав определяется не тем, что они юридически оформляют определенную часть экономических отношений присвоения (собственности). Обусловленность этого гражданско-правового режима содержанием или особенностями экономических отношений в лучшем случае косвенная, опосредованная, ибо на него влияют не только и даже не столько экономические факторы. Не случайно, например, по экономическому содержанию отношения присвоения и использования земельных участков в различных правопорядках юридически оформляются совершенно по-разному (вещными правами в европейском континентальном праве и титулами – *estate* и *interests* – в англо-американском праве)»[3].

Пожалуй, наиболее последовательным сторонником условности деления правоотношений на вещные и относительные (обязательственные) был М. И. Брагинский, который признавал конструкцию «смешанных правоотношений» и наличие вещных элементов в обязательственном правоотношении[4]. В этой связи следовало бы согласиться с С. А. Синицыным. Он пишет, что понятия абсолютности и относительности не могут пересекаться ввиду принципиальных сущностных различий[5]. Однако следовало бы задуматься над тем, почему даже среди самых опытных ученых-цивилистов находятся такие, которые отстаивают

[1] Цит. по: *Гримм Д. Д.* Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. № 3. С. 24.

[2] *Гримм Д. Д.* Указ. соч. С. 24

[3] *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 12.

[4] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право: общие положения. М.: Статут, 1997. С. 229, 237, 238.

[5] *Синицын С. А.* Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 454.

«антисущностные» научные позиции. Причина, как нам представляется, заключается в обобщенном подходе к правовым явлениям. В своей работе С. А. Синицын также утверждает следующее: «Динамическая природа обязательственных прав предполагает смену субъекта обязанности и права требования в период жизни едва ли не каждого обязательства, к примеру, кредитор по заключенному договору обязуется предоставить кредит, а должник вправе требовать зачисления суммы кредита на свой счет, но должник правомочен требовать от кредитора надлежащих условий сохранения переданного предмета залога в обеспечение кредитного обязательства, неразглашения конфиденциальной информации о деятельности должника. После зачисления суммы кредита на счет должника, исполнения предусмотренных договором условий считается, что кредитор вправе требовать от заемщика возврата кредита и уплаты предусмотренных договором процентов за пользование им, использования полученного кредита строго по целевому назначению согласно условиям договора. Как видим, в период «жизни» обязательства должник и кредитор нередко меняются местами в части несения установленной юридической обязанности и осуществления конкретных правомочий»[1].

Становится очевидным, что автор приведенного научного положения рассматривает обязательство как комплексное явление. В одно обязательство ученый включает правовые связи не только относительно предоставления кредита и его возврата, но даже и относительно «сохранения переданного предмета залога». Между тем Н. Г. Александров писал о правоотношениях в элементарном виде, которые являются элементами сложного правоотношения и из которых в совокупности складывается сложное правоотношение[2]. Следовало бы учесть и осуществленное М. М. Агарковым структурирование обязательств, в результате которого он выделил «усложняющие элементы»[3].

Если выделять «правоотношения в элементарном виде», структурировать обязательства, то можно будет выделить

[1] *Синицын С. А.* Указ. соч. С. 461.

[2] *Александров Н. Г.* Юридическая норма и правоотношение. М.: тип. ТАСС, 1947. С. 21.

[3] *Агарков М. М.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 265–288.

абсолютные и относительные правоотношения, но при этом не останется места для абсолютно-относительных правоотношений.

Итог этих рассуждений состоит в том, что не исключая некоторых отступлений от жесткого разграничения абсолютных и относительных (вещных и обязательственных) прав и правоотношений (поскольку этот вопрос в целом в настоящей статье не рассматривается), противоположение абсолютных и относительных гражданских прав и правоотношений следует признать логической необходимостью. Здесь и сейчас, в данном контексте, возможно, и нет смысла акцентировать внимание на противоположности указанных явлений. Но как фундаментальное научное положение должна быть признана противоположность вещных и обязательственных прав, вещных и обязательственных правоотношений. Следует признать и использовать эту объективную противоположность для адекватного урегулирования отношений, являющихся предметом гражданского права, в том числе и в особенности залоговых отношений.

Итак, сущность вещного права проявляется в том, что оно предоставляет субъекту правомочия действовать непосредственно в отношении вещи, а через такое отношение к вещи указанный субъект «выходит» на отношения со всяким и каждым, от которого этот субъект вправе требовать не препятствовать ему осуществлять свои правомочия. Таким образом, отношения субъекта вещного права с другими людьми (всяким и каждым) не являются непосредственными. Они опосредованы вещью. Напротив, отношения между сторонами обязательства называют непосредственными. Отношение кредитора, например, в обязательстве купли-продажи покупателя, к предмету (объекту) этого обязательства (товару) опосредуется действиями должника. По указанным критериям и различаются вещные и обязательственные отношения, правоотношения и права. Изложенное относится и к абсолютным правам и правоотношениям с той лишь разницей, что вместо термина «вещи» в приведенном тексте нужно будет использовать наименование одного из других указанных в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) объектов гражданских прав или видов имущества, которые могут быть предметом залога в соответствии со ст. 336 ГК РФ.

В этой связи обращает на себя внимание позиция ученых, которые признают вещный характер залога недвижимости[1] или индивидуально определенных вещей[2], но отрицают абсолютный характер залога прав[3]. Отрицает абсолютный характер залога и Р. С. Бевзенко[4]. Вместе с тем предлагается признать залоговое право вещным, в том числе в случаях, если в качестве предмета залога выступает право[5]. При таком многообразии мнений законодатель отказался при формулировании положений о залоге употреблять термины «абсолютные залоговые правоотношения», «относительные залоговые правоотношения», что повлекло за собой формальную неопределенность многих таких законодательных положений.

Однако проблема, которая нами освещена, не исчерпывается необходимостью признания существования абсолютных (в соответствующих случаях – вещных) залоговых прав и правоотношений: важно определить место этих правоотношений в структуре залоговых правоотношений. Но такое место нельзя определить применительно к абсолютным залоговым правоотношениям вообще. Абсолютные залоговые правоотношения следует разделить на два вида: 1) основное абсолютное залоговое правоотношение, то есть правоотношение, в форме которого залогодержатель имеет право на предмет залога, а затем – и на получение удовлетворения обеспеченного залогом требования из стоимости заложенного имущества; 2) вспомогательные абсолютные залоговые правоотношения.

Основное абсолютное залоговое правоотношение с момента его возникновения существует как рамочное правоотношение. Оно имеет собственное содержание. Составляющее его содержание право обладает признаком прямого действия, хотя в основном это право подлежит конкретизации при наступлении

[1] *Витрянский В. В.* Новое в правовом регулировании залога // Хозяйство и право. 2014. № 19. С. 26.

[2] *Гонгало Б. М.* Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. С. 10; *Кархалев Д. И.* Залог прав в гражданском обороте // Вестник арбитражной практики. 2020. № 1. С. 75.

[3] *Витрянский В. В.* Указ. соч.; *Гонгало Б. М.* Указ. соч.; *Кархалев Д. И.* Указ. соч.

[4] *Бевзенко Р. С.* Проблемы исполнения обязательств и его обеспечения // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2007. С. 722–723.

[5] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2 / под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2019. С. 128.

юридических фактов, предусмотренных законом. То право, которое Г. Ф. Шершеневич назвал «сущностью» залога (удовлетворение обеспеченного залогом требования за счет продажи заложенных вещей)[1], а Д. И. Мейер – «ядром» залога[2], входит в содержание основного абсолютного залогового правоотношения.

Подтверждением прямого действия основного абсолютного рамочного правоотношения может быть следующий пример. Конкретизируя субъективное право залогодержателя, входящее в содержание этого правоотношения, ст. 33 Федерального закона «Об ипотеке» дает право залогодержателю, действуя от своего имени, истребовать предмет залога из незаконного владения третьего лица для передачи его во владение залогодателю. Однако общее правило данного содержания применительно ко всем видам залога в ГК РФ отсутствует. Р. С. Бевзенко ставит вопрос о наличии у залогодержателя такого права, когда предметом залога служат иные вещи (а не недвижимость), но считает, что ответ на этот вопрос является дискуссионным, из текста ст. 347 ГК РФ он не следует[3]. Действительно, ст. 347 ГК РФ ответа на вопрос, поставленный Р. С. Бевзенко, не дает. Но содержание ответа зависит от того, будет ли признано прямое действие права залогодержателя, составляющего содержание указанного выше основного абсолютного залогового правоотношения. Если такое действие будет признано, то залогодержатель вещи, не являющейся недвижимой, имеет, действуя от своего имени, право требовать ее из незаконного владения третьего лица для передачи ее залогодателю. Если оно не будет признано, залогодержатель такого права не имеет. Мы признаем прямое действие указанного права, а следовательно, признаем и право залогодержателя на истребование заложенной вещи, хотя бы она не была недвижимой.

Таким образом, с момента возникновения основного абсолютного залогового правоотношения возникает связь залогодержателя с предметом залога, а с учетом связи – и правоотношение залогодержателя с третьими лицами. Эти связь

[1] *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. С. 249.

[2] *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. С. 561.

[3] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. С. 342.

и правоотношение особенно наглядно видны в процедурах ликвидации юридических лиц и банкротства. Уступая кредиторам первой и второй очереди, права требования по которым возникли до заключения договора залога, залогодатель имеет право на удовлетворение своего обеспеченного залогом требования за счет средств, вырученных от продажи предмета залога преимущественно перед другими кредиторами ликвидируемого юридического лица (п. 2 ст. 64 ГК РФ). Подобные правила установлены и ст. 136 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Право залогодержателя на предмет залога, которое входит в содержание основного абсолютного залогового правоотношения, особенно ярко проявляется в процедуре обращения взыскания на заложенное имущество. Хотя иск об обращении взыскания на заложенное имущество предъявляется к залогодателю, роль последнего в судебном процессе в целом пассивна. За ним признается право участника судебного процесса не потому, что от него залогодержатель (истец) чего-то требует. Просьба залогодержателя к суду заключается в даче разрешения на реализацию в принудительном порядке предмета залога. Право на реализацию залогодержатель имеет равно, как и залогодатель имеет остальные правомочия собственника (за исключением прав, которые на ту же вещь имеет залогодержатель). Поскольку вещь – одна, а субъектов, имеющих права на нее – два, оба эти субъекта и становятся участниками судебного процесса. Каждый при этом имеет непосредственное право на вещь. Один из них – собственник – господствует над вещью. Отношение залогодателя к предмету залога (той же вещи) господством назвать нельзя. Но это его отношение, безусловно, является непосредственным. Следовательно, вещными признают и отношения залогодержателя ко всем третьим лицам относительно предмета залога, и соответствующее право залогодержателя, и правоотношение между залогодержателем и всеми третьими лицами. Иная ситуация возникает, если такая интерпретация вещного права применительно к залогу требует отказа от понимания вещного права как господства лица, обладающего вещными правами, над вещью. Содержание права залогодателя на предмет залога, как правило, не достигает того объема, который позволял бы применять слово «господство».

Иск об обращении взыскания на заложенное имущество подобен иску о государственной регистрации перехода прав на

недвижимость (п. 3 ст. 551 ГК РФ). В обоих случаях истец ничего не требует от ответчика. Он просит суд принять и выдать судебное решение, которое станет основанием для соответствующего государственного органа совершить действия в защиту права истца.

Именно основное абсолютное залоговое правоотношение предопределяет гражданско-правовую природу залога: залог имеет абсолютно-правовую природу. Относительные залоговые правоотношения, конечно, существуют. Но они носят в правовой конструкции залога сугубо вспомогательный характер и не могут быть основанием для утверждения о том, что залог имеет обязательственный (более широко-относительно-правовой характер).

Гражданско-правовой характер залога не может определяться также исходя из наличия в структуре залога вспомогательных вещных (абсолютных) правоотношений. Между тем В. А. Белов утверждает, что сущность залогового права, его природа, если предметом залога служит вещь, должна быть признана вещной лишь в том случае, если залогодержателю предоставлено правомочие владения заложенной вещью[1]. Но автор тут же допускает противоречие в рассуждениях: «Нельзя, конечно, отрицать, что залоговому праву, понимаемому подобным образом, нельзя придавать роли большей, чем роль простого технического средства, нахождение которого в руках залогодержателя существенно упрощает реализацию им своих прав экзекуции и присвоения; что право залога в этом смысле приобретается не ради самого себя, но ради более комфортного достижения другой, более отдаленной юридической цели, и что оно (не будучи соединенным с правами экзекуции и присвоения) может вовсе не иметь самостоятельной ценности; что, наконец, оно входит в состав далеко не всяких правоотношений, отнесенных законом к разряду залоговых»[2]. Одно из двух – или правомочие владения, представляемое залогодержателю, превращает залоговое право в «простое техническое средство», или это правомочие выражает сущность и природу залогового права. И то, и другое одновременно противоречит логике.

[1] *Белов В. А.* Гражданское право: в 4 т. Т. 3. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2013. С. 353.

[2] Там же. С. 353–354.

Поэтому мы присоединяемся к юридической оценке приведенных утверждений В. А. Белова со стороны Д. В. Дождева[1]. В то же время трудно согласиться с утверждением Д. В. Дождева о том, что «материально-вещественное в позиции залогодержателя следует считать привходящим в залоговом праве»[2] и что «адекватное воплощение обеспечительного интереса» залогодержателя заключается «в форме абстрактной юридической связи с активами должника»[3]. Неприемлемым представляется признать абсолютное залоговое правоотношение, выражающее сущность залога и его гражданско-правовую природу, лишь «абстрактно-юридической связью» залогодержателя с активами должника.

Правомочие владения входит в содержание сугубо вспомогательного вещного залогового правоотношения. Указанное правоотношение может возникать, а может и не возникнуть.

Изложенное выше дает основания для следующих выводов: 1) выделение в структуре залога абсолютных залоговых правоотношений предполагает признание противоположения между абсолютными и относительными правоотношениями логической необходимостью; 2) основное абсолютное залоговое правоотношение существует всегда, если существует залог; 3) основное абсолютное залоговое правоотношение является вещным, если в качестве предмета залога выступает вещь; 4) если предметом залога является не вещь, а иное имущество, основное абсолютное залоговое правоотношение каким-либо специфическим термином не обозначают; 5) вспомогательные абсолютные залоговые правоотношения сущность или гражданско-правовую природу залога не выражают; 6) основное абсолютное залоговое право – это связь между залогодержателем и предметом залога, через которую залогодержатель вступает в абсолютные правоотношения с третьими лицами; 7) сводить основное абсолютное залоговое правоотношение к абстрактно-юридической связи залогодержателя с активами должника нельзя; 8) основное абсолютное залоговое правоотношение не исключает наличия в структуре правовой конструкции залога

[1] *Дождев Д. В.* Вещный момент в залоговом праве: отечественная доктрина и исторические уроки // Гражданское право. 2015. № 2. С. 6.

[2] Там же. С. 7.

[3] Там же.

относительных правоотношений, в том числе обязательств, которые, однако, сущность (гражданско-правовую природу) залога выражать не могут

Библиографический список

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 490 с.

2. Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение. М.: тип. ТАСС, 1947. 26 с.

3. Базанов А. И. Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства. М.: Статут, 2004. 589 с.

4. Бевзенко Р. С. Проблемы исполнения обязательств и его обеспечения // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2007. С. 711–758.

5. Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. 3. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2013. 1189 с.

6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 1997. 682 с.

7. Витрянский В. В. Новое в правовом регулировании залога // Хозяйство и право. 2014. № 19. С. 21–29.

8. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. 220 с.

9. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2 / под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2019. 464 с.

10. Гримм Д. Д. Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 24–32.

11. Ем В. С., Рогова Е. С. Доктор права – Лев Аристидович Кассо // Кассо Л. А. Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут, 1999. С. 3–20.

12. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.

13. Дождев Д. В. Вещный момент в залоговом праве: отечественная доктрина и исторические уроки // Гражданское право. 2015. № 2. С. 6–11.

14. Кархалев Д. И. Залог прав в гражданском обороте // Вестник арбитражной практики. 2020. № 1. С. 75–80.

15. Кассо Л. А. Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут, 1999. 284 с.

16. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. 881 с.

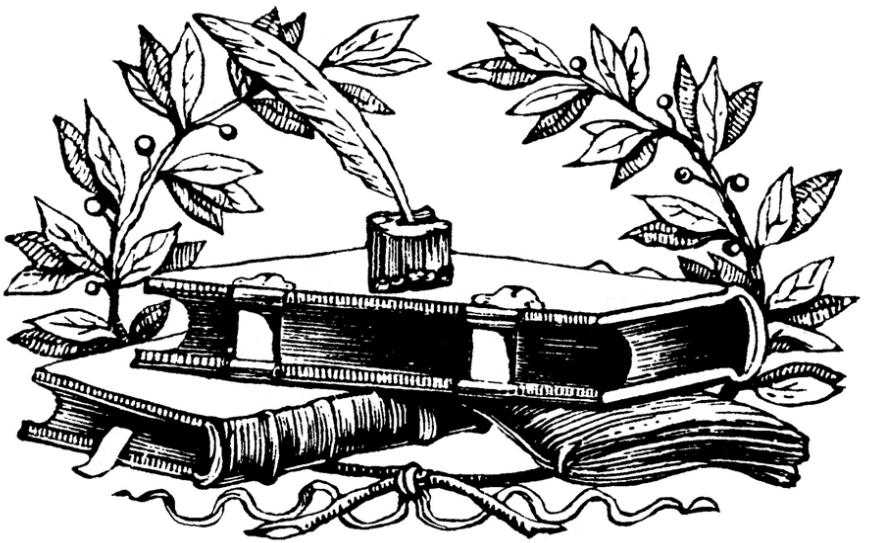
17. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 1996. 544 с.

18. Синицын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. 604 с.

19. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.

20. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. 556 с.

Раздел



Рецензии. Критика

В. П. Камышанский
заведующий кафедрой гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета имени И. Т. Трубилина,
директор АНО «Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»,
доктор юридических наук, профессор
vpkam@rambler.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ГОЛОСКОКОВА Л. В. «ПЯТАЯ КОЛОННА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ, ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН». – М.: РУСАЙНС, 2021. – 282 С. ISBN 978-5-4365-8734-9

REVIEW OF L. V. GOLOSKOKOV'S MONOGRAPH "THE FIFTH COLUMN AS A SOCIAL, LEGAL AND CRIMINAL PHENOMENON". – M.: RUSAINS, 2021. – 282 S. ISBN 978-5-4365-8734-9

Монография доктора юридических наук, профессора Л. В. Голоскокова посвящена очень интересному и недостаточно изученному и многоаспектному феномену общественной жизни под названием «пятая колонна», который сегодня часто употребляется, особенно в политических кругах.

Структура монографии состоит из введения, двадцати четырех разделов, заключения, а также списка использованной литературы и правовых актов.

Автор в своей работе опирается на известный из истории факт о том, что в 1936 г. франкистский генерал Э. Мола, командовавший четырьмя колоннами, наступавшими на Мадрид, заявил по радио, что у него находится еще пятая колонна в городе, имея в виду своих сторонников. При чтении текста становится очевидным, что автор в ходе исследования исходит из смысла именно этого определения пятой колонны, возникшего в истории. Под пятой колонной он понимает часть граждан, действующих вопреки интересам своего государства в интересах других государств (с. 9). Однако в этом же фрагменте Л. В. Голоскоков, вспоминая ироничное замечание Антуана де Сент-Экзюпери о том, что «в действительности все иначе, чем на самом деле», полагает, что «формулировка “пятая колонна” в условиях военного времени по сути дела заменяла приговор суда, и поэтому для военного времени была очень удобным понятием» (с. 8).

Далее автор приводит материалы социологического исследования, (раздел 4, с. 16–21), которое показывает отношения социума к понятию пятой колонны, и представляет обобщенный взгляд рядового гражданина на исследуемое явление: «Упрощение в сознании гражданина достигается тем, что он рассуждает о явлении пятой колонны без применения установленных нами правовых рамок понятия пятой колонны, и сначала видит картину явного ущерба, убытков, глобальных нарушений в какой-то сфере, при этом он не размышляет как эксперт, оперативник, следователь, прокурор или судья о том, есть ли способы доказательства и подсчета ущерба, есть ли способы точного установления виновных лиц, их злого умысла, их причастности к деятельности на иностранное государство. Все такие “мелочи” он оставляет за пределами своего мыслительного процесса, перекладывая их на каких-то других лиц, которые непременно сделают это, потому что они – профессионалы, и должны сделать только так, как он представляет себе конечный результат» (с. 10).

Автор начинает исследование пятой колонны, опираясь на позицию Президента Российской Федерации В. В. Путина, который сказал: «Некоторые западные политики уже стращают нас не только санкциями, но и перспективой обострения

внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некоей пятой колонны – разного рода "национал-предателей" – или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей?» (с. 12).

Далее Л. В. Голоскоков переходит, казалось бы, к сугубо формальному и скучному научному **разделу 3 «Определение общих подходов к исследованию и его методологии».** Однако, как отражено в конечном итоге, комплекс методов, примененный в работе, оказался действующим совсем не формально, а эффективно. Автор заявил об использовании следующих методов: исторического, сравнительно-правового, социологического, анализа и синтеза, прогностического, математического и др. Применены также междисциплинарные методы (например, между предпринимательским правом и уголовным правом) и трансдисциплинарные подходы (между разными науками, например, между правом и математикой), которые, собственно, и позволили сделать главные выводы и предложения» (с. 13).

Действительно, только полное использование перечисленных методов позволило автору сделать главный вывод о сути наблюдаемого в социуме явления пятой колонны. Причем главный вывод для объяснения сути феномена сформулирован не на основе правовой науки, в которой, согласно авторской позиции, нет ответа на этот вопрос, а на основе математики и ее новейшего открытия – *аттрактора Лоренца*. Право и другие гуманитарные науки на данный вопрос не отвечают в связи с отсутствием у них соответствующего инструментария и методов.

Конечно, автор подчеркивает, что сложнейший социальный феномен не может быть объяснен на 100 процентов и с помощью аттрактора Лоренца. Но самый большой объем наблюдаемых явлений, связанных с пятой колонной, получает объяснение на основе математики. Именно математика дает системное объяснение этого феномена, который является лишь одной из сложных подсистем. Аттрактор Лоренца дает объяснение поведения любых сложных систем. К ним относится и государство, и социум, и пятая колонна как сложная подсистема внутри социума и государства.

Затем исследованы исторические корни явления пятой колонны и приведены его аналоги в глубокой истории. Ранее 1936 г. понятия пятой колонны не существовало, но некоторые

сущностные ее проявления все-таки показаны автором на исторических примерах Франции 1713 г., царской России, современных США и Франции 2021 г.

В сфере права, на примерах всего двух институтов (в частности социального партнерства и отдельно – сравнительного анализа артели и акционерного общества), с применением к ним философских подходов и категорий рациональности и иррациональности показано, как стремление законодателя улучшить всё в рассматриваемых сферах привело к обратному результату. Объяснение такого процесса автор откладывает до его обобщения на множестве примеров, приведенных им далее, в таких сферах, как государственное управление, права человека, цифровая экономика, гибридные войны, новейшие технологии, образование, наука, финансы, культура, справедливость, иррациональность, рациональность, экстремизм, терроризм, преступность.

Особый интерес представляет анализ деятельности пятой колонны в **разделах 14 «Пятая колонна и образование» (с. 132–139) и 15 «Пятая колонна и наука» (с. 140–144)**, то есть в сфере образования и науки. Объективная реальность, изложенная автором, такова, что Россия продолжает терять свои позиции в этих важнейших сферах жизни общества по сравнению с другими странами, обладающими развитой рыночной экономикой. Погоня за формой в ущерб содержанию, значительное сокращение государственного финансирования российской науки и образования создают существенную угрозу для успешного развития нашей экономики уже сегодня, а не только в обозримом будущем.

После изучения феномена пятой колонны во всех исследуемых сферах автор делает главный вывод в **разделе 23 «Наука о сущности феномена пятой колонны»** (с. 200), основанный на возникшем понимании поведения сложных систем. Опираясь на доклад Президента РАН А. М. Сергеева, он пишет: «Математическая наука показывает, что при малейших возмущающих движениях сложная система даже с полутора степенями свободы может быстро перейти в состояние хаоса. Иначе говоря, даже малые воздействия на систему приводят к колоссальным последствиям, но современная общественная система (государство) имеет множество степеней свободы. Поэтому при попытке регулировать ее устаревшими, ошибочными и не учитывающими малейшие нюансы нормами

права управляемая система быстро сваливается в хаос, и тогда при любом управляющем воздействии, совершенном правовыми средствами, результат чаще всего получается отрицательный».

Появляется научное объяснение вроде бы шутливой формулы В. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». На самом деле содержательная часть афоризма имеет более древнее происхождение («Благими намерениями вымощена дорога в ад»), восходит и к английскому богослову XVII столетия Д. Герберту. Однако закономерность явления, отраженная в этих фразах, получила объяснение, полагаем, во многом через аттрактор Лоренца: в сложных системах просчитать последствия благих намерений (например, сформулированных в виде законов) почти невозможно с нашими примитивными техническими средствами и отсутствием методик. Поэтому даже «просчитанные» последствия не спасают от хаоса, который в государстве проявляется в том смысле, что планируют одно, а результат получается другой» (с. 203).

Нужно признать, что исключительно методами юридической науки прийти к таким выводам было бы невозможно, потому что она за последние десятилетия усиленно углублялась в себя и не использовала в полной мере междисциплинарные и трансдисциплинарные методы исследования.

Однако даже необычный с позиций юриспруденции вывод, объясняющий глубинную суть исследуемого явления, сам по себе был бы не настолько значим, если бы автор не предложил комплекс идей, отвечающих на вопрос в самом объемном разделе монографии – **разделе 24 «Ответ науки пятой колонне, экстремизму, терроризму и иной преступной деятельности».**

Ранее, рассуждая в **разделе 13 «Пятая колонна и новейшие технологии»**, автор заключает, что «наука должна сформулировать еще и глобальную идею государства и общества, поскольку Россия – держава мировая, глобальная, и устремления в мире у нее должны быть тоже глобальные» (с. 130). И он не останавливается на абстрактном пожелании действовать таким образом, а представляет в итоге работы свой глобальный проект. Тем более что в российской ментальной традиции интеллигенции два взаимосвязанных вопроса всегда находятся рядом. Получив ответ на первый вопрос «Кто виноват?», автор переходит к вопросу «Что делать?» и представляет развернутый план действий, глобальный проект, который не зависит напрямую от

государства, но может быть им поддержан; не требует бюджетного финансирования, но при небольшом финансировании может дать колоссальный толчок к развитию государства; использует все старые и новые принципы управления; учитывает важность динамичного баланса вертикали власти и сетевого распределенного управления; отвечает на вопрос о том, в чем будет заключаться интерес рядового гражданина; отвечает на вопрос о том, как реализовать на практике конституционный принцип республиканского правления, исходя из того, что *Res Public* – общее дело; предлагает применить новейшие методы компьютерного моделирования сложных объектов, в том числе и государства, использовать его виртуальную модель как для исследования текущих процессов государственного строительства, так и для их перевода в плоскость реальных дел; предлагает применять сетевые технологии и искусственный интеллект; и, наконец, предлагает самое важное – сделать именно человека главной фигурой в государстве: творцом, строителем, созидателем, который будет строить свое государство, и поэтому ему некогда будет сваливаться в штопор экстремизма, терроризма и иной преступной или деструктивной деятельности.

Предлагаемые в проекте решения не являются, как можно было ожидать от автора-юриста, общими, неопределенными или традиционно обращенными в сторону усиления уголовной ответственности. Проект наполнен конкретными предложениями, в нем описаны научные, правовые, социальные, экономические основания проекта, обозначена цель, миссия, задачи, методы решения, изложены этапы необходимой практической работы, охарактеризована производственная, коммерческая, финансовая основа проекта (с. 238), детально расписана организационная сторона проекта (с. 243–249), очерчены риски. Проект наполнен конкретикой, автором передано ясное видение конечных результатов реализации проекта (с. 60), заслуживающих внимания и поддержки.

В качестве основной движущей силой развития модельного государства автор указал «идею, которую можно представить как личное участие человека в общем деле по развитию своего собственного государства, в котором он не просто статист, а активный участник всех процессов» (с. 220–221). Главный вывод и предложение автора, вытекающие из проекта в целом, состоят в следующем: борьба с преступностью, экстремизмом,

терроризмом, деяниями пятой колонны, конечно, должна проводиться и прежними методами, что неизбежно, но любая деструктивная деятельность и преступность любого рода, включая деяния пятой колонны, лучше всего будут минимизированы способом реализации его проекта, когда каждый гражданин будет задействован в глобальном проекте строительства государства лично. Поэтому ему некогда будет заниматься чем-либо, кроме работы на благо государства и в своих личных финансовых и экономических интересах.

Для написания книги автор использовал 90 научных источников, а также законы, нормативные правовые акты и иные документы.

В итоге можно утверждать, что монография «Пятая колонна как социальный, правовой и криминальный феномен» Л. В. Голоскокова представляет определенную ценность для широкого круга читателей не только потому, что автор отважился написать работу о пятой колонне. Это – первая монография, посвященная данной теме, широко и глубоко проникающая в суть явления с позиций разных наук. Она ценна еще и тем, что через предложенный глобальный проект автор показывает, что и как нужно делать государству, обществу, гражданам, чтобы совершить рывок вперед и выйти из современного положения неопределенности, нарастающего хаоса, падения экономики и нравов, потери самоидентичности.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по ***e-mail***: **vzlaw@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть **не менее семи**, но не более **15** страниц – для аспирантов и соискателей; **20** страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук (при интервале 1,5).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир
Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

– индекс УДК;

– ндекс ББК;

– заглавие статьи на русском и английском языках;

– фамилии и инициалы автора(*-ов*) на русском и английском языках;

– должность и место работы автора(*-ов*) на русском и английском языках;

– аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала. Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

– не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее семи источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят.**

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12**, **одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(*-ами*) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

Уважаемые читатели!

Уведомляем Вас о возможности
приобретения научно-практического журнала
«Власть Закона»
в интернет-магазине: www.niiapsp.ru

Стоимость продукции:

КВАРТАЛ (ОДИН ВЫПУСК) – 400 РУБ.
ПОЛУГОДИЕ (ДВА ВЫПУСКА) – 700 РУБ.
ГОД(ЧЕТЫРЕВЫПУСКА) – 1100 РУБ.

С уважением, редакция журнала!